

ISSN 0131-6117

Русе-

R U S S I A N

С Е К А Я

S P E E C H

Р Е Ч Ь

МОСКВА, 2025

ИЮЛЬ –
АВГУСТ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

- О. В. Антонова** к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: **М. А. Пузина**

Зав. отделами: **С. В. Дьяченко, О. В. Антонова**

Статьи отбираются редколгией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волхонка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: <http://russkayarech.ru/>

- © Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2025

ISSN 0131-6117

Russian

R U S S K A Y A

Speech

R E C H'

MOSCOW, 2025

**JULY -
AUGUST**

Founded in January 1967
6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev

Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena Ya. Shmeleva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena L. Berezovich

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Vadim V. Dementyev

Saratov State University, Saratov, Russia

Evgeniya E. Dmitrieva

M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia

Alexei A. Gippius

National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia

Michael Gorham

University of Florida, Gainesville, USA

Andrey A. Kibrik

Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yury A. Kleiner

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Alexander M. Krasovitsky

University of Oxford, UK

Maxim A. Kronhaus

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Dina M. Magomedova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Vladimir I. Novikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Heinrich Pfandl

University of Graz, Austria

Maria Polinsky

University of Maryland, College Park, USA

Ekaterina Y. Protassova

University of Helsinki, Finland

Maria A. Puzina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Larissa Ryazanova-Clarke

University of Edinburgh, UK

Anna V. Zanadvorova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor:

Maria A. Puzina

Editorial staff:

Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... А. С. Азанова. Частица *чай* в одном восточном среднерусском говоре
- 25..... О. Г. Борисова. *Де нас взяли? / Откуда нас взяли?*
(вербализация народных представлений о происхождении детей
в языковом сознании носителей кубанских говоров)
- 34..... О. А. Давыдова. Заимствования из китайского в современном
русском литературном языке (лексикографический аспект)
- 45..... Е. В. Кашкин, М.-Э. А. Винклер. Некоторые особенности русского языка
в Кыргызстане
- 65..... Т. Н. Коробейникова. Особенности акцентуации словоформ
в составе фразеологизмов
- 75..... Н. В. Семёнова, Ж. Ю. Полежаева. Является ли «инфохомяк» неологизмом?
К истории слова

Из истории русского языка

- 89..... Л. Л. Крючкова. К истории фразеологизма *хоть (матушку) репку пой*

Язык художественной литературы

- 100..... О. О. Секиро. Идеологема *почва* и ее истоки
(на материале публицистики И. С. Аксакова)
- 115..... О. И. Федотов. Три регтайма Андрея Вознесенского:
сонет ли один из них?

Наука в лицах

- 127..... Памяти Елены Яковлевны Шмелевой

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... *Anna S. Azanova*. Particle *chai* in One East Middle Russian Dialect
- 25..... *Olga G. Borisova*. *De Nas Vzyaly? / Where Did We Come from?*
(Verbalization of Folk Beliefs about the Origin of Children
in the Linguistic Consciousness of Kuban Subdialect Speakers)
- 34..... *Olga A. Davydova*. Borrowings from Chinese in the Modern Russian
Literary Language (Lexicographic Aspect)
- 45..... *Egor V. Kashkin, Maria-Emilia A. Winkler*. Some Peculiarities of Russian Language
in Kyrgyzstan
- 65..... *Tatyana N. Korobeynikova*. Peculiarities of Accentuation of Word Forms
in Phraseological Units
- 75..... *Natal'ya V. Semenova, Zhanna Yu. Polezhaeva*. Is “Infokhomyak” a Neologism?
An Examination of the Word’s History

From the History of the Russian Language

- 89..... *Lyubov L. Kryuchkova*. To the History of a Phraseme *Sing (Mother) Turnip*

The Language of Fiction

- 100..... *Olga O. Sekiro*. Ideologeme *Pochva* (‘Soil’) and Its Origin
(On the Material of Ivan S. Aksakov’s Journalism)
- 115..... *Oleg I. Fedotov*. Three Ragtimes by Andrey Voznesensky:
Is One of Them a Sonnet?

Science and Persons

- 127..... In Memory of Elena Yakovlevna Shmeleva

Частица *чай* в одном восточном среднерусском говоре

Анна Сергеевна Азанова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), azanovaas98@gmail.com

DOI: 10.31857/S0131611725040018

аннотация: В статье исследуются функции частицы *чай* в говоре деревни Красная Лука Лысковского района Нижегородской области, который относится к восточным среднерусским окающим говорам (Владимирско-Поволжская группа). Материал исследования включает восемь часов интервью с тремя жителями старшего возраста, из записей выделено 102 контекста с частицей *чай*. Частица мало представлена в литературе, ее функции изучены не до конца. При исследовании мы выделяем следующие параметры значения, некоторые из которых далее объединяются в группы: 1) известность адресату, 2) эпистемическая модальность (выражает неполноту знаний говорящего), 3) причина, 4) следствие, 5) продолжение и развитие темы, 6) употребление в императивных контекстах (со значением побуждения). В работе был применен точный тест Фишера, который показал статистическую значимость первых трех (самых частотных) параметров для наличия частицы в высказывании. Так как частица встречается не только в говорах, но и в современном литературном русском языке, было решено сравнить ее использование в рассматриваемом говоре и в основном корпусе НКРЯ с 1950 года. Главным отличием стало наличие в корпусе конструкции *чай не* в сочетании с именной группой, которая не зафиксирована в говоре, а также частотность частицы в вопросах и контекстах с чисто модальным значением.

ключевые слова: русские диалекты, восточно-среднерусские говоры, дискурсивные частицы, корпусное исследование

для цитирования: Азанова А. С. Частица *чай* в одном восточном средне-русском говоре // Русская речь. 2025. № 4. С. 7–24. DOI: 10.31857/S0131611725040018.

Issues of Modern Russian Language

Particle *chai* in One East Middle Russian Dialect

Anna S. Azanova, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow),
azanovaas98@gmail.com

ABSTRACT: The paper attempts to describe the functions of a Russian particle *chai* in the dialect of Krasnaya Luka village in Lyskovo district, Nizhny Novgorod region, that belongs to East Middle Russian dialects with okanye (Vladimir-Volga group). The data includes 8 hours of interviews with older inhabitants, from which 102 contexts with the particle *chai* were allocated. In the linguistic literature the particle is underrepresented, and its functions have not been fully researched yet. In our research we propose the following parameters of meaning: 1) the awareness of the addressee, 2) epistemic modality, 3) cause, 4) consequence, 5) continuation and development of the topic, 6) use in imperative context. In the study the exact Fisher's test was applied and showed the statistical significance of the first three (most frequent) parameters for the presence of the particle in a statement. Since the particle is present not only in the dialects, but also in modern standard Russian, we decided to compare its usage in the dialect under research and in the National Russian Corpus since 1950. The main difference turned out to be the construction *chai ne* plus noun phrase in the corpus, that was not attested in the dialect, and also the fact that the particle is more frequent in interrogative and modal contexts.

KEYWORDS: Russian dialects, East Middle Russian dialects, discourse particles, corpus study

FOR CITATION: Azanova A. S. Particle *chai* in One East Middle Russian Dialect. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 7–24. DOI: 10.31857/S0131611725040018.

1. Введение

Наше исследование посвящено функционированию частицы *чай* в говоре деревни Красная Лука Лысковского района Нижегородской области. Исследуемый говор относится к Владимирско-Поволжской группе говоров. Частица *чай* в говоре встречается довольно часто (2 употребления на 1000 словоформ), ее функции исследованы не до конца, хотя о ней писали некоторые ученые, см. [Волгина 2008; Собинникова 1956]. В примере 1 мы видим употребление частицы *чай*, не характерное для русского литературного языка:

- (1) *И¹: Нет хулиганов-то в деревне? — Нет, не слышать вроде. Чай у нас вон и ночью который раз отперто.*

Эта частица распространена по крайней мере в восточных среднерусских говорах [Кувшинская 2020], о которых пойдет речь, в восточных южнорусских говорах [Собинникова 1956] и в говорах позднего формирования: в Поволжье, на Урале и других территориях [Филин (ред.) 1965–1974, НКРЯ Диалектный подкорпус]. Исследователи отмечают множество фонетических вариантов, в которых встречается эта частица: *чай, чий, цай, шай, щай, чать* в Нижегородской области [Волгина 2008: 11]; *чей, чай*, а также *чай уж* и *чейуш* в Воронежской области [Собинникова 1956: 58–60]. В исследуемом говоре встретились варианты *чай* и *чей*, [чый].

О. В. Волгина [Волгина 2008: 11] на территории Нижегородской области отмечает следующие значения у частицы *чай*: 1) актуализация информации, которая, по мнению говорящего, известна адресату; 2) аппроксимативное значение, то есть значение приблизительности (*три-четыре чай года*); 3) снятие категоричности просьбы в побудительных предложениях. В. И. Собинникова [Собинникова 1956: 59] считает основным и исходным значением частицы *чай* (и ее вариантов) значение предположительной возможности. Данное значение отражает связь с этимологией частицы, которая происходит от 1 л. ед. ч. глагола *чаять* — *чаю* [Фасмер 1987: 311]. Однако в материалах, собранных в Гремяченском районе Воронежской

¹ И: — до тире речь интервьюера.

области, значения частицы переплетены со значениями частицы *чи* и включают также значение разделительного союза для обеих частиц:

(2) *Чей он придет', чей нет* [Собинникова 1956: 60].

Чай относится к дискурсивным частицам, которые имеют множество значений и функций. В этой связи заслуживает упоминания работа Мархье Пост [Post 2005], в которой показано, что севернорусская частица *дак* служит для связи двух пропозиций, причем выражены могут быть как обе, так и одна из них. Эта связь может быть разной: условие и результат, причина и следствие, действие и реакция, слово и его объяснение, человек и его характеристика и так далее. Как будет показано в нашей статье, в некоторых аспектах частица *чай* также вписывается в эту концепцию. Мы считаем, что она способна выражать причинно-следственную связь, а также служить маркером продолжения и развития темы. При этом предложение с частицей связано с предыдущим контекстом, в том числе экстралингвистическим. На материале из Лысковского района Нижегородской области мы рассмотрим примеры с частицей *чай* с точки зрения обсуждаемых факторов.

По данным Национального корпуса русского языка², наибольшая распространённость частицы в русском литературном языке приходится на XIX век, тогда же ее можно встретить и у русских классиков. Далее частотность употребления частицы снижается, но она не полностью исчезает из литературного языка. В связи с этим мы решили сравнить использование частицы *чай* в основном подкорпусе НКРЯ с результатами исследования диалектного материала.

2. Данные и методы

Говор деревни Красная Лука Лысковского района Нижегородской области относится к восточным среднерусским окающим говорам Владимирско-Поволжской группы, Горьковской подгруппы [Захарова, Орлова 1970: 154–159]. Данная территория обследована по программе ДАРЯ, ближайший обследованный населенный пункт — деревня Летнево, которая находится в 5 км от Красной Луки [ДАРЯ 1986; Марченко и др.]. Отметим некоторые яркие черты говоров этой группы [Касаткин (ред.) 2013: 290–291; Марченко и др.], представленные и в наших экспедиционных материалах:

- 1) различие фонем /а/ и /о/ только в первом предупредном слоге (неполное оканье) после твердых согласных;
- 2) /у/ на месте /о/ во втором предупредном неприкрытом слоге (*угурцы*);

² Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.07.2024).

- 3) изменяемая частица *-то* с вариантами *-ту, -та, -ти, -от*;
- 4) стяжение гласных в формах настоящего времени глаголов (*думат, знашь*);
- 5) форма личного местоимения 3 л. мн. ч. *онé*.

Материал для данного исследования взят из интервью, которые были собраны автором в 2020 году. Интервью проводились с местными жителями деревни старшего возраста (1937–1942 гг. р.). Из 8 часов записей от трех основных информантов методом сплошного прослушивания было выписано 102 примера контекстов с частицей *чай/чей*. Относительно высокая частота встречаемости делает ее употребление в говоре одной из его диалектных особенностей.

Мы анализируем частицу *чай*, используя следующие параметры: 1) известность адресату, 2) предположение, 3) причина, 4) следствие, 5) продолжение и развитие темы, 6) употребление в контексте побуждения к действию. Предлагаемые параметры в большинстве не являются взаимоисключающими, наличие нескольких признаков часто бывает одновременным. Рассмотрим эти параметры.

1. Известность адресату

Этот параметр отмечался при условии, что предложение с частицей *чай* содержит информацию, которая, по мнению говорящего, известна адресату. Она может содержаться в предыдущем контексте, общем фонде знаний говорящего и адресата или быть выражена экстралингвистически. Кроме того, известность адресату имеет место, если говорящий делает предположение об адресате, то, что он сам о себе знает (пример 21).

- (3) *(скамейка пыльная) Да чай, она чай не грязна, не мокра.*

В примере (3) пропозиция известна адресату из экстралингвистического контекста (адресат уже сидит на скамейке).

- (4) *Что платили, на них разве проживешь? Чай и питаться надо, и платить за всё надо.*

В примере (4) известность адресату определяется из общих знаний.

2. Предположение

Частица *чай* может иметь эпистемическое модальное значение (предположение, неуверенность), то есть показывать, что говорящий с определенной вероятностью считает содержание высказывания (пропозицию) истинным [Palmer 2001: 24].

- (5) *Подружки чай у тебя там есть, не скучно.*

В данном примере частица *чай* содержит значение предположения, так как говорящий не может быть уверен в истинности содержания высказывания.

- (6) *(с кем еще поговорить) Она чай чего тут знает, ничего чай не знает. А может, и больше знает, кто ее знает.*

Значение предположения также содержится в примере (3).

3. Причина

Значение причины у частицы *чай* отмечалось в тех случаях, когда предложение с *чай* называет причину того, что содержится в предшествующем контексте. В этом случае можно заменить частицу союзами *так как* или *потому что*.

- (7) *Вот залез куда. Смотри, он испачкает тебе это, ноги чай грязные у него.*
(8) *(крыша вся как решето) — Чай им по сто пятьдесят лет (дома).*

4. Следствие

Аналогично со значением причины, значение следствия отмечалось, когда предложение с *чай* называет следствие того, что содержится в предшествующем контексте. *Чай* в таких случаях можно заменить словами *следовательно, поэтому*.

- (9) *И: Я уж думала, долго не будет воды, но быстро сделали. — А как вот без воды сейчас ведь плохо, лето. Постарались чай уж, уделали.*
(10) *Ну чай всё равно огород есть, так чай в огороде что-то да есть.*

5. Продолжение и развитие темы

В данном случае говорящий добавляет что-то новое к уже затронутой теме.

- (11) *(ключ был, теперь загородили) Чай это ходили полоскать белье туда всегда.*
(12) *И: Шурику сосиски купила. — Чай у нас собачке мясо, говядину берет. Говорю: так ты меня хуже кормишь, чем собаку.*

6. Контексты с побуждением к действию

В отдельную группу были выделены контексты с *чай*, в которых присутствует значение побуждения к действию, значение частицы в этих контекстах обсуждается ниже.

Все параметры, кроме значения предположения и побуждения к действию, подразумевают связь с уже сказанным или известным. Например, повтор или наличие в экстралингвистическом контексте, в общей

сфере знаний говорящего и адресата в случае параметра «известность адресату». Причинно-следственная связь — в случае параметров причина и следствие, продолжение и развитие темы — в случае наличия соответствующего значения.

3. Результаты

В результате исследования удалось выделить примеры употребления частицы со следующими значениями, отличающимися друг от друга набором исследуемых параметров, которые характерны для контекста.

В первой группе (30 примеров) отмечен только параметр известности адресату.

(13) *Уж вот этих домов, что вот раньше-то ходила я, чай в детстве-то все время там была, (— Ну да), сейчас кто где живет не знай.*

(14) *(Рассказывает, что ждет людей смотреть дом на продажу) А я уж и забыла, что это я чай сiju.*

В примере (13) известность адресату (другому информанту) подтверждается фразой «Ну да» в ответ на сказанное, а в примере (14) известность обусловлена предшествующим контекстом.

Вторая группа примеров сочетает параметры известности адресата и значение предположения (17 примеров). В ней говорящий считает, что адресат обладает необходимой информацией, а сам при этом не до конца уверен в истинности сказанного.

(15) *И: А вот этот дом, так с ним ничего и не делают? — Коленьки-то? Ты чай его тоже помнишь. — И: Ну да.*

(16) *Из вишен можно вино делать, у вас чай вишня есть. — И: Нет.*

В третьей группе контекстов одновременно присутствуют параметры известность адресату и причина (15 примеров). В этой группе известное адресату произносится, чтобы указать на причину чего-либо.

(17) *Он на мопеде всё ездил, чай парень не будет сидеть дома.*

(18) *Хорошо магазин-то есть, а то... без магазина плохо. Чай всё-таки деревня большая.*

Четвертая группа состоит из контекстов, в которых отмечен параметр причины (без известности адресату) в сочетании со значением предположения (4 примера) или без него (16 примеров). В этой группе частица используется, чтобы указать на причину чего-либо, но адресату пропозиция неизвестна.

(19) *(крыша вся как решето) Чай им по сто пятьдесят лет (домам).*

(20) *(долго не едут) Сейчас они, если приедут, позвонят. Чай с работы, может, приехали только или откуда.*

Пятая группа представляет достаточно редкое в наших данных (6 примеров) значение следствия и сочетается с параметром известности адреса, может присутствовать и значение предположения.

(21) *Девчонка-то грамотна, чай сообразила, наверное, чё такое.*

(22) *Бывало, под окошком сижу, чай увижу — на мопеде едет.*

В шестой группе значений частица *чай* является маркером продолжения и развития темы. В этом случае другие параметры оказались не задействованы. Говорящий добавляет что-то новое к затронутой теме — как правило, личный пример.

(23) *(тут было стадо) — Чай я семь лет держала корову.*

(24) *И: Нет хулиганов-то в деревне? — Нет, не слышать вроде. Чай у нас вон и ночью который раз отперто.*

В контексте побуждения к действию частица *чай* встретилась 4 раза. Возможно, в данных контекстах она придает совету очевидность, «известность». В работе [Волгина 2008: 11] говорится о значении снятия категоричности просьбы, она представляется как ожидаемая. Для подробного анализа в наших данных недостаточно таких примеров.

(25) *А у нас Галина тоже, у нее нету, а ей предложили, так чай, мол, вон иди к институту, и там девчонок-то есть, уговори там какую-то.*

(26) *И: я раньше сильно переживала, а теперь я про него не думаю. — Наплевать чай. Их полно таких-те. Полно, они не слушаются.*

В последней группе (6 примеров) у частицы *чай* удастся усмотреть исключительно значение предположения. В этих примерах частица может сочетаться со словами, вводящими эту модальность — *наверно* и *может*.

(27) *И: Сегодня солнышка нет, так пасмурно. — Чай может будет. Днем-ти может будет.*

(28) *Свет-то? Включают наверно чай.*

Количество примеров, отмеченных в каждой из описанных выше групп, представлено в Таблице 1.

В Таблице 2 приведено количество примеров по каждому параметру разметки отдельно.

Таблица 1. Группы значений частицы *чай* в говоре деревни Красная Лука

Table 1. Groups of meaning of the particle *chai* in Krasnaya Luka dialect

Известно адресату	Предположение	17	68
	Причина	15	
	Следствие	6	
	—	30	
Причина	Предположение	4	16
	—	12	
Продолжение темы		8	
Побуждение к действию		4	
Предположение		6	

Таблица 2. Параметры значений частицы *чай* в говоре деревни Красная Лука

Table 2. Parameters of meaning of the particle *chai* in Krasnaya Luka dialect

Известно адресату	68
Предположение	30
Причина	31
Следствие	6
Побуждение к действию	4
Продолжение темы	8

Далее приводятся результаты попытки оценить, действительно ли наличие частицы *чай* в предложении связано с выделенными параметрами. Для этого по тем же параметрам были размечены дополнительно 100 предложений без частицы *чай* из случайного отрывка сплошной расшифровки интервью. В результате получено два набора примеров — с частицей *чай* и без нее, где каждый пример размечен относительно известности адресату, значения предположения, причины и других параметров (см. Таблицу 3). Теперь с помощью точного теста Фишера мы можем узнать, от каких параметров зависит или не зависит наличие частицы в предложении.

По результатам точного теста Фишера статистически значимыми оказались параметры известности адресату, значения предположения и причины ($p < 0,05$). Остальные параметры достаточно редки как

в примерах с частицей, так и в примерах без нее, и тест показал отсутствие зависимости. В Таблице 3 приведены данные по тем параметрам, которые показали статистически значимый результат в точном тесте Фишера.

Таблица 3. Наличие параметров «Известность адресату», «Значение предположения» и «Причинная связь» в предложениях с частицей *чай* и без нее

Table 3. Presence of parameters “Known to the addressee”, “Assumption” and “Cause” in the sentences with the particle *chai* and without

	Известно	Неизвестно	
чай	68	34	102
Без <i>чай</i>	20	80	100
	Предположение	Нет предположения	
чай	30	72	102
Без <i>чай</i>	3	97	100
	Причина	Нет причины	
чай	31	71	102
Без <i>чай</i>	7	93	100

4. Значение предположения у частицы *чай*

Как уже было сказано выше, частица *чай* может иметь значение предположения, то есть показывать суждение говорящего об истинности содержания высказывания [Palmer 2001: 24]. Кроме того, частица встречается в вопросительных контекстах и контекстах с побуждением к действию и сочетается с другими лексическими маркерами выражения предположения. Рассмотрим этот последний случай подробнее.

Из 30 предложений, в которых отмечено значение предположения (в том числе в сочетании с другими параметрами), в 7 имеются дополнительные маркеры типа *может, наверное, вроде*. Из 6 примеров, в которых у *чай* отмечено только значение предположения, в 4 присутствуют дополнительные маркеры *может* и *наверно/е* (см. примеры (27–28)). Приведем здесь 2 имеющихся примера без маркеров:

(29) (с кем еще поговорить) Она **чай** чего тут знает, ничего **чай** не знает.
А может, и больше знает, кто ее знает.

(30) (слышно) Ольга **чай** тележкой бренчит.

Эпистемическая модальность (значение предположения) может быть представлена в виде шкалы, в зависимости от степени уверенности говорящего [Frawley 2006: 6]. В случае частицы *чай* это, как правило, предположение, основанное на общих знаниях говорящего — предположительная (assumptive [Palmer 2001]) — или вывод из наблюдаемых фактов — дедуктивная (deductive [Там же]) модальность.

Предположительная:

- (31) *Девчонка-то грамотна, чай сообразила, наверное, чё такое.*
(32) *Из вишен (можно вино делать), у вас чай вишня есть. — Нет.*

Предположение делается из общих знаний — об образованности адресата, о том, что здесь у всех на огородах растут вишневые деревья.

Дедуктивная:

- (33) *Она пришла с огорода-то, всё выключила, дверь закрыла. Она чай слышит, мы тут.*
(34) *(скамейка пыльная) Да чай, она чай не грязна, не мокра.*

Предположение, или вывод, делается из наблюдаемых фактов: дверь закрыта и свет выключен в первом случае, погода сухая, дождя не было — во втором.

Для сравнения приведем примеры с дополнительными лексическими маркерами значения предположения.

- (35) *(долго не едут) Сейчас они, если приедут, позвонят. Чай с работы, может, приехали только или откуда.*
(36) *Оне, наверно, забрали ее, она такая собачка хорошая. А она на кладбище, чай за народом наверно побежала.*

В данном случае говорящий делает возможное предположение, не основываясь на каких-либо фактах или знаниях. Это позволяет предположить, что дополнительное использование таких маркеров, как *может* и *наверно*, «снижает» уровень уверенности говорящего по отношению к содержанию высказывания. Частица *чай* с лексическим маркером предположения дает третий, наименее точный уровень оценки — спекулятивный (speculative [Palmer 2001]).

5. Частица *чай* в основном корпусе НКРЯ

Известно, что в русском литературном языке частица *чай* может выражать значение неуверенности в утвердительном высказывании, а также использоваться в вопросе [Логвинова 2021]. В Малом академическом словаре

частица описывается как просторечная, синонимичная словам *по-видимому* и *наверное* или употребляющаяся для подчеркивания достоверности высказывания в значении *все-таки, ведь* [Евгеньева (ред.) 1999: 651].

Для анализа частицы в литературном языке были использованы данные из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Так как задача состояла в оценке современного использования частицы, был выбран подкорпус с 1950 года. По запросу «чай, PARENTH | PART» (вводное слово или частица) мы получили 439 примеров. В ходе разметки исключались повторы, цитирования поэзии и более ранних произведений, более 20 примеров из одного произведения и произведение с явной имитацией диалектной речи [В. Г. Галактионова. Большой крест, 2001]³: *Ну, не до конца всё жа: чай и в новой-то вере умны русски батюшки кой-чово из старой веры тайком сберегли всё жа.*

Здесь стоит отметить, что бóльшая часть примеров оказалась из художественной литературы. В них просторечная частица скорее всего используется как художественный прием для характеристики речи героев. Тем не менее это говорит и том, что сам автор владеет данной частицей. Вопрос о том, насколько такие примеры можно считать литературными, мы оставляем на усмотрение читателя.

В результате всего было размечено 354 примера. Основные параметры разметки — известность адресату, значение предположения и причина — были сохранены, а также добавлены два других — вопросительный контекст и сочетание *чай не*. Новые параметры разметки были введены из-за частотности вопросительных и отрицательных контекстов в выборке в целом и по сравнению с диалектными данными. Рассмотрим далее наиболее частотные группы примеров.

1. *Чай не*, известно адресату, причина (117 примеров).

Самая частотная группа. После отрицания, как правило, идет именная группа, отрицается общеизвестный факт, и предложение имеет значение причины.

(37) *Тогда — чуть переждав — искать бросили: вознегодовали, плюнули и растерли. Чай, не дворянский сын!*

В нашем диалектном материале также встречается сочетание *чай не* (7 из 102 примеров), но отличие состоит в том, что частица *чай* относится при этом к полноценному предложению, а не к сочетанию с существительным:

(38) *Он не будет есть, он чай не дурак.*

³ Здесь и далее (кроме (38)) примеры взяты из НКРЯ.

2. Только значение предположения (57 примеров)

Второй по частотности является группа предложений с *чай* со значением предположения. В отличие от диалектных примеров, здесь частица не сочетается с другими лексическими модальными маркерами.

(39) *Ну и отлично. Топай-ка туда, отдохни, вытащи из-за голенища расписную ложку и похлебай городских щей. Или к шурыку двигай. Сватья Акулина, чай, тоже примет.*

3. Известность адресату, предположение (35 примеров)

Значение предположения в сочетании с известностью адресату. Обычно это некое предположение о том же человеке, которому адресовано высказывание. Это частотное значение частицы и в диалектных материалах.

(40) *Давно вас ждем, товарищи. Чай, умаялись с дороги-то...*

4. Вопрос, известность адресату, предположение (35 примеров)

В примерах из корпуса частица *чай* частотна в вопросительных контекстах (в диалектном же материале мы встретили всего 3 вопроса и один риторический в 102 примерах). Контекст вопроса естественным образом сочетается с наличием значения предположения и известностью адресату. В работе [Логвинова 2021] также делается вывод о том, что *чай* в синтаксическом смысле похожа на вопросительную частицу.

(41) *А сейчас извольте: вот перо, бумага, пишите домашним. У вас, чай, детишки? Ну-с, пишите, пусть не тревожатся.*

5. Известность адресату, причина (32 примера)

Группа значений, часто встречаемая и в диалектных данных. Однако здесь она еще и может являться «зеркальным отражением» первой группы, но без отрицания, также сочетаясь с именной группой и имея значение причины. Ср.:

(42) *А как же не знать, — сказала старуха, — ведь мы же здесь все живем, соседи, чай. vs*

(43) *Что ж не покормить, не чужие, чай.*

В Таблице 4 представлены перечисленные выше группы и еще две, количество примеров в которых превышает 10 (их значение обсуждалось выше в связи с диалектными данными и не отличается здесь), количество примеров в каждой группе и процент от общего числа примеров — 354. Нули соответствуют отсутствию признака, единицы — его наличию.

Таблица 4. Основные группы значений (> 10 примеров) частицы *чай* в НКРЯ

Table 4. Main groups of meanings (> 10 occurrences) of the particle *chai* in the National Russian Corpus

Группа					Количество	Процент
Известно	Модальность	Причина	Вопрос	Чай не		
1	0	1	0	1	117	33%
0	1	0	0	0	57	16%
1	1	0	0	0	35	10%
1	1	0	1	0	35	10%
1	0	1	0	0	32	9%
1	0	0	0	0	18	5%
0	1	1	0	0	12	3%

6. Сопоставление диалектной и стандартной частицы *чай*

Главным отличием, выявленным в результате анализа примеров с частицей *чай* в материалах НКРЯ и диалектных материалах из Лысковского района Нижегородской области, является конструкция *чай не* в сочетании с именной группой в корпусных данных (см. (24)). Она преобладает в данной выборке и составляет до трети всех примеров, в то время как в диалектном материале она не зафиксирована вовсе.

Следующим важным отличием является частотность модального значения *чай*, которая гораздо выше в данных из НКРЯ. Примеры с чисто модальным значением частицы являются вторыми по частотности из всех групп значений частицы в корпусных данных и составляют 16% (см. Таблицу 4). В говоре, напротив, чисто модальное значение — одно из наименее частотных и встречается в 6% случаев.

Третье отличие заключается в частотности частицы в вопросительных контекстах. Она значимо выше в литературном языке, нежели в говоре.

Далее стоит отметить параметр известности адресату. Это самая частотная группа значений в диалектных материалах (29%), тогда как в материале НКРЯ эта группа составляет лишь 5%. Однако из-за сочетаемости с другими параметрами при сравнении абсолютных значений статистически значимых отличий между двумя группами не наблюдается.

Наконец в корпусе почти не отмечены более редкие значения, которые встречаются в диалектных материалах: почти (2 из 354) не отмечено значение следствия, не встречается частица *чай* в контекстах побуждения к действию, не отмечено значение продолжения темы.

Общим же в корпусном и диалектном материале является наличие частотных групп значений — известности адресату в сочетании со значением предположения и известности в сочетании со значением причины.

Далее приведены таблицы для точного теста Фишера ($p < 0,05$), сравнивающие корпусные и диалектные данные (Таблица 5). Статистическая значимость обнаружена для параметров значения предположения и вопроса и не обнаружена для параметров известности адресату и причины. Из корпусной выборки была исключена конструкция *чай не* как отдельный вариант употребления частицы, не характерный для диалекта.

Таблица 5. Сравнение корпусных и диалектных данных

Table 5. Comparison of the corpus and dialectal data

Значимость: –	Известно	Неизвестно	Сумма
Диалект	68	34	102
Корпус	150	87	237
Значимость: +	Предположение	Нет предположения	
Диалект	30	72	102
Корпус	158	79	237
Значимость: –	Причина	Нет причины	
Диалект	31	71	102
Корпус	62	175	237
Значимость: +	Вопрос	Не вопрос	
Диалект	4	98	102
Корпус	48	189	237

7. Заключение

В статье были проанализированы новые данные о частице *чай*. Нам удалось выделить новые значения частицы: причины, следствия, продолжения темы. Значение предположительной возможности до этого обсуждалась только в связи с южнорусскими говорами ([Собинникова 1956], о воронежских говорах) и с литературным языком [Логвинова 2021], но настоящее исследование показывает важность данного значения для частицы *чай* и в восточном среднерусском окающем говоре.

Дополнительно выделенные значения частицы в говоре могут показаться вторичными или несамостоятельными, так как они часто встречаются совместно с параметром известности адресату, однако в наших данных это

справедливо только для значения следствия. Значение же причины, предположения и продолжения темы могут встречаться отдельно от других параметров, что видно из таблицы 1 «Статистика по группам значений».

Интересным оказался тот факт, что модальное *чай* нередко (7 из 30 случаев) сочетается с другими лексическими маркерами предположительности, такими как *может*, *наверное* и *вроде*. Дальнейшее рассмотрение показало, что они используются для индикации меньшей степени уверенности говорящего, тогда как модальное *чай* без маркеров, как правило, показывает, что предположение основано на общих знаниях говорящего (предположительная модальность, *assumptive*) или наблюдаемых фактах (дедуктивная, *deductive*).

Кроме того, в статье была проведена статистическая оценка параметров наличия частицы *чай*, по которым велась разметка. Точный тест Фишера показал взаимосвязь наличия частицы и таких факторов, как известность адресату, значение предположения и причины.

Наконец, был проведен сравнительный анализ использования частицы *чай* в диалектных данных и в современном стандартном языке. Он показал значительные различия в употреблении частицы: в НКРЯ преобладает конструкция *чай не* в сочетании с именной группой, которая имеет значение известности адресату и причины (*чай, не маленькие*), тогда как в диалектном материале она не встретилась. В корпусе более частотно модальное значение и употребление частицы в контексте вопроса. В свою очередь, в диалектных материалах наиболее частотным является параметр известности адресату, на втором и третьем месте — известность адресату в сочетании со значением предположения и причины — группы, также характерные и для корпуса.

Литература

- Аванесов Р. И., Бромлей С. В. (ред.). Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. I. Фонетика. М., 1986; Вып. II. Морфология. М., 1989; Вып. III. Ч. 1. Лексика. М., 1997; Ч. 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.
- Волгина О. В. Служебные слова в нижегородских говорах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2008. 20 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1999. 800 с.
- Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Просвещение, 1970. 168 с.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Русская диалектология / С. В. Бромлей, Л. Н. Булатова, О. Г. Гецова и др. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2013. 304 с.

- Кувшинская Ю. М. Корпус говоров низовья рек Лух и Теза. 2020. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <http://lingconlab.ru/lukhteza/> (дата обращения: 08.08.2024).
- Логвинова Н. Н. Вопросительные частицы. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2021 [Электронный ресурс]. URL: http://rusgram.ru/new/chapter/label/%D0%92%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B/ (дата обращения: 08.08.2024).
- Марченко И. А., Долгов О. Н., Азанова А. С., Замбжицкая М. С., Заливина Е. А., Землянская С. А., Мочульский Д. И., Цейтина Е. И., Чистякова Д. Г., Ронько Р. В. База данных диалектологического атласа русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://da.ruslang.ru/> (дата обращения: 10.08.2024).
- Савчук С. О., Архангельский Т. А., Бонч-Осмоловская А. А., Доница О. В., Кузнецова Ю. Н., Ляшевская О. Н., Орехов Б. В., Подрядчикова М. В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
- Собинникова В. И. О влиянии украинского языка на говоры Гремяченского района Воронежской области // Славянский сборник, II выпуск, филологический. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1956. С. 47–60.
- Фасмер М. Этимологический онлайн-словарь [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 15.07.2024).
- Филин Ф. П. (ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 1–10. М.: Наука; Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1965–1974.
- Frawley W. (ed.). *The Expression of Modality*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006. 268 p.
- Palmer F. R. *Mood and Modality*. Second edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 260 p.
- Post M. *The Northern Russian Pragmatic Particle dak in the Dialect of Varzuga (Kola Peninsula)*. Ph.D. diss. Universitetet i Tromsø, 2005. 591 p.

References

- Avanesov R. I., Bromlei S. V. (eds.). *Dialektologicheskii atlas russkogo yazyka: Tsentr Evropeiskoi chasti SSSR* [The Dialectological Atlas of the Russian Language: Center of the European Part of the USSR]. Vol. I. Phonetics. Moscow, 1986; Vol. II. Morphology. Moscow, 1989; Vol. III. Part 1. Lexis. Moscow, 1997; Part 2. Syntax and Lexis. Moscow, 2004.
- Evgen'eva A. P. *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Russian Language Dictionary in 4 Volumes]. Vol. 4. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1999. 800 p.
- Fasmer M. *Etymological online dictionary*. Available at: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (accessed 15.07.2024).

- Filin F. P. (ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 1–10. Moscow, Nauka Publ.; Leningrad, Nauka Publ., 1965–1974.
- Frawley W. (ed.). *The Expression of Modality*. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2006. 268 p.
- Kasatkin L. L. (ed.). *Russkaya dialektologiya*. [Russian dialectology]. S. V. Bromlei, L. N. Bula-tova, O. G. Getsova and others. Moscow, AST-PRESS KNGIGA Publ., 2013. 304 p.
- Kuvshinskaya Yu. M. *Corpus of the Russian dialect spoken in the basins of Lugh and Teza rivers*. 2020. Moscow, Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. Available at: <http://lingconlab.ru/lukhteza/> (accessed 08.08.2024).
- Logvinova N. N. *Voprositel'nye chastitsy* [Interrogative particles]. Materials for the corpus description of the Russian grammar. Available at: http://rusgram.ru/new/chapter/label/%D0%92%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5_%D1%87%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B/ (accessed 08.08.2024).
- Marchenko I. A., Dolgov O. N., Azanova A. S., Zambrzhitskaya M. S., Zalivina E. A., Zemlyan-skaya S. A., Mochul'skii D. I., Tseitina E. I., Chistyakova D. G., Ron'ko R. V. *Database of Dialect Atlas of Russian language*. Available at: <https://da.ruslang.ru/> (accessed 10.08.2024).
- Palmer F. R. *Mood and Modality. Second edition*. Cambridge, Cambridge University Press, 2001. 260 p.
- Post M. *The Northern Russian Pragmatic Particle dak in the Dialect of Varzuga (Kola Peninsula). Doctoral dissertation*. Universitetet i Tromsø, 2005. 591 p.
- Savchuk S. O., Arkhangel'skii T. A., Bonch-Osmolovskaya A. A., Donina O. V., Kuznetsova Yu. N., Lyashevskaya O. N., Orekhov B. V., Podryadchikova M. V. [National Russian Corpus 2.0: new possibilities and development prospects]. *Voprosy yazykoznaviya*, 2024, no. 2, pp. 7–34. (In Russ.)
- Sobinnikova V. I. [On Ukrainian influence on the dialect of Gremyachensky district, Voronezh region]. *Slavyanskii sbornik, II vypusk filologicheskii* [Slavic collection II issue philological]. Voronezh, Voronezh University Publ., 1956, pp. 47–60. (In Russ.)
- Volgina O. V. *Sluzhebnye slova v nizhegorodskikh govorakh*. Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Function words in Nizhny Novgorod dialects. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kirov, 2008. 20 p.
- Zakharova K. F., Orlova V. G. *Dialektnoe chlenenie russkogo yazyka* [Dialectal division of Russian]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1970. 168 p.

Де нас взяли? / Откуда нас взяли? **(вербализация народных представлений о происхождении детей в языковом сознании носителей кубанских говоров)**

Ольга Геннадиевна БОРИСОВА, Кубанский государственный университет (Россия, Краснодар),
ogborisova@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040026

аннотация: В статье рассматривается вербальное воплощение народных представлений о происхождении детей в языковом сознании носителей кубанских говоров. Описан глагольный синонимический ряд, имеющий значение ‘рожать/родить’. Установлено, что носителями кубанских говоров чаще всего средой появления младенца в земном пространстве называется вода. Отмечена продуктивность биоморфного кода в системе народных представлений о том, откуда берутся дети. Выявлены вторичные значения у проанализированных общенародных лексем, возникшие на базе метафорического переноса. Акцентируется внимание на характерных для многих славянских культур мотивах о божественном происхождении ребенка и о «чужести» ребенка в родной семье. Подчеркнуто, что приведенные слова и фраземы не являются исключительно эвфемистическими заменами общенародных глаголов *рожать/родить*, поскольку в функционирующем в кубанских говорах «вторичном» лексиконе прослеживаются глубинная связь с народными верованиями и обрядами, этнокультурная мотивированность и семантическая емкость. Продемонстрирована актуальность обращения к материалам, зафиксированным в говорах позднего образования,

так как каждый конкретный диалект расширяет представление об общенациональной картине мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: кубанские говоры, диалектная картина мира, этнокультурная мотивированность, формулы о происхождении детей

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Борисова О. Г. *Де нас взяли? / Откуда нас взяли?* (вербализация народных представлений о происхождении детей в языковом сознании носителей кубанских говоров) // Русская речь. 2025. № 4. С. 25–33. DOI: 10.31857/S0131611725040026.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках проекта № 24-28-20008. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Issues of Modern Russian Language

De Nas Vzyaly? / Where Did We Come from? (Verbalization of Folk Beliefs about the Origin of Children in the Linguistic Consciousness of Kuban Subdialect Speakers)

Olga G. Borisova, Kuban State University (Russia, Krasnodar), ogborisova@mail.ru

ABSTRACT: The article explores the verbal embodiment of folk beliefs regarding the origin of children in the linguistic consciousness of Kuban subdialect speakers. It describes a synonymic series of verbs conveying the meaning of ‘giving birth’. The study establishes that it is water is most frequently identified as the medium through which newborns enter the earthly realm according to Kuban subdialect speakers. It highlights the productivity of the biomorphic code in the folk conceptualization of childbirth. The article reveals secondary meanings in commonly used lexemes that emerged through

metaphorical transfer. Special attention is given to motifs common in many Slavic cultures, such as divine origin of the child and the 'outsider' quality of the child within the family. It emphasizes that the words and phrasemes presented are not merely euphemistic substitutes for the common verb 'to give birth,' as the secondary lexicon present in Kuban subdialects demonstrates a deep connection with folk beliefs and rituals, ethnocultural motivation, and semantic richness. The article underscores the significance of examining materials recorded in relatively recent subdialects, as each individual dialect contributes to a broader understanding of the national worldview.

KEYWORDS: Kuban subdialects, dialectal worldview, ethnocultural motivation, formulas about the origin of children

FOR CITATION: Borisova O. G. *De Nas Vzyaly? / Where Did We Come from?* (Verbalization of Folk Beliefs About the Origin of Children in the Linguistic Consciousness of Kuban Subdialect Speakers). *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2025. No. 4. Pp. 25–33. DOI: 10.31857/S0131611725040026.

ACKNOWLEDGEMENT: The research was carried out with the financial support of the Kuban Scientific Foundation as part of the project No. 24-28-2008. The research was carried out using a grant from the Russian Science Foundation No. 24-28-20008, <https://rscf.ru/en/project/24-28-20008/>

Практически каждый ребенок задается вопросом, откуда берутся дети. Вербальному воплощению народных представлений о происхождении детей в славянской языковой традиции посвящены работы Л. Н. Виноградовой и С. М. Толстой [Виноградова 1999; Толстая 1992]. Что касается фиксации и описания этих представлений на материале кубанских говоров, являющихся говорами позднего образования, этот вопрос еще не был предметом специального рассмотрения.

Основным источником языкового материала для данной статьи послужил составленный ее автором словарь, отражающий лексику и фразеологию кубанских говоров с украинской и южнорусской языковой основой [Борисова 2018]. В него вошли сведения, собранные в ходе диалектологических экспедиций (2005–2018 гг.), проведенных в рамках диалектологических практик студентов филологического факультета Кубанского государственного университета. Привлекались также данные картотеки «Говоры Кубани», формирование которой началось с конца 50-х гг. XX в.

Исследователи славянской народной духовной культуры отмечают, что в разных славянских диалектах значение ‘родить’, ‘рождаться’ актуализируется в глаголах *найти*, *найтись*. Эти семантические диалектизмы (общенародные слова, имеющие в говорах диалектное значение) зафиксированы и в кубанских говорах. Глаголы входят в общекубанский лексический пласт, но имеют отличия в произношении: в кубанских говорах с южнорусской языковой основой — *найти́*, *найти́ть*, *найти́сь*, в кубанских говорах с украинской языковой основой — *найти́*, *найти́сь*. Приведем эти лексические единицы в записанных от диалектоносителей высказываниях: *Я зимой дэвачку найшла́* (ст-ца Архангельская). *Замиж вэйшла, Сашка у нас найшолси, Оленька* (ст-ца Бородинская). *Вэйшла замуш очинь нэудачно и мальчика нашла́* (ст-ца Старощербиновская). *Патом у их близницы нашлись, абби такйи курносыйи, харобыи были* (хут. Марьинский). *А патом у мине сын нашолси* (ст-ца Чамлыкская).

В кубанских говорах данный тип семантической модели воплощается еще в нескольких глагольных лексемах. Так, в активный словарь представителей старшего поколения носителей кубанских говоров входят глаголы *води́(ы)ть*, *при(ы)води́(ы)ть* / *при(ы)вести́(ы)*: *Ни паднима́й! Тижболае! Тибэ ищэ дитэй вадить* (ст-ца Некрасовская). *Мама нас двух привила́, да, дво́е: я и брат* (ст-ца Платнировская). *Ну вэйшла замуш и чэриз гот привила́ Ваську* (хут. Ильич). *Ни гаварылы «радыла́», а гаварылы «нашла́», «привыла́»* (с. Ей-Укрепление). *Нам ничё ны платылы, кагда мы дитэй вадылы. А щас привыла́ двух дитэй — хатка есть. Путину — благадарнасть* (ст-ца Тверская). *Дбчка привила́ двух внукав* (ст-ца Линейная).

Названные лексические единицы в значении ‘рожать/родить’ употребляются также по отношению к животным. См., напр.: *Трусы́* (кролики) *водят на сёмь трусиня́т* (ст-ца Калниболотская). Аналогичный пример — глагол *вёлупи(ы)ть*, функционирующий в местных говорах в двух диалектных значениях: ‘1) вывести из яйца (о птенцах, змеях и т. п.); 2) родить ребенка’. Ср.: *Квбчка цыпля́т вёлупила* (пос. Пашковский) — *Щас однё, двэ вёлупыла и ны хбче рожать* (ст-ца Новощербиновская).

Синонимом указанных слов выступает семантический диалектизм *при(ы)нести́(ы)*: *Вну́чка адна́ принисёт скб́ра* (ст-ца Тверская). Отметим, что одно из значений этой лексемы в литературном языке — ‘2. Родить (о животных)’ [Евгеньева (ред.) 1987: 581]. Перечисленные глаголы, а также другие языковые факты (*не́рвэ(и)дкой* называют на Кубани и первотелку, и первородящую женщину; *порб́сной* — супоросную свинью и беременную женщину; *вёлупком* — вылупившегося из яйца цыпленка и недавно родившегося ребенка; см. также в кубанских говорах *пуцьверок* ‘1) неоперившийся птенец; 2) маленький ребенок’, ср. в аналогичных значениях в украинском языке — *пуцьверинок* [Гринченко 1959: 503]) демонстрируют

продуктивность зооморфного кода в системе представлений носителей кубанских говоров о происхождении детей.

Помимо глаголов, объясняющих, откуда берутся дети, в народных говорах зафиксированы и фразеологизмы. Наиболее употребительной в европейском фольклоре является шуточная формула-клише — *детей приносят аист*. У восточных славян ее ареал — преимущественно территория Западного Полесья. Что касается Кубани, то для носителей кубанских говоров это выражение не характерно, что, вероятно, можно объяснить экстралингвистическим фактором: в «Красной книге Краснодарского края» указано, что впервые пара белых аистов загнездилась на Кубани только в 1995 году. В материалах по кубанским говорам не представлены также распространенные в славянской культуре устойчивые обороты, в которых приносящими детей изображаются животные.

Стержневыми словами во фразеологизмах, функционирующих в кубанских говорах, выступают глаголы *найт(и)*, *(в)по(и)йма́ть*, *струс(и)ть* (стрясти). Чаще всего средой появления младенца в земном пространстве называется вода. Самая продуктивная модель среди всех типов формул о происхождении детей, зарегистрированных на Кубани, — *в ре(и)чке (в)по(и)йма́ть*. Интересно, что многие диалектоносители, используя эту формулу, отмечают, что в населенном пункте, где родился ребенок, реки могло и не быть. Однако на вопрос *откуда берутся дети?* принято было отвечать *в ре(и)чке (в)пойма́ли(ы): Вот начиму́-та ны каза́лы «рады́ла», а «в р(и)чки впойма́ла» каза́лы* (ст-ца Дядьковская).

Младенца могли *найт(и) в ко́паньке* ('колодец без сруба'). На Кубани такие колодцы были выкопаны во многих *городах* ('огородах'), воду из них использовали для полива огородных культур. Приведем записанный рассказ информанта: *Ужэ нас бы́ла две систры́ и два бра́та, а э́та пня́тая рад(и)ла́сь. А мы ш спра́шива́йм: «А де нас взяли́? А де нас взяли́?» «Да в ко́паньки, уо́н в ко́паньки». А ко́панька — э́та крини́ца вы́рытая, в ка́ждам ага́роди, иде́т он з бе́ригу, к ре́чки, ага́рот, и в канцэ́ ага́рода вы́капана, абиза́тильна крини́ца бы́ла. Э́та «ко́панька» называ́лась. «Ну от ба́пка в ко́паньки вас нашла́!» Ну я ш иде́ в шко́лу, иде́м (на бе́ригу ж бли́жэ), иде́м, и в ко́паньки загля́дую: «А мо́жыт, там пла́вае дыти́нка яка́?» Бисталко́вые бы́ли (с. Свободное).*

Пребывание младенца в воде в славянской народной культуре могло объясняться по-разному: тем, что его якобы нес аист и уронил, либо тем, что, по народным поверьям, души будущих новорожденных пребывают в воде в виде рыб и лягушек (см. об этом [Гура 1997]). Кроме того, вода символизирует течение жизни, ее постоянное обновление. Показателен зарегистрированный в кубанских говорах сравнительный оборот *как с вод(и) вы́лезти*, означающий 'выздороветь, как будто родиться заново': *Я так иво́ личи́ла, и он у ми́ня че́рис тры́ дня как с вад(и) вы́лис* (с. Новоукраинское).

Показательно также, что в фольклорной традиции *мать* ассоциируется с *водой*, а *отец* — с *хлебом*, см., напр., поговорку, бытующую в кубанских говорах: *Ба́тько — хлиб, а ма́тэ — води́ця*. Недавно родившую женщину на Кубани называют *сыро́й* (ср. также в поговорке *Мать — сыра́ земля*), а новорожденного — *сыры́м*.

Следует отметить, что *(в)по(и)йма́ть* младенца могли не только в речке или в *копаньке*, но и на земле, когда Бог сбрасывает его с неба (отсюда возможно буквальное понимание пословицы *Когда́ / ко́лы дыты́на па́дае, Бох солóмку пидсти́лае*). Приведем высказывание информанта: *Кагда́ я де́лал што́-та нихаро́шые, ма́ма фсигда́ гавари́ла: «О! Ко́лька, Ко́лька, кину́л Бох, агляну́лся и дыви́цца (смотрит), шо там палучи́лась. Кину́л, агляну́лся и дыви́цца»* (ст-ца Натухаевская). По народным представлениям, ребенок — божий дар, поскольку именно Бог дает или не дает женщине детей. Этот мотив, характерный для славянской культуры, связан с идеей о небесном или божественном происхождении ребенка, олицетворяющего собой присутствие Святого Духа в семье.

Другой распространенный мотив в составе формул этого типа — «младенца находят в растениях». Он представлен в кубанских говорах двумя вариантами текстовых реализаций, в которых процесс рождения ребенка соотносится с периодом плодоношения растений. Первый вариант — детей якобы находят среди огородных культур — в *капу́сте*: *Ра́ньшэ каза́лы нэ «роды́ла», а «вы́лупыла», «найшла́ в капу́сти»* (ст-ца Дядьковская). Второй — на *дереве*. Так, во время диалектологической экспедиции в Отрадненский район (2014 г.) было записано устойчивое выражение *на каля́ске струси́ть* (*коля́ска* ‘яблоня и ее плоды’). Приведем фрагмент детских воспоминаний информанта: *Я прибе́гла и на пёчку ру́сскую пале́зла. А ба́бушка как закры́чить: «Ты там дитё́начка заду́шыи! Куды́ ты пале́зла?!» А ма́ма ужэ́ ради́ла и на пёчку пала́жили дитё́начка. А ма́ма лижа́ла там, у нас крава́ть была́. Я ба́бушки гаварю́: «А де вы иё́ взяли́?» А а́на гавари́ть: «На каля́ски струси́ла». На я́блани — каля́ски. Вот я по́мню* (ст-ца Передовая). Сейчас этот сорт яблонь уже утрачен, однако зарегистрировано описание *коля́ски* информантом: *А ищё́ у нас была́ каля́ска. В видро́ я́блака ни вмища́лась. Адно́ я́блака в видро́ ни вмища́лась. Э́та была́ каля́ска. Так а́на называ́лась: каля́ска. А́на так плóская была́ и калисо́м. Э́та каля́ска* (ст-ца Родниковская). Указание именно на данное дерево, откуда *струси́ли* ребенка, можно объяснить ассоциацией в сознании диалектоносителей крупного плода *коля́ски* с новорожденным.

В целом растительный код в системе народных представлений о том, откуда берутся дети, довольно продуктивен. См., например, славянские номинации ребенка, рожденного вне брака: *капу́стничек, крапи́вничек, самосе́й* и др. На Кубани таких детей называли *же(и)гуча́нниками*

(от диалектного существительного *же(и)гúчка* ‘крапива’). Можно также привести полисемант *опúенок* ‘1) зародыш огуречной завязи; 2) маленький мальчик’. Многозначным в кубанских говорах является и глагол *водú(ы)ть*, который, помимо значения ‘рожать’, функционирует еще в одном диалектном значении — ‘выращивать (овощи, фрукты)’. Ср. записанные контексты: *Ни паднимáй! Тижóлае! Тибé щцё дитéй водúть* (ст-ца Некрасовская) — *Бабúнька нáша клубн́ику в агарóди ни водит* (ст-ца Зассовская). У глагола *принести* МАС фиксирует оттенок значения ‘уродить (о растениях)’ [Евгеньева (ред.) 1987: 581], общенародные глаголы *рожáть, родíть* имеют в кубанских говорах диалектное значение ‘приносить плоды, давать урожай’, см., например: *Крыжóвник три разá за лёта ражáть* (ст-ца Вознесенская); *Помыдóрам дéлаицця опылэние, шоб вонí бíльшы родíли* (ст-ца Старомышастовская).

Вторичные значения у приведенных общенародных лексем возникли на базе метафорического переноса — самого распространенного и активного способа семантического переосмысления слова и развития его семантической структуры. Метафорические модели *растительный мир* → *человек, человек* → *растительный мир* уходят своими корнями в далекое прошлое, поскольку основываются на древних верованиях и обрядовых традициях народа. Растительный код проявляется и в народной примете о предсказании пола будущего ребенка: считалось, что если живот у беременной женщины был круглым, *как арбуз* (в кубанских говорах с южнорусской основой) / *як кавун* (в кубанских говорах с украинской основой), то родится девочка.

Обращает на себя внимание мотив «чужести» ребенка в родной семье, т. е. намеренное отрицание его принадлежности данным родителям. Этот мотив, как отмечают исследователи, характерен для многих славянских культур [Виноградова 1999]. При этом утверждается, что новорожденного якобы откуда-то *привели* или *принесли, нашли* на дороге, в капусте, *струсили* с дерева, *поймали* в речке, в колодце или с небес. Эти мотивы прямо соотносятся с известными у славян магическими приемами символической «купли-продажи» младенца, если он родился в семье, где часто умирали дети (об этих славянских обычаях см. статью С. М. Толстой [Толстая 1992: 52–58]). Лечебный обряд «продажи» ребенка совершался и на Кубани. Он подробно описан кубанским этнографом М. В. Семенцовым [Семенцов 2008: 276–278]. Так, родители передавали ребенка через окно чужой женщине, у которой все дети были живы; она платила символическую плату. Затем женщина вносила дитя в этот же дом и оставляла со словами: «Расти, потому что ты — мой!»

Эвфемистическими являются в кубанских говорах и выражения, обозначающие беременность, см., напр.: *в(у) тýготах, в(у) тýгостях, в(у) тýжести, в(у) тýжёлости, тýжéлом, такóю ходíть*.

Интересна еще одна немаловажная деталь: младенца часто находят не сама мать, а кто-то другой. Находившей могла быть либо повивальная бабка (в кубанских говорах *пупорízна(я) бабка, пупорízка*), либо бабушка новорожденного, присутствовавшая при родах. См., напр.: *Я ба́бушки гаварю́: «А де вы иё взяли?» А а́на гавари́ть: «На каляски струси́ла»* (ст-ца Передовая). *А мы и спра́шива́йм: «А де нас взяли?» «Ну от ба́нка в ко́паньки вас нашла!»* (с. Свободное). Отметим, что глагол *(в)по(у)йма́ть* носителями кубанских говоров употребляется также в значении ‘принять роды’: *У нас та́кая харо́шая врач бы́ла. А́на О́лю впа́ймала* (ст-ца Копанская).

Таким образом, появление детей на свет в языковом сознании носителей кубанских говоров включает два этапа. Вначале ребенок с помощью Бога или природных стихий попадает из отдаленного пространства в мир его будущей семьи, затем сама мать или кто-то из близких *находят* младенца и забирают себе. Основной идеей в текстах, отвечающих на детский вопрос *откуда меня взяли / де нас взяли́*, выступает представление о том, что рождение ребенка — чудо. Оно базируется на вере в то, что потомство посылается родителям свыше, что младенцев ловят в речке или в колодце, находят в растениях. Высшее предназначение этих бытующих в кубанских говорах эвфемистических формул — оберегать детей от воздействия темных сил. В этой связи таким существенным является мотив «чужого», случайно найденного, купленного, посланного Богом ребенка, находящегося под его охраной. Следует подчеркнуть, что проанализированные слова и фраземы не являются исключительно эвфемистическими заменами общенародных глаголов *рожать / родить*. В функционирующем в кубанских говорах «вторичном» лексиконе прослеживаются глубинная связь с народными верованиями и обрядами, этнокультурная мотивированность и семантическая емкость.

Литература

- Борисова О. Г. Опыт словаря кубанских говоров. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2018. 485 с.
- Виноградова Л. Н. Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. М.: Индрик, 1995. С. 173–187.
- Виноградова Л. Н. Народная фразеология, объясняющая, откуда берутся дети // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 235–239.
- Гринченко Б. Д. Словарь украинского языка: в 4 т. Т. 3. Киев: Изд-во Академии наук Украинской ССР, 1959. 506 с.

О. Г. Борисова. *Де нас взяли? / Откуда нас взяли?* (вербализация народных представлений о происхождении детей...)
O. G. Borisova. *De Nas Vzyaly? / Where Did We Come from?* (Verbalization of Folk Beliefs about the Origin of Children...)

Гура А. Л. Символика животных в славянской традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
Евгеньева А. П. (ред.). *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. П–Р.* М.: Русский язык, 1987. 752 с.
Семенцов М. В. Лечебный обряд «продажи» ребенка в традиционной медицине кубанских казаков // *Полиэтничный регион: язык, культура, политика, экономика: тез. докл. Всероссийской науч. конф., Ростов-на-Дону. 9–10 октября 2008 г.* Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 276–278.
Толстая С. М. Магия против смерти // *Балканские чтения 2. Симпозиум по структуре текста: тезисы и материалы.* М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1992. С. 52–58.

References

Borisova O. G. *Opyt slovar'a kubanskikh govorov* [Experience of the dictionary of the Kuban dialects]. Krasnodar, Kuban St. Univ. Publ., 2018. 485 p.
Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of the Russian language. 4 Vols.]. Vol. 3. P–S. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 752 p.
Grinchenko B. D. *Slovar' ukrainskogo yazyka v 4 t.* [Dictionary of the Ukrainian language. 4 Vols.]. Vol. 3. Kyiv, Academy of Sciences of the Ukrainian SSR Publ., 1959. 506 p.
Gura A. V. *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [The symbolism of animals in Slavic folk tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p.
Semencov M. V. [The therapeutic rite of "selling" a child in the traditional medicine of the Kuban Cossacks]. *Polietnichnyi region: yazyk, kultura, politika, ekonomika* [Multiethnic region: language, culture, politics, economy]. 2008. Rostov-na-Donu, YuNC Russian Academy of Sciences Publ., 2008, pp. 276–278. (In Russ.)
Tolstaya S. M. [Magic against death]. *Balkanskije chteniya 2. Simpozium po strukture teksta* [Balkan Readings 2. Symposium on text Structure]. Moscow, Institute of Slavic Studies and Balkanistics of the Russian Academy of Sciences Publ., 1992, pp. 52–58. (In Russ.)
Vinogradova L. N. [Where do children come from? Polesky formulas about the origin of children]. *Slavyanskiy i balkanskij fol'klor: Etnolingvističeskoe izučenie Poles'ya* [Slavic and Balkan Folklore: An Ethnolinguistic Study of Polesie]. Moscow, Indrik Publ., 1995, pp. 173–187. (In Russ.)
Vinogradova L. N. [Folk phraseology explaining where children come from]. *Frazeologiya v kontekste kul'tury* [Phraseology in the context of culture]. Moscow, Languages of Russian Culture Publ., 1999, pp. 235–239. (In Russ.)

Заемствования из китайского в современном русском литературном языке (лексикографический аспект)

Ольга Андреевна Давыдова, Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия), dav.ol@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040038

аннотация: Рассмотрена заимствованная из китайского языка лексика, отраженная в русских толковых словарях, прежде всего академических. Таких слов немного (*женьшень, фанза*), гораздо больше китаизмов, пришедших в русский язык через другие языки (*кетчуп, тайфун*), для некоторых слов этимология (путь заимствования) не до конца прояснена (*чай*). В конце XX — начале XXI в. значительно изменилась семантика заимствований. Если раньше в словари помещались политические экзотизмы (*гоминдан, тайпин*), то в настоящее время — названия оздоровительных спортивных (*ушу, кунг-фу, цигун*) и духовных (*дао, инь, ян*) практик. Некоторые из китаизмов полностью освоены русским языком, многозначны и имеют многочисленные производные (*чай*); другие расширили семантику и перестали быть экзотизмами (*хунвейбин, дацзыбао*). Однако отдельные заимствования не отражены толковыми словарями, хотя широко распространены в современной речи (*вок, фунчоза*). Их кодификация отстает от речевого употребления. Системы письма китайского и русского языков совершенно отличны, особенностью китайских заимствований можно считать первоначальные многочисленные варианты написания (*кунг-фу, кунгфу, кун-фу, ку-фу, конфу*) и первую фиксацию в орфографических словарях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: заимствование, китаизм, этимология, язык-посредник, экзотизм, толковый словарь, академический словарь

для цитирования: Давыдова О. А. Заимствования из китайского в современном русском литературном языке (лексикографический аспект) // Русская речь. 2025. № 4. С. 34–44. DOI: 10.31857/S0131611725040038.

Issues of Modern Russian Language

Borrowings from Chinese in the Modern Russian Literary Language (Lexicographic Aspect)

Olga A. Davydova, Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia), dav.ol@mail.ru

ABSTRACT: In this article we consider borrowings from the Chinese language, reflected in Russian explanatory dictionaries, primarily academic ones. There aren't many of those (*ginseng, funchose, etc.*), but there are many more Sinicisms that came into the Russian language through other, intermediary languages (*ketchup, typhoon*), for some words the etymology (the way of borrowing) is not fully clear (*tea*). Recently the semantics of borrowings have changed significantly. In the past the borrowings from Chinese were mostly political exoticisms (*Kuomintang, Taiping*), lately they included names of health-improving sports (*wushu, kung fu, qigong*) and spiritual practices (*dao, yin, yang*). Some of the Sinicisms have been fully absorbed by the Russian language, became polysemantic and have numerous derivatives (*tea*), while others have expanded their semantics and have ceased to be exoticisms (*Hongweibing, Dazibao*). However, some of the borrowings are not included in explanatory dictionaries, although they are widely used in everyday speech (*wok, funchoza*). Their codification in explanatory dictionaries lags behind their verbal use. Since the writing systems of the Chinese and Russian languages are completely different, the peculiarity of Chinese borrowings is the initial variety of spelling variants (*kung fu, kungfu, kung-fu, ku-fu, konfu*) of their first recording in spelling dictionaries.

KEYWORDS: borrowing, Sinoism, etymology, intermediary language, exoticism, explanatory dictionary, academic dictionary

FOR CITATION: Davydova O. A. Borrowings from Chinese in the Modern Russian Literary Language (Lexicographic Aspect). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 34–44. DOI: 10.31857/S0131611725040038.

Общеизвестно, что лексика современного русского литературного языка содержит заимствования из многих языков мира и что в разные периоды своей истории русский язык заимствует слова из того или иного языка с разной интенсивностью. Какими заимствованиями из китайского языка пополнился современный русский литературный язык? Много ли таких слов? Когда в русском языке появились первые китаизмы? Какие заимствования из китайского языка приобретает современный русский язык? Ответы на эти вопросы не очень легко получить, несмотря на довольно многочисленные исследования, выполненные в основном китайскими аспирантами [Гун Лэй; Ли Сыци и др.], и статьи, перечислить которые невозможно в рамках небольшой по объему публикации.

С чем связаны трудности? Во-первых, с разноречивыми сведениями в русских этимологических словарях: в них приведена разная этимология, особенно по вопросу, является ли слово непосредственным заимствованием из китайского или пришло в русский язык через какие-то языки-посредники (прежде всего тюркские). Это касается, например, самого известного китаизма *чай*: в одном из словарей сказано, что это непосредственное заимствование: «В русском языке употребляется с середины XVII в. Заимствовано непосредственно из китайского. Русское “чай” восходит к китайскому “te”» [Семенов 2003], в других современных этимологических словарях указан иной путь заимствования — через тюркские языки: «Заимств. в XVIII в. из тюрк. яз., где чай < сев.-китайск. čhā “чай”» [Шанский 2004: 360]. Разные сведения приведены и в современных толковых словарях, содержащих этимологические справки: **кит.** *cliaye*, *ча*. [Чернышев (гл. ред.) 1965: 748], **тюрк.** *чай* из китайск. [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1466] и др.

Нередко китаизмами считают заимствования в русский язык из других языков, содержащие корень ‘Китай’ в той или иной огласовке. Например, заимствование из английского *кетчуп* ‘Острый соус из помидоров с пряностями, добавляемый обычно к мясным блюдам’ [англ. *ketchup* < малайск.

kêetchup соус < кит. ketsiap острый соус к рыбе) [Крысин 2009: 119]; [англ. ketchup из китайск. kôe — рыба и tsiap — соус] [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 426]; *апельсин* — заимствование XVIII в. из голландского языка, где *appelsien* — калька французского *pomme de Chine* (*pomme* ‘яблоко’ передает в голландском слово *appel*, de ‘из’, *Chine* ‘Китай’ — *Sien*), *апельсин* — ‘китайское яблоко’ [Шанский 2004: 13]; *крепдешин* — из франц. (среде de *China* ‘креп из Китая’) [Шанский 1982: 384]. Для демонстрации трудности точного подсчета китаизмов в русском языке можно рассмотреть семантическую группу названий пород собак, связанных с Китаем, и окажется, что заимствованием из китайского является название *чау-чау* [китайск.] ‘Порода собак с длинной густой шерстью (обычно рыжей), фиолетовым языком и мордой напоминают медведя. // Собака такой породы’ [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1469], заимствованием из английского — *пекинес* [англ. *pekinese*] ‘Порода маленьких комнатных, декоративных собак черной, белой или бурой масти. // Собака такой породы; пекинская собака’ [Там же: 790], а названий *ши-тсу* ‘Порода маленьких декоративных собак с длинной волнистой шерстью’ и *шарпей* ‘Выведенная в древнем Китае бойцовая собака с толстой (собранный складками) шкурой, защищающей от укусов’ [Шагалова 2010: 382] нет в русских толковых словарях, и этимология этих слов не обозначена.

Рассмотрим, какие слова были заимствованы русским языком непосредственно из китайского и пополнили литературный язык (некоторые из китаизмов стали регионализмами и активно употребляются на приграничных с Китаем территориях: например, *чифанить* от кит. *чи фань* — ‘есть’, *чифанька* ‘заведение общепита’; *куня* ‘девушка’ от кит. *гуньян* и др. Существуют и семантические регионализмы).

Для этого обратимся к русским толковым словарям, прежде всего к академическим, а не к словарям иностранных слов или словарям неологизмов (понятно, что в таких словарях китаизмы будут отражены более широко).

Итак, какими китайскими лексемами обогатился русский литературный язык и когда это случилось? Сразу отметим две особенности всех китаизмов: во-первых, их очень немного (исследователи подсчитали: в этимологическом словаре М. Фасмера, который, конечно, дает справки далеко не ко всем словам русского языка, их всего 8), по нашим данным, в современном русском литературном языке их около 20. Во-вторых, характер заимствованных китаизмов меняется, некоторые из них, отраженные в первом из академических словарей [Словаре современного русского литературного языка], уже ушли в пассив, так как означали экзотические реалии определенного времени: *хунхуз* ‘Участник шайки бандитов, грабителей (в феодально-буржуазном Китае)’ [Чернышев (гл. ред.)

1965: 527]; *гоминдан* ‘Реакционная националистическая помещичье-буржуазная партия в Китае, власть которой свергнута в 1949 г. народной революцией’; *гоминдановский*; *гоминдановец* ‘Член гоминдана’ [Чернышев (гл. ред.) 1954: 251]. Этих слов нет в современном академическом словаре [Большой академический словарь русского языка], но в нем представлены экзотизмы-историзмы, отражающие реалии периода маоизма: *дацзыбао* ‘Вид стеновой печати в Китае, используемой в политических целях, текст, написанный крупными иероглифами на большом листе бумаги’ [Горбачевич (гл. ред.) 2006а: 530].

Известна точная дата появления у слова политического значения в китайском языке: 25 мая 1966 года аспирантка Пекинского университета Не Юаньцзы и другие студенты и аспиранты вывесили дацзыбао, где ректор университета и другие преподаватели были названы «черными антипартийными бандитами». В словарь оно попало в 1979 г.: ‘Настенные рукописные листовки и плакаты, получившие распространение в Китае в 50–70 гг. XX в.’ [Лехин, Петров 1979: 150]. Хотя современные словари не приводят переносное значение слова, но данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ) свидетельствуют о том, что слово используется не только как китайский экзотизм, но и как номинация ‘Рукописный источник, содержащий призывы к действию’: *Плакатик, а также прочие «дацзыбао» главрежа (он любил писать резко и решительно, как китайцы в эпоху культурной революции — «мешают воробьи, так извести их всех до единого») были исполнены в трех цветах — красным, синим и зеленым фломастерами* (Баконина М. Школа двойников (2000)); *Назавтра после опубликования этой статьи на стене в редакции я прочел вывешенное кем-то «дацзыбао»: «Не здороваемся с Бороным, не подаем ему руки»* (Борин А. Воспоминания литератора // Звезда, 2002); *В тексте дацзыбао с агитацией за Мишу Стояновского, вывешенного кафедрой В. П. (по этому случаю мне жаловался Демин: его-де включили в список, а он ничего не подписывал), кто-то сделал оскорбительные подчеркивания* (Есин С. Дневник (2006)) и др.

Еще больше примеров употреблений в переносном значении заимствования-экзотизма времен культурной революции *хунвейбины* китайск. *hongwèibing* — красногвардейцы. ‘В Китае в 60-ые годы XX в.: члены молодежных отрядов, созданных для борьбы с противниками Мао Цзе-дуна во время проведения «культурной революции»’ [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1456]; в современном словаре отражено и переносное значение, снимающее статус китайского экзотизма: 2. *перен.* ‘Молодые экстремисты, отличающиеся крайним пренебрежением к культуре и ее традициям, к правам человека и вершащие свой скорый и несправедливый суд’ [Ефремова 2006]. Примеры из НКРЯ подтверждают вхождение этого китаизма в русский

язык: *Наступил год сталинского террора — 1937-й. Отечественные хунвейбины распоясались. Шло поголовное уничтожение интеллигенции.* (Чуковский К. Дневник (1968)); «А. У. Е.» — это просто *хунвейбины* нашей собственной культурной революции. «А. У. Е.» означает вроде бы «Арестантский уклад един», но тут ясно слышна огласовка другого, более понятного слова — «у.е.». (Новая газета, 02.03.2018) и др. Можно предположить, что лексема будет отражена в новом академическом словаре.

Первые заимствования из китайского языка чаще всего называли растения: корень прилагательного *байховый* (прилагательное известно с середины XIX в. в составе сочетания *байховый чай* ‘Из обиходных, черных чаев’ [Даль 1994: 99]; уточнялась дефиниция: ‘Рассыпной, непрессованный (в отличие от прессованного, плиточного)’ [Горбачевич (гл. ред.) 2004: 341], слово неизменно присутствует в словниках русских толковых словарей.

С конца XIX в. известно слово *женьшень*, сейчас уже многозначное: 1. ‘Многолетнее травянистое растение сем. аралиевых, корень которого применяется в медицине как лечебное средство’. 2. ‘Лекарственный препарат, приготовленный из такого растения, применяемый как лечебное и тонизирующее средство’ [Горбачевич (гл. ред.) 2006а: 530] и русское прилагательное *женьшеневый*. Другие ранние заимствования знают только специалисты: *чумиза* ‘Злак, зерновая и кормовая культура, широко распространенная в разных странах, особенно на Дальнем Востоке; то же, что гоми’ [Чернышев (гл. ред.) 1965: 1199]; *гаолян* ‘Однолетнее растение семейства злаков рода сорго с высоким стеблем и широкими листьями’ [Горбачевич (гл. ред.) 2006а: 42]. Остальные примеры единичны: *фанза* ‘Китайское или корейское жилище сельского типа’ и даже *фанзочка* [Чернышев (гл. ред.) 1964: 1243]. Заимствованное чуть раньше *фанза* ‘Китайская шелковая материя, напоминающая тафту’ и *фанзовый* [Там же: 1243]. В середине XIX в. пришло название и другой шелковой материи: *чесуча* ‘Плотная суровая (шелковая) ткань полотняного переплетения’ [Чернышев (гл. ред.) 1965: 992]. Последние фиксации заимствований связаны с названиями популярных оздоровительных практик: *кунг-фу* ‘Система китайской оздоровительной гимнастики и спортивной борьбы, разновидность способа самозащиты без оружия’ [Горбачевич (гл. ред.) 2007б: 780], *ушу* ‘Традиционная китайская оздоровительная и спортивная гимнастика’ [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1412] и закономерное *ушуист* ‘Тот, кто владеет приемами у-шу’ [Ефремова 2006], *цигун* ‘Китайская дыхательная гимнастика’ [Кузнецов (гл. ред.) 2000: 1463] и философскими понятиями, связанными с популярными учениями: *дао* ‘Одна из основных категорий китайской философии — естественный путь следования всему существу’, *даосизм* [Горбачевич (гл. ред.) 2006а: 518], *инь* ‘Одно из основных

понятий древнекитайской натурфилософии, универсальная космическая сила, олицетворяющая женское, пассивное, холодное и т. п. начало (противоп. *ян*). Обычно употребляется в сочетании с *ян* [Горбачевич (гл. ред.) 2007а: 351]. По данным национального корпуса, единичные употребления философских терминов отражены в текстах конца XIX — начала XX вв., но в 90-е гг. они стали особенно употребительными.

Можно предположить, что в новом издании академического словаря будут отражены следующие слова. 1. *Фэньшуй* 'Китайское оккультное учение о достижении гармонии с миром и самим собой путем организации окружающего пространства по особым принципам' (по данным НКРЯ, более 700 употреблений, в том числе и с изменяемыми формами: *И без фэньшуйа было ясно, что в этом саду по определению должно быть тепло и уютно, потому что находится он в старом центре Москвы с благоприятной энергетикой* (Мир & Дом. City, 15.03.2004); *Не трать усилия впустую: щщи партнера по фэн-шуйю!* (Комс. правда, 27.04.2002); *Писали о его увлечении фэньшуйем и желании пожить в Африке после окончания карьеры* (lenta.ru, 08.02.2019), и даже прилагательное: *Первое плохое направление в современной российско-фэньшуйской литературе так и называется: «вред». Направление опасное, но не очень. Возможны конфликты с людьми и законом, неудачи и несчастные случаи без летального исхода* («Наука и жизнь», 2007) и др. 2. Представленное в НКРЯ значительно меньшим количеством примеров, но употребляющееся уже свыше 100 лет *маджонг* (кит. Mah-jongg — воробей) 'Игра китайского происхождения, в которую играют костями, внешне сходными с домино, но с нанесенными китайскими символами и буквами и разделенными на масти и онеры' [Энциклопедический словарь 2009]: *Первый класс играет в покер и маджонг, второй — в шашки и на гитаре* (Маяковский В. Мое открытие Америки (1925)); *Первый маджонг в Москву привезла Лиля Брик в двадцатых годах, и все их знакомые, в том числе и мои родители, стали заядлыми игроками* (Катанян В. Прикосновение к идолам (1998)); *Это были кости для игры в маджонг — китайской игры, тогда очень распространенной в Москве* (Мессерер Б. Слово о родителях // Октябрь, 2013); *Часами играют в мацзян (европейское название — маджонг, китайский вариант домино) или карты, поют караоке или смотрят по спутниковым каналам китайское телевидение* (Аргументы и факты, 2001.02.28) и др. Число употреблений лексемы, по данным НКРЯ, возрастает. Дефиниции слова пока нет в русских толковых словарях и даже в словарях иностранных слов, хотя слово отражено в орфографическом словаре.

Широко употребительным в современном русском языке является слово *фунчоза* 'Название разновидности рисовой («стеклянной») лапши', популярный в наше время продукт питания. Примеры употребления из

НКРЯ: Среди основных блюд появился язык молодого теленка в соусе фьюли с коньяком (490 руб.). <...> А также утиная грудка <...> с модными азиатскими аксессуарами в виде лапши **фунчоза** и соуса хай-син (690 руб.). (Коммерсант, 09.04.2004); Это можно заметить по изменению кухни гостиниц — у многих появляется рис, фунчоза, морская капуста (lenta.ru, 13.02.2019) и др. Лексема отражена в орфографическом словаре. Слово *вок* уже употребляется в двух значениях: и как особый вид сковороды, и как блюдо, приготовленное в такой сковороде: 1. 'Круглая глубокая китайская сковорода с выпуклым или плоским дном маленького диаметра'. В ней продукты постоянно сдвигаются обратно к центру, в зону самого сильного жара. 2. 'Блюдо, приготовленное в такой сковороде' [ruwiki]: *Кстати, известный швейцарский отельер и повар Дитер Хагедорн, который приезжал в Москву, чтобы показать, как ведут себя на кухне профи, особенно рекомендовал вок — глубокую округлую сковородку, в которой еда готовится так быстро, что все витамины сохраняются* (Домовой, 04.12.2002), *Берем китайскую сковороду вок, наливаем масла и обжариваем рыбу вместе с чесноком* (Комс. правда, 15.02.2013), *По словам экспертов, лучше всего подойдут овощи, приготовленные на пару, а также на сковородке вок* (Парламентская газета, 2020.02.28); *Особое внимание в заведении уделили вок-меню, то есть блюдам, приготовленным на специальных сковородках вок* (Коммерсант, 07.09.2007) и др.

Это не все слова, заимствованные русским языком непосредственно из китайского, но все же большая их часть. У них есть общая особенность: в силу коренной несхожести языков слова заимствуются по их фонетическому облику, воспринимаемому русскими, и из-за меняющихся орфографических правил употребления дефиса в заимствованных словах в русском языке имеют варианты написания (иногда многочисленные): *жень-шень, жень-шен, жень — Шень, жен-шень, жен-шен* [Горбачевич (гл. ред.) 2006б: 612]; *тай-цзи, тай-цзы, тай-чи, тайчи, тайцзицюань, тай-цзи-цюань, тайцзи-цюань, тайцзы цюань, тайцзицюань, тайцзыцюань, тайцзицюань, тай цзицюань, тай цзы цюань, тай-чи-чуань* [Шагалова 2010: 710–711], поэтому фиксация слова в орфографическом словаре — актуальная необходимость.

Итак, среди китайских слов в русском языке совсем немного тех, которые русский язык заимствовал непосредственно из китайского языка. Значительно больше китаизмов, которые вошли в русский язык через посредство других языков (тюркских, английского, французского). Но число непосредственно заимствуемых китаизмов увеличивается. Некоторые из них заняли прочное место в системе, стали многозначными, приобрели многочисленные производные (у слова *чай* их сейчас около 50). Если первоначально абсолютное большинство из них были экзотизмами

и обозначали вещи и явления, характерные исключительно для жизни Китая, то за время существования в русском языке некоторые из них потеряли компонент экзотичности, а заимствования последних лет называют явления и понятия, характерные для разных народов. Процесс кодификации китаизмов толковыми словарями нередко значительно отстает от речевой практики.

Литература

- Горбачевич К. С.* (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. М.–СПб.: Наука. Т. 1. 2004. 661 с.; Т. 4. 2006а. 677 с.; Т. 5. 2006б. 693 с.; Т. 7. 2007а. 728 с.; Т. 8. 2007б. 839 с.
- Гун Лэй.* Процесс и результаты лексического взаимодействия русского и китайского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 22 с.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Т. 1. М.: Прогресс; Универс, 1994. 912 с.
- Ефремова Т. Ф.* Современный толковый словарь: в 3 т. М.: АСТ, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/efremova> (дата обращения: 25.04.2024).
- Крысин Л. П.* 1000 новых иностранных слов. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 320 с.
- Кузнецов С. А.* (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
- Лехин И. В., Петров Ф. Н.* (ред.). Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1979. 622 с.
- Ли Сыци.* Лексика китайского происхождения в русском языке: функциональный подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2020. 24 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 25.04.2024).
- Семенов А. В.* Этимологический словарь русского языка. М.: ЮНБЕС, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/semenov> (дата обращения: 25.04.2024).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 томах / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Астрель; АСТ, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 25.04.2024).
- Чернышев В. И.* (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949–1965. Т. 1. 1949. 768 стб.; Т. 3. 1954. 1340 стб.; Т. 16. 1964. 1339 стб.; Т. 17. 1965. 2126 стб.
- Шагалова Е. В.* Словарь новейших иностранных слов (конец XX – начало XXI вв.). М.: АСТ; Астрель, 2010. 873 с.
- Шанский Н. М.* (ред.). Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1982. 470 с.
- Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. М.: Дрофа, 2004. 398 с.

Энциклопедический словарь. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (дата обращения: 25.04.2024).
ruwiki [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ruwiki/> (дата обращения: 25.04.2024).

References

- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: V 17 tt.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: In 17 volumes.]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1949–1965. Vol. 1. 1949. 768 p.; Vol. 3. 1954. 1340 col.; Vol. 16. 1964. 1339 col.; Vol. 17. 1965. 2126 col.
- Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1–4* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Vol. 1–4]. Vol. 1. Moscow, Progress; Univers Publ., 1994. 912 p.
- Efremova T. F. *Sovremennyi tolkovyi slovar': v 3 t.* [Modern explanatory dictionary: in 3 volumes]. Moscow, Publ. House "AST", 2006. Available at: <https://gufo.me/dict/efremova> (accessed 25.04.2024).
- Ehntsiklopedicheskii slovar'* [The Encyclopedic Dictionary]. 2009. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/> (accessed 25.04.2024).
- Fasmer M. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes]. Translated from German and additions by O. N. Trubachev. Moscow, Astrel; AST Publ., 2007. Available at: <https://gufo.me/dict/vasmer> (accessed 25.04.2024).
- Gorbachevich K. S. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian language]. Moscow — St. Petersburg, Nauka Publ. Vol. 1. 661 p.; Vol. 4, 2006a. 677 p.; Vol. 5, 2006b. 693 p.; Vol. 7, 2007a. 728 p.; Vol. 8, 2007b. 839 p.
- Gun Lehi. *Protsess i rezul'taty leksicheskogo vzaimodeistviya russkogo i kitaiskogo yazykov.* Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [The process and results of lexical interaction between Russian and Chinese languages. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Ufa, 2018. 22 p.
- Krysin L. P. *1000 novykh inostrannykh slov* [1000 new foreign words]. Moscow, AST-PRESS KNIGA, 2009. 320 p.
- Kuznetsov S. A. (ch. ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [A large explanatory dictionary of the Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Lekhin I. V., Petrov F. N. (eds.). *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1979. 622 p.
- Li Sytsi. *Leksika kitaiskogo proiskhozhdeniya v russkom yazyke: funktsional'nyi podkhod.* Avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk [Vocabulary of Chinese origin in Russian: a functional approach. Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Kazan', 2020. 24 p.

- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 25.04.2024).
- ruwiki* Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ruwiki/> (accessed 25.04.2024).
- Semenov A. V. *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Seriya "Russkii yazyk ot A do Ya"* [Etymological dictionary of the Russian language. The series "The Russian language from A to Ya"]. Moscow, "YUNVES" Publ., 2003. Available at: <https://gufo.me/dict/semenov> (accessed 25.04.2024).
- Shagalova E. V. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov (konets XX – nachalo XXI vv.)* [Dictionary of the latest foreign words (late 19th – early 21st centuries)]. Moscow, AST; Astrel' Publ., 2010. 873 p.
- Shanskii N. M. (ed.) *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Publ. House of Moscow State Univ., 1982. 470 p.
- Shanskii N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka. Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language. The origin of words]. Moscow, Drofa Publ., 2004. 398 p.

Некоторые особенности русского языка в Кыргызстане

Егор Владимирович Кашкин¹, Мария Эмилия Александровна Винклер²,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН¹, Институт языкознания РАН² (Россия, Москва),
egorka1988@gmail.com¹, mw@iling-ran.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725040046

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена особенностям распространенного в Кыргызстане варианта русского языка. Исследование проведено с помощью метода включенного наблюдения с привлечением дополнительных данных из опубликованных источников и результатов выдачи поисковых систем. Локальный вариант русского языка анализируется как система, регулируемая набором факторов. Во-первых, мы обсуждаем социолингвистический фактор, а именно, долю русского населения в различных регионах Кыргызстана, и иллюстрируем его влияние на местный вариант русского языка. Во-вторых, зафиксированные нами особенности локального варианта русского языка кластеризованы в несколько групп. Так, в статье показано, что некоторые морфосинтаксические конструкции (сравнительные конструкции, именные группы ряда типов, некоторые модели управления), а также наборы контекстов употребления некоторых лексем являются прямой калькой с кыргызского языка. Некоторые явления, в свою очередь, обусловлены отсутствием в кыргызском языке противопоставлений, характерных для русского языка (см., например, рассогласование по роду или размывание видового противопоставления в исследуемом варианте русского языка). В-третьих, в локальном варианте русского языка присутствуют лексические регионализмы, нехарактерные для литературной нормы, но не являющиеся следствием влияния кыргызского языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, кыргызский язык, языковые контакты, языковая интерференция, социолингвистика, заимствование модели, морфосинтаксис, лексика, регионализмы

для цитирования: Кашкин Е. В., Винклер М.-Э. А. Некоторые особенности русского языка в Кыргызстане // Русская речь. 2025. № 4. С. 45–64. DOI: 10.31857/S0131611725040046.

Issues of Modern Russian Language

Some Peculiarities of Russian Language in Kyrgyzstan

Egor V. Kashkin¹, Maria Emilia A. Winkler², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences¹, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences² (Russia, Moscow), egorka1988@gmail.com¹, mw@iling-ran.ru²

ABSTRACT: The paper deals with the peculiarities of the Russian language variety spoken in Kyrgyzstan. We rely on the method of participant observation, also using some additional data from published sources and search engine results. We analyze the local variety of Russian as a system regulated by a set of factors. First, we discuss the sociolinguistic factor, namely the percentage of Russian population in various regions of Kyrgyzstan, and illustrate its influence on the local variant of Russian. Second, we cluster the non-standard features of the local variant of Russian into several groups. Thus, we show that some morphosyntactic constructions (comparative constructions, some types of noun phrases, some valency patterns), as well as polysemy patterns of some lexemes are instances of pattern borrowing from Kyrgyz. Several phenomena are, however, related to the absence of some oppositions in Kyrgyz (cf. gender mismatches or deviations in the choice of an aspectual form). Third, in the local variant of Russian there are lexical regionalisms that are absent in standard Russian, but cannot be explained by the influence of Kyrgyz.

KEYWORDS: Russian language, Kyrgyz language, language contact, language interference, sociolinguistics, pattern borrowing, morphosyntax, lexicon, regionalisms

FOR CITATION: Kashkin E. V., Winkler M.-E. A. Some Peculiarities of Russian Language in Kyrgyzstan. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 45–64. DOI: 10.31857/S0131611725040046.

1. Введение

Предметом исследования является вариант русского языка, распространенный в Кыргызстане (Кыргызской Республике)¹. Мы сосредоточимся на его грамматических и лексических особенностях.

Основная часть наших данных об этом варианте русского языка собрана в 2023–2024 гг. методом включенного наблюдения в г. Бишкеке и его окрестностях, а также в г. Ош и в г. Узген. Приводимые в статье данные по кыргызскому языку собраны посредством опроса носителей в г. Бишкеке, часть материала получена из описательной литературы и посредством поисковых систем. Кыргызские примеры приводятся в литературной орфографии с поморфемным глоссированием, следующим общепринятым

¹ Государство, о котором идет речь в статье, в ст. 1 его Конституции (официальной версии на русском языке) называется Кыргызская Республика или Кыргызстан. В Общероссийский классификатор стран мира внесены, однако, наименования Киргизия и Киргизская Республика. Они имеют более частотную для русского языка фонотактику, а также следуют советской практике (ср. Киргизская ССР). Государственным языком Кыргызской Республики, согласно ее Конституции (ст. 13), является кыргызский. В написании слов с корнем *кыргыз-* / *киргиз-* в русском языке фиксируются разночтения. Так, в нормативном словаре [Академос] принят вариант *киргиз-*, но не *кыргыз-*. В то же время в [Ушаков (ред.) 1935: 1358, 1562; Чернышев (ред.) 1956: 962, 1916], помимо основного написания *киргизы*, зафиксирован вариант *кыргызы*. Современная практика также неоднородна. Например, 21.03.2023 Правительство РФ заключило соглашение с Кабинетом Министров Кыргызской Республики (<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305240001>), а 02.11.2023 — с Кабинетом Министров Киргизской Республики (<http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311270067>). Одно и то же подразделение МГЛУ называется на официальной странице (<https://linguanet.ru/sotrudnichestvo/otdel-po-yazykam-i-kulture-gosudarstv-uchastnikov-sng-i-sh0s/tsentr-kirgizskogo-yazyka-i-kultury-aytmatova-im-ch/>) и «Центр киргизского языка и культуры», и «Центр кыргызского языка и культуры»; одним из основных направлений его деятельности является «обучение российских студентов кыргызскому языку», но в 2008 г. состоялся «первый выпуск студентов, изучающих киргизский язык как иностранный». В этой ситуации мы используем наименования с корнем *кыргыз-*, следующие официальной русскоязычной версии Конституции самого обсуждаемого нами государства. Из двух включенных в ст. 1 Конституции наименований Кыргызская Республика и Кыргызстан в статье выбрано второе как более краткое.

в типологии Лейпцигским правилам (Leipzig glossing rules): дается морфологический разбор каждого слова с указанием значений морфем.

Государственным языком Кыргызстана является кыргызский, в то время как русский имеет статус официального языка [Конституция Кыргызской Республики, ст. 13]. Оба языка широко используются в различных сферах.

В предшествующих работах, посвященных русскому языку в Кыргызстане, преимущественно обсуждались социолингвистические проблемы: сферы функционирования русского языка, отношение к языку, языковая политика и др. (см., в частности, [Дятленко 2010; Остапенко и др. 2018; Тагаев 2015, 2019]). Обсуждалось и функционирование русских заимствований и кодового переключения в кыргызском языке (см., например, [Тагаев 2015: 78–99; Дербишева 2022]).

Центральный вопрос данного исследования — особенности языковой структуры контактного варианта русского языка — оставался на периферии. Некоторые примеры нестандартных явлений приводятся в [Макеева 1995; Тагаев, Protassova 2020: 140–142; Дербишева 2022]. Кроме того, особенности местной русской речи обсуждались в связи с практической проблемой преодоления интерференции при обучении кыргызских детей русскому языку. Так, этим вопросам посвящены некоторые статьи журнала «Русский язык и литература в школах Кыргызстана» (ранее — «Русский язык в киргизской школе»)². Однако в данном журнале публикуются преимущественно методические разработки, и детальный анализ языкового материала не составляет его центральную проблематику.

Дополнив в этой статье известные нам материалы предшественников об особенностях распространенного в Кыргызстане варианта русского языка, мы осветим эту проблему в аспекте взаимодействия разных факторов, потенциально влияющих на результаты языкового контакта. Помимо собственно структурных факторов, провоцирующих те или иные изменения в морфосинтаксисе и лексической семантике, это региональные различия, а также внутренняя вариативность русского языка в Кыргызстане, не вызванная контактной ситуацией.

Далее в разделе 2 будут рассмотрены региональные различия в русской речи жителей Кыргызстана. Раздел 3 посвящен контактно обусловленным изменениям в грамматике и лексике местного варианта русского языка. В разделе 4 обсуждаются лексические особенности, возникновение которых нельзя напрямую связать с языковыми контактами. В разделе 5 подводятся итоги.

² <https://ryalshk.edu.kg/>

2. Различия внутри Кыргызстана

Функционирование русского языка неоднородно внутри Кыргызстана. Население этой страны многонационально и распределено по ее территории не вполне равномерно, см. Таблицу 1.

Таблица 1. Этнический состав регионов Кыргызстана [Демографический ежегодник 2018–2022]

Table 1. Ethnic composition of the regions of Kyrgyzstan [Demographic Yearbook 2018–2022]

Регион/город	Население (чел.)	Кыргызы	Русские	Узбеки	Таджики	Проч.
г. Бишкек	1 145 044	85,1%	9,6%	1,4%	0,2%	3,7%
Чуйская обл.	1 068 702	74,7%	11,7%	1,6%	0,5%	11,5%
Иссык-Кульская обл.	538 384	91,5%	5,1%	0,6%	0,04%	2,76%
г. Ош	361 273	59,6%	1%	37,7%	0,2%	1,5%
Ошская обл.	1 460 425	68,7%	0,9%	28,9%	0,6%	0,9%
Джалал-Абадская обл.	1 311 007	73,8%	0,4%	24,5%	0,5%	0,8%
Нарынская обл.	308 348	99,6%	0,03%	0,09%	0,01%	0,27%
Таласская обл.	273 509	95,1%	1,2%	0,4%	0,02%	3,28%
Баткенская обл.	570 898	79%	0,4%	13,7%	6,4%	0,5%
Всего в Кыргызстане	7 037 590	77,7%	3,9%	14,1%	0,9%	3,4%

Из Таблицы 1 видно, что в разных регионах Кыргызстана существенно варьируется доля различных народов (значительно отличающиеся от других регионов показатели выделены полужирным шрифтом, ср. значительную долю узбеков в Ошской и Джалал-Абадской областях и большую, чем в других регионах, долю таджиков в Баткенской области). Такое варьирование касается и доли русского населения: она довольно значительна в Бишкеке и в прилегающей к нему Чуйской области (в меньшей степени и в Иссык-Кульской области), но невелика в других регионах. Этот параметр коррелирует с уровнем владения русским языком и с распространенностью отклонений от стандарта. Некоторая информация об этом содержится в [Tagaev, Protassova 2020: 145]: по данным авторов, в Таласской области (ср. данные о ней в Таблице 1) около 42% опрошенных в рамках исследования детей в сельских школах с кыргызским языком обучения не могли задать вопрос по-русски.

Наши наблюдения, подтверждающие связь между долей русского населения и уровнем владения русским языком, касаются городов Бишкек (и прилегающей Чуйской области) и Ош (а также Ошской области).

Из Таблицы 1 видно, что доля русского населения в этих частях Кыргызстана различается значительно. В Бишкеке и Чуйской области русский язык свободно используется в повседневном общении. Он распространен в языковом ландшафте (вывески, реклама, меню в кафе и др.) и близок в этом случае к стандартному русскому. Более того, некоторые из респондентов говорят о постепенно снижающемся уровне владения кыргызским языком в младшем поколении, приводя примеры детей из кыргызских семей, которым сложно воспринимать книги и мультфильмы на кыргызском, а также осваивать базовую учебную программу по кыргызскому языку и литературе без дополнительных занятий с репетитором.

В г. Ош и Ошской области, где доля русского населения значительно меньше, ситуация разительно иная. Русский язык, по нашим наблюдениям, менее распространен в повседневном общении, а уровень владения им в среднем ниже, чем в столичном регионе (например, мы наблюдали существенные затруднения при использовании русского языка в повседневной коммуникации у некоторых местных сотрудников сферы услуг). В языковом ландшафте заметны отклонения от литературной нормы, ср. выдержки из информационной таблички в музейном комплексе г. Узген Ошской области: *Комплекс состоит из минарета, три мавзолея и археологические руины мечета, медресы дошедшие до нас с периода правление династии Караханидов XI–XII веках <...> В Узгене в основном дела ввелись турками и дорога ввела к Ат-Баши. В Узгене сохранен государственный казна при Чагатае.*

Несмотря на то что приведенный текст был составлен человеком, вероятно, получившим релевантное образование и имевшим возможность проверить написанное, он изобилует нестандартными для русского языка явлениями: это изменение грамматического рода и парадигмы (слово *мечеть* склоняется как существительное м. р. 2-го склонения), нарушение согласования по роду (*государственный казна*), изменение модели управления (*из ... три мавзолея*), опущение предлога (*XI–XII веках*), неправильное использование паронимов (*ввелись* вместо *велись*), плеоназм (*археологические руины*).

Далее будут подробнее рассмотрены лингвистические особенности распространенного в Кыргызстане варианта русского языка. Отметим, что все эти примеры являются окказиональными, т. е. в местном варианте русского языка возможны и стандартные модели.

3. Влияние кыргызского языка на местный вариант русского языка

3.1. Грамматика

Поскольку в кыргызском языке отсутствует **категория рода**, в локальной разновидности русского языка встречаются случаи рассогласования по роду в различных грамматических структурах (см. также анализ этого вопроса в лингводидактическом аспекте в [Гончарова 2017]): *Это **российский** кошка?*; *Скумбрия очень **жирный***; *Олень считалась с древнейших времен священным животным; [у кота] хвост **черный**, а **попа белый***.

Во многих случаях местный вариант русского языка копирует характерные для кыргызского языка синтаксические конструкции. Так, в кыргызских **сравнительных конструкциях** оформление прилагательного или наречия показателем сравнительной степени факультативно [Биялиев 2003: 47; Орузбаева и др. (ред.) 2009: 260]. Конструкция в целом распознается как сравнительная в силу наличия в ней участника с ролью стандарта сравнения, оформленного аблативом (1).

- (1) *Петя **Вася-дан узун(-ураак)**.*
Петя Вася-ABL длинный-CMPR
'Петя выше Васи'.

В местном варианте русского языка встречаются аналогично устроенные сравнительные конструкции, в которых прилагательное или наречие не принимает форму сравнительной степени: *Всё очень **плохо**, чем я думала*; *Я смотрю Яндекс карты, это **хороший**, чем 2GIS*; *В Питере машины **быстро** едут, чем в Москве*; *Он даже **огромный от корабля*** ('намного больше корабля'). В последнем случае копируется и оформление стандарта сравнения: аблативная конструкция в кыргызском языке и конструкция с предлогом *от* в русском часто являются переводными эквивалентами.

В кыргызских **количественных конструкциях** приписывание падежа существительному определяется только внешним синтаксическим контекстом и, в отличие от русского языка, не зависит от числительного, ср. форму номинатива (а не генитива) существительного *ай* 'месяц' в (2) и аналогичные структуры в русской речи носителей кыргызского (*В году сколько **месяц**? Двенадцать **месяц***).

- (2) *Бир жыл-да он эки **ай** бар.*
один год-LOC десять два месяц имеется
'В одном году 12 месяцев'.

Для кыргызского языка также характерны конструкции с **неоформленным приименным зависимым** (см. о приименных зависимых в тюркских языках [Johanson 2021: 791–799]), ср. *кой эт-и* (баран мясо-poss.3) ‘баранина’, *жылкы эт-и* (лошадь мясо-poss.3) ‘конина’. Такие структуры встречаются и в местном варианте русского языка: *баран мясо* ‘баранина’, *конь мясо* ‘конина’, *голень самсы* ‘самсы с голенью’³.

В целом ряде записанных нами примеров наблюдаются **нестандартные модели управления** — отличающийся от принятого в русском языке выбор падежа или предложно-падежной конструкции (см. об этом явлении также [Макеева 1995: 12]). Например, носитель стандартного русского языка, которому нужно пространство, чтобы пронести тяжелый предмет, может воскликнуть: «*Дорогу!*» (что, по-видимому, является эллиптическим выражением, ср. «*Освободите дорогу!*»). В русской речи носителей кыргызского языка в аналогичной ситуации встречается выражение «*Дорога!*», которому в их родном языке соответствует выражение «*Жол!*» (форма именительного падежа существительного со значением ‘дорога’; та же форма распространена в позиции неоформленного прямого дополнения).

Еще один пример нестандартной модели управления касается маркирования источника информации: *Это можно из словаря посмотреть*. В стандартном русском языке здесь была бы использована конструкция *в словаре*, представляющая источник информации как локализацию. В кыргызском же языке он кодируется тем же падежом (аблативом), что и исходная точка, ср. (3)–(4)⁴; см. также [Орузбаева и др. 2009: 238–240] о сети употреблений аблатива. Именно эта стратегия категоризации реализована в приведенном русском примере.

- (3) *Түшүн-бө-гөн сөз-дөр-үңүз-дү жаз-ып ал-ып,*
понимать-NEG-PTCP.PST слово-PL-POSS.2SG.POL-ACC писать-CVB брать-CVB
сөздүк-төн кара-ңыз.
словарь-ABL смотреть-IMP.2SG.POL
‘Выпишите незнакомые слова, посмотрите в словаре (букв.: посмотрите из словаря)’ [Google].

- (4) *Делегация Бишкек-тен Талас-ка жөнө-дү.*
делегация Бишкек-ABL Талас-DAT отправляться-PST
‘Делегация направилась из Бишкека в Талас’ [Биялиев 2003: 38].

³ Интерпретация словоформы *самсы* как стоящей в Р. п. ед. ч. прагматически аномальна, поскольку в таком случае словосочетание должно было бы обозначать голень хлебобулочного изделия.

⁴ Алломорфы аффикса аблатива в (3)–(4) различаются по общему правилу гармонии гласных.

В некоторых случаях различные участники ситуации могут одинаково кодироваться в кыргызском языке, что может приводить к их смешению и в русской речи носителей кыргызского. В следующих кыргызских примерах одинаковое аблативное маркирование получают агентивный источник (5) и материал для приготовления (6)⁵. Вероятно, именно такая полифункциональность провоцирует мену предлога *от* на предлог *из* в русском примере *Мы очень вкусную еду кушали из повара*.

(5) *Биз-дин шеф-аштозчу-дан даам-дуу тамак-тар...*
мы-GEN шеф-повар-ABL вкус-ATTR еда-PL
'Вкусные блюда от нашего шеф-повара...' [Google].

(6) *Кой эт-и-нен даам-дуу тамак-тар...*
баран мясо-POSS.3-ABL вкус-ATTR еда-PL
'Вкусные блюда из баранины...' [Google].

В кыргызском языке отсутствует ключевое для русской глагольной системы противопоставление **несовершенного и совершенного вида**. Один и тот же глагол зачастую может выражать как предельную, так и не-предельную интерпретацию (см. приводимые в [Захарова 1965: 99] примеры глагольных основ *жаз* 'писать' / 'написать', *ырда* 'петь' / 'спеть', *кыл* 'делать' / 'сделать' и подробный разбор аналогичных данных по другим тюркским языкам в [Татевосов 2016, 2017]). С этим могут быть связаны случаи нестандартного употребления видовых форм: ***буду объяснить Вам***; *Дам задание домашнее, Вы будете написать дома*; *Потом вот это начался, обратно начали приехать мигранты*; *Посмотрите эти джинсы... могу больше давать* ('дать примерить джинсы большего размера'); *Сейчас, пока мы поедем... точнее, будем ехать до Иссык-Куля, справа от вас будет река Чу* (в последнем примере говорящий сам исправляет нестандартное употребление видо-временной формы). Кроме того, в кыргызском одна и та же форма времени регулярно отсылает как к плану настоящего, так и к плану будущего. Например, предложение (7) возможно и как описание планов говорящего, и в ситуации, когда он сообщает по телефону, что уже находится в пути в аптеку.

(7) *Мен дарыкана-га бар-а-м.*
я аптека-DAT идти-NPST-1SG
'Я иду / пойду в аптеку'.

⁵ Показатели *-дан* в (5) и *-нен* в (6) также являются алломорфами одного аффикса аблатива; их материальное различие обусловлено морфонологическими причинами (см., например, [Биялиев 2003: 38]).

Это может вызывать не вполне естественное употребление форм настоящего времени: *Несколько слов попробуйте, я сейчас пишу* (подразумевается ‘я сейчас напишу’ — прим. авт.), *по одной слову хотя бы* (см. также [Чокошева 2022] о проблемах обучения кыргызских школьников правильному употреблению форм будущего времени).

3.2. Лексика

Влияние кыргызского языка на местную разновидность русского языка проявляется и на лексическом уровне. Материальные заимствования лексем в наших данных немногочисленны: *Как у апайки дела? Надо подойти к эджейке* [к женщине старшего возраста]. В данном случае заимствуются и оформляются русским словообразовательным суффиксом существительное *апа*, в разных кыргызских диалектах означающее ‘мать, старшая сестра, тетка по женской линии’ и используемое как обращение к старшей родственнице, и *эже* ‘старшая сестра, форма обращения к старшей женщине’ [Эл-Сөздүк].

Значительно более распространены лексические кальки, когда модель полифункциональности лексемы в местной разновидности русского языка копирует кыргызскую модель. Многие из таких калек касаются глаголов перемещения. В кыргызском языке они часто совместимы с разными способами совершения действия. Например, первое значение глагола *бар* сформулировано в [Эл-Сөздүк] как ‘двигаться (идти, ехать, плыть, лететь), отправляться (удаляясь от говорящего или минуя его)’. Глагол *кел* ‘приходить’ в (8) описывает пешее перемещение, а в (9) — перемещение наземным либо воздушным транспортом.

(8) *Партизан-дар токой-дун ара-сы менен кел-иш-ти.*
партизан-PL лес-GEN промежуток-poss.3 с придти-REC-PST
‘Партизаны пришли лесом’ [Захарова (отв. ред.) 1987: 347].

(9) *Сиз Россия-дан качан кел-ди-ңиз?*
Вы Россия-AVL когда придти-PST-2SG.POL
‘Вы из России когда приехали/прилетели [в Кыргызстан]?’

В результате в местном варианте русского языка встречаются следующие примеры (услышанные в речи таксистов и описывающие перемещение на автомобиле, а не пешком): *Только здесь... здесь пройти и всё; Вверх надо подниматься по Малдыбаева, если дойти туда; Здесь двусторонний* (‘двустороннее движение’), *здесь пройти трудно; Местные бесплатно ходят за водой* (т. е. могут бесплатно проехать несколько километров на машине к источнику воды на территории национального парка, заезд на которую в общем случае платный).

Кальки встречаются и в других лексических группах. Рассмотрим несколько примеров. Как было сообщено авторам статьи, президент Кыргызстана С. Н. Жапаров, проведший некоторый период жизни в тюремном заключении, *в тюрьме лежал*. Это соответствует употреблению кыргызского глагола *жат* ‘лежать’ в аналогичном контексте, ср. *түрмө-дө жат-кан-да* (тюрьма-LOC лежать-PTCP.PST-LOC) ‘когда он сидел (букв.: лежал) в тюрьме’ [Эл-Сөздүк]. Аномально с точки зрения стандартного русского языка может использоваться и другой позиционный глагол — *ставить*, ср.: *Поставьте сюда* [деньги на столик; имеется в виду ‘положите’]; *Ставьте сюда руку* [для забора крови из вены: руку нужно было положить на стол, не сгибая]. Параллель к этому — широкое употребление кыргызского глагола *кой*, который может соответствовать как русскому *поставить*, так и русскому *положить*, ср. словарную иллюстрацию *жер-ге кой-Ф* (земля-DAT помещать-IMP) ‘поставь (положи) на землю’ [Эл-Сөздүк] и примеры (10)–(11). Копироваться могут и переносные употребления, ср. *Ещё ставят имена такие детям...* и кыргызский пример *ат ко-юу* (имя помещать-NMLZ) ‘дать имя’ [Эл-Сөздүк].

- (10) *Асан калем саб-ы-н парта-нын үст-ү-нө*
Асан ручка рукоятка-POSS.3-ACC парта-GEN верх-POSS.3-DAT
кой-ду.

помещать-PST

‘Асан положил на парту свою ручку’.

- (11) *гүл-дөр-дү ваза-га ко-юу*
цветок-PL-ACC ваза-DAT помещать-NMLZ
‘ставить цветы в вазу’ [Эл-Сөздүк].

Другая вероятная калька представлена в заданном автору статьи вопросе, касающемся чая: «*Вы сильно **красный** любите?*» Под *сильно красным* чаем подразумевался очень крепкий чай, заваренный с помощью обычного пакетика, ср. лексикографическую фиксацию значения ‘крепкий (о чае)’ у кыргызского прилагательного *кызыл* ‘красный’ [Эл-Сөздүк], см. также (12).

- (12) *Витамин-ге, клетчатка-га бай азык-тар менен бат-бат*
витамин-DAT клетчатка-DAT богатый продукт-PL с часто
тамактан-уу, эртең менен кофе же кызыл чай ич-үү
питаться-NMLZ утро с кофе или красный чай пить-NMLZ
сун-уш кыл-ын-а-т.

протягивать-VN делать-DETR-NPST-3

‘Рекомендуется часто употреблять продукты, богатые витаминами, клетчаткой, утром пить кофе или крепкий чай’ [<https://ky.wikipedia.org/wiki/Типотония>].

Еще один пример касается куриных яиц, аккуратно упакованных про-
дащицей с комментарием *чтобы не сломались*. В данном случае наблю-
дается параллель с употреблением кыргызского глагола *сын* ‘ломаться,
разбиваться’, ср. *бычак сын-ды* (нож ломаться-рст) ‘нож сломался’ и *тарелка*
сын-ды (тарелка ломаться-рст) ‘тарелка разбилась’ [Эл-Сөздүк].

Наконец, интересный случай, находящийся на стыке лексики и грам-
матики, представлен употреблением слова *оказывается*. В стандартном
русском языке оно выступает как митаривный маркер при обнаружении
говорящим неожиданного положения вещей (см. подробнее [Падучева
2014]). В русской речи носителей кыргызского языка *оказывается* исполь-
зуется как своего рода усилительная частица, в т. ч. в контекстах, несов-
местимых с митаривной интерпретацией. Подобные примеры включают
утверждения говорящего о самом себе (*[Я] молодая тогда была, **оказыва-***
ется), выражение говорящим долженствования, диктуемого его собствен-
ными убеждениями (*Хватит, **оказывается!**; Дети нужно, чтобы были,*
оказывается), общеизвестные истины (*У нас говорят: горы не встреча-*
*ются, а люди встречаются, **оказывается*** — здесь говорящий вспоминает
кыргызскую пословицу, известную ему и не противоречащую его картине
мира).

В русско-кыргызском словаре [Эл-Сөздүк] в качестве эквивалента рус-
ского *оказывается* приводится форма *экен* (исторически форма перфек-
та глагола-связки, см., например, [Johanson 2021: 565–567]). Эта форма,
с одной стороны, имеет митаривные употребления, см. пример (13), со-
провождаемый в [Захарова (отв. ред.) 1987: 277] комментарием «говоря-
щий узнал о действии, происходящем в настоящий момент, со стороны
или случайно», или приведенный носителем пример (14).

- (13) *Самтыр айыл чарба машина-лар-ы-н кур-уу*
Самтыр село хозяйство машина-PL-POSS.3-ACC строить-NMLZ
завод-у-нда иште-й-т экен.
завод-POSS.3-LOC работать-NPST-3 быть.PFCT
‘Оказывается, Самтыр работает на заводе сельскохозяйственного
машиностроения’ [ibid.].

- (14) *Зоопарк-та узун-дуг-у жыйырма — отуз метр-дей*
зоопарк-LOC длинный-SUBST-POSS.3 двадцать тридцать метр-EQU
бол-гон жылан-дар бар экен.
быть-PTCP.PST змея-PL имеется быть.PFCT
‘Оказывается, в зоопарке змеи длиной примерно 20–30 м’.

С другой стороны, носители кыргызского языка отмечают, что *экен* мо-
жет быть маркером эмфатического выделения (в пояснениях на русском

языке фигурируют, в частности, наречия *обязательно, действительно*), см. (15)–(16); второй из этих примеров прокомментирован носителем как «действительно там есть, усиление утверждения».

(15) *Бүгүн алар-дын кел-иш-и керек экен.*
сегодня он.PL-GEN приходит-VN-POSS.3 нужно быть.PFCT
'Они должны сегодня обязательно прийти (букв.: Сегодня их приход нужен).'

(16) *Бул байыркы шаар-да көп тарыхый имарат-тар бар экен.*
этот древний город-LOC много исторический здание-PL
имеется быть.PFCT
'В этом древнем городе есть много исторических зданий'.

Тем самым маркер *экен* в кыргызском языке имеет как миративное значение ('оказывается'), так и значение эмфатического выделения ('действительно', 'обязательно' и т. п.). В приведенных примерах нестандартного употребления русского *оказывается* исходное миративное значение заменяется на значение эмфатического выделения, но само вводное слово остается тем же⁶.

4. Лексические регионализмы

В русской речи носителей кыргызского языка встречаются и такие нестандартные употребления ряда лексем, которые нельзя уверенно объяснить контактным влиянием. Эти употребления могут иметь различный территориальный охват и за пределами Кыргызстана. Рассмотрим несколько примеров.

Организации, обозначаемые в стандартном русском языке как *бюро переводов*, в Кыргызстане часто имеют вывески *языковые переводы*. Кыргызское соответствие выглядит как *тил котормо-лор-у* (язык перевод-PL-POSS.3) или *тил котор-уу* (язык переводить-NMLZ). Кроме того, в Кыргызстане распространены организации, занимающиеся денежными переводами, и на кыргызском они обозначаются аналогичными выражениями с существительным *акча* 'деньги': *акча котормолору (каторуу)*. По вывеске без существительного *тил* 'язык' или *акча* 'деньги', по мнению

⁶ Дальнейшего исследования требует вопрос о том, как взаимодействует с контекстом (в особенности с темпоральными и модальными формами предикатов) то или иное значение маркера *экен* в кыргызском языке и маркера *оказывается* в местном варианте русского языка. Обсуждение этого вопроса было намечено на материале близкородственных кыргызскому казахского и узбекского языков в [Straughn 2011]. На кыргызском материале он, насколько нам известно, не изучен в адекватной мере.

носителей, было бы непонятно, какими переводами занимается организация. Тем самым выражение *языковые переводы* параллельно своему кыргызскому аналогу, а вывеска *переводы* была бы не полностью понятной в силу описанных местных реалий. Интересно вместе с тем, что выражение *языковые переводы* фиксируется и на российских сайтах: *Лингвистическое сопровождение бизнеса. Языковые переводы и многое другое для корпоративных клиентов*⁷; *Моноград. Международное агентство языковых переводов*⁸. Более распространен, однако, вариант *бюро переводов*: например, в подкорпусе социальных сетей НКРЯ он встретился 33 раза, а выражение *языковые переводы* как обозначение организации⁹ не встретилось ни разу. Таким образом, используемое в Кыргызстане выражение *языковые переводы* нельзя уверенно оценить ни как кальку (хотя кыргызские аналоги, безусловно, могут поддерживать ее существование), ни как общепотребительный в русском языке вариант.

Существительное *аристон* используется в значении ‘водонагреватель фирмы Ariston или подобный ему’: *Мне будут чистить аристон* (иные предметы бытовой техники, как холодильник или стиральная машина, так не обозначаются). Это словоупотребление нередко вызывает вопросы в чатах для гостей Кыргызстана: *Подскажите, пожалуйста, а что подразумевается под аристоном в объявлениях о сдаче квартир? Отсутствие центрального отопления? — Водонагреватель :)*¹⁰

Номинация *аристон* распространяется на различные бренды, см. объявление, найденное нами в Yandex — *Ремонт бытовой техники «Пётр ремонт Аристонов водонагревателей всех марок выезд» по адресу Бишкек, Ялтинская улица, 129* — или следующее обсуждение в чате: *Заметил, что в объявлениях вместо слова «водонагреватель» пишут «Аристон». Как я понимаю авторы используют это как синонимы)) — Это как ксерокс — Ага, видимо*¹¹.

Хотя существительное *аристон* заимствовалось и в кыргызский язык (в местном сегменте интернета находятся объявления вида *аристон коюу* ‘установка аристонов’ или *аристон тазалоо* ‘чистка аристонов’), оснований считать его употребление калькой с кыргызского языка нет. Кроме того, оно встречается в других районах Центральной Азии и Южного Кавказа: мы обнаружили в Yandex и Google рекламу связанных с *аристонами*

⁷ <https://linso.moscow/> (г. Москва).

⁸ <https://monograd.com/uslugi/perevod-dokumentov.html> (г. Екатеринбург).

⁹ Встретился только один пример в ед. ч.: *Требуется помощь в языковом переводе на уроках...* [НКРЯ: СупRus Helpers. telegram СупRus Helpers (12.10.2022)]

¹⁰ Телеграм-чат «Добро пожаловать в Кыргызстан!»: t.me/WelcomesToKG.

¹¹ Телеграм-чат «Кыргызстан. Чат TravelAsk»: <https://t.me/+myQu5wq43mBmNDFi>.

услуг в Ташкенте, Таразе, Кокшетау, Шымкенте, а также на некоторых азербайджанских сайтах.

Бытовая химия, а также магазины с ней называются в местном варианте русского языка *мыломойка* (также используется словосочетание *мыломоющие средства*). На кыргызском языке нам встретились различные вывески таких магазинов, например (*кир*) *жуу-чу каражат-тар* (грязь мыть-PTCP.PRFV средство-PL) ‘моющие (грязь) средства’, *жууп-тазалагыч каражат-тар* (мыть-СВВ-приспособление_для_очистки средство-PL) ‘средства очистки и мытья’. Прямую параллель к представленным русским обозначениям они не образуют. В Yandex и Google находится информация о таких магазинах в некоторых частях Казахстана, а именно в Павлодаре, Павлодарской области и Усть-Каменогорске. Также фиксируются объявления, относящиеся к городам Астана и Алматы (однако один из наших коллег, прошедший в Алматы продолжительное время, отрицает наличие там таких наименований).

Пополнение баланса мобильного телефона обозначается в Кыргызстане как *загрузка единиц*. Подобное выражение было известно и в России, ср. диалог 10-летней давности на интернет-форуме (с сохранением авторской орфографии и пунктуации): *Что означает закинуть себе единицы??? (на телефон) — Раньше на телефонных счетах были не рубли а условные единицы. Кто помнит может до сих пор так говорит*¹². В Кыргызстане история появления такого выражения, вероятно, аналогична, но если в стандартном русском языке оно вышло из употребления, то в местном варианте русского языка достаточно сохранно (при том что баланс мобильного телефона пополняется в местной валюте так же, как в России).

Ключ от домофона нередко обозначается в местном варианте русского языка как *чип*: *Девушка, Вы в этот подъезд? У Вас есть чип?* Для русского языка на территории России такое словоупотребление не исключено, ср. найденные в Yandex и Google примеры: *Какой чип для домофона выбрать и как?; Ночью люди возвращаются с работы и не могут открыть чипом дверь*. В то же время назвать его распространенным нельзя: в устном подкорпусе НКРЯ лексема *чип* встретилась 33 раза, но ни в одном из этих контекстов не обозначает ключ; аналогичная ситуация в 100 первых примерах из выдачи подкорпуса социальных сетей НКРЯ.

Таким образом, в варианте русского языка, распространенном в Кыргызстане, встречается немало употреблений русских лексем, которые не связываются с влиянием кыргызского языка. Они являются частью общей вариативности (в том числе региональной) в использовании русской лексики.

¹² <https://otvet.mail.ru/question/98201983>.

5. Заключение

Вариант русского языка, распространенный в Кыргызстане, складывается под влиянием трех факторов.

Во-первых, это доля русского населения в регионе: так, по нашим данным, в г. Ош и Ошской области, где эта доля мала, русский язык в целом отстоит значительно дальше от стандарта, чем в г. Бишкеке и Чуйской области со значительно более высокой долей русского населения.

Во-вторых, это структурное влияние кыргызского языка на русский, приводящее к развитию нестандартных для русского языка моделей в грамматике (употребление форм рода, устройство сравнительных конструкций и именных групп, сбой в употреблении видо-временных форм, калькирование и контаминация моделей управления) и в лексике (калькирование полифункциональности лексем).

В-третьих, это внутренняя вариативность русского языка. Будучи распространенным на огромном пространстве, русский язык развивает собственную территориальную вариативность, не объяснимую контактным влиянием: ее проявления наблюдаются и в Кыргызстане.

Перечисленные факторы в их взаимодействии следует учитывать и при анализе других, в т. ч. вовлекающих русский язык, контактных ситуаций. Это может способствовать их более детальной типологизации и более глубокому пониманию характерных для них процессов.

Список сокращений

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; ABL — аблатив (исходный/отложительный падеж); ACC — аккузатив (винительный падеж); ATTR — атрибутивизатор (показатель, образующий от существительного форму со свойствами прилагательного); CMPR — компаратив (показатель сравнительной степени); CVB — деепричастие; DAT — датив; DETR — детранзитивизатор (показатель непереходного глагола); EQU — экватив (показатель одинаковой степени качества); GEN — генитив (родительный падеж); IMP — императив (повелительное наклонение); LOC — локатив (местный падеж); NEG — отрицание; NMLZ — номинализация (отглагольное существительное); NPST — непрошедшее время; PFCT — перфект; PL — множественное число; POL — вежливая форма; POSS — посессивность (принадлежность); PST — прошедшее время; PTCP.IPFV — имперфективное причастие; PTCP.PST — причастие прошедшего времени; REC — реципрок (показатель взаимного действия); SG — единственное число; SUBST — аффикс существительного; VN — отглагольное имя.

Литература

- Академос: орфографический академический ресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://orfo.ruslang.ru/> (дата обращения: 16.08.2024).
- Биялиев К. А. Кыргызский язык: Учебное пособие. Бишкек: Раритет Инфо, 2003. 128 с.
- Гончарова А. М. Практическое освоение русского согласования учащимися-киргизами (из опыта работы в классах углубленного профиля) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2017. № 3. С. 28–31.
- Демографический ежегодник Кыргызской Республики 2018–2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskiy-ezhegodnik-kyrgyzskoy-respubliki/> (дата обращения: 16.08.2024).
- Дербишева З. К. Особенности билингвизма в Кыргызстане // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. № 1. С. 144–155.
- Дятленко П. И. Русский язык в Киргизстане: современное положение, тренды и перспективы // Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki: University of Helsinki, 2010. P. 211–226.
- Захарова О. В. Сопоставительная грамматика русского и киргизского языков. Морфология. Фрунзе: Мектеп, 1965. 160 с.
- Захарова О. В. (отв. ред.). Грамматика киргизского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Фрунзе: Илим, 1987. 399 с.
- Конституция Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (дата обращения: 16.08.2024).
- Макеева А. Э. Интерферентные явления в русской речи кыргызов – билингвов (морфолого-синтаксический аспект): автореф. дис.... канд. филол. наук / Институт языка и литературы Национальной академии наук Кыргызской Республики. Бишкек, 1995. 18 с.
- Общероссийский классификатор стран мира [Электронный ресурс]. URL: <https://classifikators.ru/oksm> (дата обращения 16.08.2024).
- Орузбаева Б., Турсунов А., Сыдыков Ж., Акматалиев А., Мусаев С., Садыков Т. (ред.). Азыркы кыргыз адабий тили. Фонетика, лексикология, лексикография, фразеология, морфология, синтаксис, стилистика. Бишкек: Avgasya Press, 2009. 704 с.
- Остапенко Л. В., Старченко Р. А., Субботина И. А. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М.: ИЭА РАН, 2018. 300 с.
- Падучева Е. В. Эвиденциальные показатели и их режимы интерпретации // Acta Linguistica Petropolitana. 2014. № 3. С. 529–541.
- Тагаев М. Д. Диалог языков и культур (на материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ, 2015. 240 с.
- Тагаев М. Д. Отношение жителей Кыргызстана к русскому языку // Slavica Helsingiensia 52. Russian language in the multilingual world / Ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki: University of Helsinki, 2019. P. 160–165.

- Татевосов С. Г. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2016. 568 с.
- Татевосов С. Г. Акциональность // Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / Ред. С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017. С. 90–123.
- Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, ОГИЗ, 1935. lxxvi + 1566 с.
- Чернышев В. И. (ред.). Словарь современного русского литературного языка (в 17 т.). Т. 5. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1918 с.
- Чокошева Ч. М. Речеподготовительные и речевые упражнения в системе коммуникативного освоения глаголов будущего времени (в 6 классе киргизской школы) // Русский язык и литература в школах Кыргызстана. 2022. № 2. С. 18–26.
- Эл-Сөздүк: мультязычный онлайн-словарь кыргызского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://tamgasoft.kg/dict/> (дата обращения: 16.08.2024).
- Johanson L. *Turkic*. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. xxi + 1063 p.
- Straughn C. *Evidentiality in Uzbek and Kazakh: PhD thesis / Northeastern Illinois University*. Chicago, 2011. xvii + 185 p.
- Tagaev M., Protassova E. *Russian in Kyrgyzstan. Status, functioning, and collisions between languages // The soft power of the Russian language. Pluricentricity, politics and policies / Ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya*. NY: Routledge, 2020. P. 134–149.

References

- Akademios: *orfograficheskii akademicheskii resurs* [Akademios: spelling academic resource]. Available at: <https://orfo.ruslang.ru/> (accessed 16.08.2024).
- Biyaliev K. A. *Kyrgyzskii yazyk: Uchebnoe posobie* [Kyrgyz language: teaching aid]. Bishkek, Raritet Info Publ., 2003. 128 p.
- Chernyshev V. I. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (v 17 t.)* [A dictionary of contemporary Standard Russian (in 17 vol.)]. Vol. 5. Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1956. 1918 p.
- Chokosheva Ch. M. [Speech preparatory and speech exercises in the system of communicative mastering of future tense verbs (in the 6th grade of Kyrgyz schools)]. *Russkii yazyk i literatura v shkolakh Kyrgyzstana*, 2022, no 2, pp. 18–26. (In Russ.)
- Demograficheskii ezhegodnik Kyrgyzskoi Respubliki 2018–2022* [Demographic yearbook of the Kyrgyz Republic 2018–2022]. Available at: <https://www.stat.kg/ru/publications/demograficheskij-ezhegodnik-kyrgyzskoj-respubliki/> (accessed 16.08.2024).
- Derbisheva Z. K. [Language contacts in the field of bilingualism in Kyrgyzstan]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2022, no. 1, pp. 144–155. (In Russ.)

- Dyatlenko P. I. [Russian language in Kyrgyzstan: Current situation, trends and prospects]. *Slavica Helsingiensia 40. Instrumentarium of Linguistics. Sociolinguistic approaches to non-standard Russian*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, N. Vakhtin. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2010, pp. 211–226. (In Russ.)
- El-Sözdük: *mul'tiyazychnyi onlain-slovar' kyrgyzskogo yazyka* [El-Sözdük: multilingual online dictionary of Kyrgyz]. Available at: <https://tamgasoft.kg/dict/> (accessed 16.08.2024).
- Goncharova A. M. [Practical mastering of Russian agreement by Kyrgyz students (from experience of work in advanced classes)]. *Russkii yazyk i literatura v shkolakh Kyrgyzstana*, 2017, no. 3, pp. 28–31. (In Russ.)
- Johanson L. *Turkic*. Cambridge, Cambridge University Publ., 2021. xxi + 1063 p.
- Konstitutsiya Kyrgyzskoi Respubliki* [Constitution of the Kyrgyz Republic]. Available at: <https://cbd.minjust.gov.kg/1-2/edition/1202952/ru> (accessed 16.08.2024).
- Makeeva A. E. *Interferentnye yavleniya v russkoi rechi kyrgyzov – bilingvov (morfologo-sintaksicheskii aspekt)*. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Interference phenomena in Russian speech of Kyrgyz bilinguals (morphological and syntactic aspect). Cand. phil. sci. diss. abstr.]. Institut yazyka i literatury Natsional'noi akademii nauk Kyrgyzskoi Respubliki. Bishkek, 1995. 18 p.
- Obshcherossiiskii klassifikator stran mira* [All-Russian Classifier of Countries of the World]. Available at: <https://klassifikators.ru/oksm> (accessed 16.08.2024).
- Oruzbaeva B., Tursunov A., Sydykov Zh., Akmataliev A., Musaev S., Sadykov T. (eds.). *Azyrky kyrgyz adabii tili. Fonetika, leksikologiya, leksikografiya, frazeologiya, morfologiya, sintaksis, stilistika*. [Contemporary Standard Kyrgyz. Phonetics, lexicology, lexicography, phraseology, morphology, syntax, stylistics]. Bishkek, Avrasya Press, 2009. 704 p.
- Ostapenko L. V., Starchenko R. A., Subbotina I. A. *Russkaya molodezh' Kyrgyzskoi Respubliki v XXI veke. Strategii adaptatsii*. [Russian youth of the Kyrgyz Republic in the 21st century. Adaptation strategies.] Moscow, IEA RAS Publ., 2018. 300 p.
- Paducheva E. V. [Evidential markers and their registers of interpretation]. *Acta Linguistica Petropolitana*, 2014, no. 3, pp. 529–541. (In Russ.)
- Straughn C. *Evidentiality in Uzbek and Kazakh*. PhD thesis. Northeastern Illinois University, Chicago, 2011. xvii + 185 p.
- Tagaev M. D. *Dialog yazykov i kul'tur (na materiale funkcionirovaniya i vzaimodeistviya kul'turno-yazykovykh prostranstv kirgizskogo i russkogo yazykov)* [Dialogue of languages and cultures (based on the functioning and interaction of the cultural and linguistic spaces of the Kyrgyz and Russian languages)]. Bishkek, KRSU Publ., 2015. 240 p.
- Tagaev M. D. Otnoshenie zhitelei Kyrgyzstana k russkomu yazyku [The attitude of the residents of Kyrgyzstan to the Russian language]. *Slavica Helsingiensia 52. Russian language in the multilingual world*, ed. by A. Nikunlassi, E. Protassova. Helsinki, University of Helsinki Publ., 2019, pp. 160–165. (In Russ.)
- Tagaev M., Protassova E. Russian in Kyrgyzstan. Status, functioning, and collisions between languages. *The soft power of the Russian language. Pluricentricity, politics and policies*, ed. by A. Mustajoki, E. Protassova, M. Yelenevskaya. NY, Routledge, 2020, pp. 134–149. (In Eng.)

- Tatevosov S. G. *Glagol'nye klassy i tipologiya aktsional'nosti* [Verb classes and the typology of actionality]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2016. 568 p.
- Tatevosov S. G. [Actionality]. *Elementy tatarskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii. Misharskii dialekt* [Elements of Tatar in a typological perspective. Mishar dialect], ed. by S. G. Tatevosov, A. G. Pazel'skaya, D. Sh. Suleimanov. Moscow, Buki Vedi Publ., 2017, pp. 90–123. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka (v 4 t.)* [Explanatory dictionary of the Russian language (in 4 vol.)]. Moscow, Sovetskaya Ehntsiklopediya; OGIZ Publ., 1935. lxxvi + 1566 p.
- Zakharova O. V. *Sopostavitel'naya grammatika russkogo i kirgizskogo yazykov. Morfologiya*. [Comparative grammar of Russian and Kyrgyz. Morphology.] Frunze, Mektep Publ., 1965. 160 p.
- Zakharova O. V. (ed.). *Grammatika kirgizskogo literaturnogo yazyka. Ch. 1. Fonetika i morfologiya*. [Grammar of Standard Kyrgyz. Part 1. Phonetics and morphology] Frunze, Ilim Publ., 1987. 399 p.

Особенности акцентуации словоформ в составе фразеологизмов

Татьяна Николаевна Коробейникова, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), tkorobejnikova@inbox.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040051

АННОТАЦИЯ: Часто орфоэпические словари фиксируют в словоформах в составе фразеологизмов старый вариант ударения, который уже не используется в этих же словоформах в свободных сочетаниях. Например, *в трех водах*, а не *в трех водах*, *какими судьбами*, а не *какими судьбами*. Однако в ходе пяти экспериментов с москвичами — носителями литературного произношения — было выявлено, что акцентуация многих словоформ в составе фразеологизмов отличается от той, которая рекомендована орфоэпическими словарями. Ударение в этих словоформах либо становится таким же, как в свободных сочетаниях, либо варьируется у респондентов разных возрастных групп, либо (в редких случаях) «особое» ударение сохраняется. При этом многие словоформы в составе фразеологизмов отражают акцентуационные процессы, протекающие в тех же словоформах в свободных сочетаниях. Эти процессы следует фиксировать в словарях, вводя допустимые старшие и младшие варианты произношения. В то же время варианты, отмеченные в ударении церковнославянизмов, образований от имен собственных, историзмов и архаизмов в составе фразеологизмов, объясняются незнанием этих слов, а следовательно, должны даваться в орфоэпических словарях с запретительными пометами. В зависимости от соотношения вариантов произношения исследованные фразеологизмы были разделены на 8 групп, представленных в статье.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: фразеологизмы, динамика норм, ударение, орфоэпия, вариативность

для цитирования: Коробейникова Т. Н. Особенности акцентуации словоформ в составе фразеологизмов // Русская речь. 2025. № 4. С. 65–74. DOI: 10.31857/S0131611725040051.

Issues of Modern Russian Language

Peculiarities of Accentuation of Word Forms in Phraseological Units

Tatyana N. Korobeynikova, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), tkorobejnikova@inbox.ru

ABSTRACT: Orthoepic dictionaries often support old variant of stress in word forms in phraseological units, which already isn't used in the same word forms in free phrases. For example, *v treh vodáh*, not *v treh vódah*, *kakimi sud'bámi*, not *kakimi súd'bami*. However, 5 experiments with speakers of standard pronunciation show that accentuation of many word forms in phraseological units differs from recommendations given by the dictionaries. Accentuation of these word forms becomes the same as accentuation in free phrases, or there is accentuation variability in speech of people from different age groups, or sometimes “special” stress preserved. Many word forms in phraseological units reflect the same accentuation processes as these word forms in free phrases. These processes should be reflected in orthoepic dictionaries with permissible elder and younger variants of pronunciation. At the same time stress variants of pronunciation in words from old church Slavonic language, proper names, historicisms, archaisms in phraseological units are explained by incompetence of speakers, so these variants should be forbidden by orthoepic dictionaries. Depending on the pronunciation variants the studied phraseological units were divided into 8 groups presented in the article.

KEYWORDS: phraseological units, norm change, stress, orthoepy, variability
FOR CITATION: Korobeynikova T. N. Peculiarities of Accentuation of Word Forms in Phraseological Units. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 65–74. DOI: 10.31857/S0131611725040051.

Как показало исследование [Коробейникова 2023], акцентуация словоформ в составе фразеологизмов в орфоэпических словарях часто освещена не полно, редко даются допустимые варианты произношения, не фиксируются старшая и младшая нормы, иногда словарные рекомендации кардинально расходятся с распространенными в узусе вариантами. Так, «особая» акцентуация словоформ в устойчивых выражениях часто заменяется распространенной в тех же словоформах в свободных сочетаниях¹: начинают произносить не *на крúги своя*, а *на круги́ своя*, что подтверждается результатами эксперимента, посвященного акцентуации словоформ в составе 28 (фр.)², которые встречаются в авторитетных орфоэпических словарях [Коробейникова 2023]. Чтобы увеличить выборку исследованных фразеологизмов, впоследствии были проведены еще 4 эксперимента, в ходе которых проанализированы 108 словоформ в составе (фр.) и 75 в (св.). В ходе экспериментов носители русского литературного языка из трех возрастных групп (старшей — от 60 лет, средней — 30–60 лет и младшей — до 30 лет)³ читали предложения, включающие одни и те же словоформы во (фр.) и (св.). Фразеологизмы, вошедшие в эксперименты, можно разделить на 8 групп в зависимости от соотношения вариантов акцентуации, данных в словарях и зафиксированных в узусе, а следовательно, требующих разных словарных рекомендаций.

1. Ударение в словоформе в (св.) и во (фр.) различается в словарях, но в речи информантов совпадает почти всегда в «свободном» варианте. Например, рекомендованный словарями вариант произношения *кру́ги* во фразеологизме *на кру́ги своя* отмечен только у 7 респондентов из 30, а «словарное» ударение на первый слог в словоформе *тене́й* во

¹ Далее используются сокращения: фразеологизм — (фр.), свободное сочетание — (св.).

² Использовались словари: [Резниченко 2021], БОС 2012 — [Касаткин (ред.) 2012], ОСРЯ 1983 — [Аванесов (ред.) 1983]. Ударение в словоформах в составе фразеологизмов поставлено здесь в соответствии с рекомендациями словарей.

³ В двух первых экспериментах участвовало по 30 человек (по 10 в каждой возрастной группе), в третьем и четвертом — по 60 (по 20 в каждой группе), в пятом — 50 (15 ч-к ст., 17 ч-к ср., 18 ч-к мл.).

фразеологизме *царство тѐней* встретилось лишь у 1 участника эксперимента. В эту группу также вошли выражения *валѐм валит, не ровѐн час и волею судѐб*.

Устаревшие⁴ варианты словоформ *кру́ги, судѐб и тѐней* во (фр.) использовало меньшинство опрошенных, варианты *не ровѐн час* и *валѐм валит* встречались несколько чаще. Думается, фразеологизмы этой группы следует представлять в орфоэпических словарях с двумя вариантами произношения: наиболее частотным в узусе как основным и уходящим как допустимым.

2. Ударение в словоформе в (св.) и во (фр.) различается в словарях, в речи респондентов ударение во (фр.) колеблется. В эту группу вошли фразеологизмы *в трех вода́х*, как *Сидорову ко́зу, по ко́ням, многая ле́та, в два ря́да, всем сестра́м по серьгам, какими судьба́ми, заблудиться в 3 сосна́х*.

Во (фр.) *в трех водах* большая часть опрошенных (35% респондентов из старшей группы, 70% из средней и 100% из младшей) произнесла *во́дах* вопреки рекомендациям словарей. Это неудивительно, поскольку выражение не частотно (в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) отмечено лишь 9 примеров). В поэтическом под-корпусе оно встречается только с ударением на флексию, в свободных сочетаниях словоформа *во́дах* часто встречается в поэтических текстах середины и конца XX века, в более ранних произведениях используется форма *вода́х*:

Там бабочка — гигант, крупнее птички райской,

И аист розовый в лазоревых *вода́х*,

Нет пробуждения весны в теплыни майской,

И свод небес горит в губительных луча́х.

К. К. Случевский. Загробные песни. 3. В том мире.

Встречи 11: «Могу я быть везде, всегда, где пожелаю...» (1903).

Примеры из НКРЯ хорошо вписываются в концепцию В. Л. Воронцовой о том, что распространение формы *во́дах* происходит в XX веке в рамках формирования нового типа подвижности ударения, начавшегося в середине XIX века и проявившегося в массовом переходе форм косвенных падежей существительных на *-а, -я* во мн. ч. от флексийного ударения к корневому [Воронцова 1979: 43]. В русле той же тенденции варианты *сестра́м, судьба́ми* и *сосна́х* заменились на *се́страм, су́дьями* и *со́снах* в свободных сочетаниях. Однако в той же работе В. Л. Воронцовой говорится

⁴ Более подробно об этих фразеологизмах см. [Коробейникова 2023]; далее выражения, проанализированные в указанной работе, детально не рассматриваются.

о сохранении старого ударения в выражениях *какими судьба́ми* и *всем сестра́м по серьё́зам* [Воронцова 1979: 53]. Результаты эксперимента показывают, что и в этих фразеологизмах ударение колеблется, что следует отразить в орфоэпических словарях. Для (фр.) *какими судьба́ми*, думается, нужна запретительная помета ! неправ. *судьба́ми*, поскольку этот вариант встречается иногда даже в младшей группе (5% старшая группа, 20% средняя, 19% младшая). Для (фр.) *заблудиться в трех сосна́х* требуется давать варианты *со́снах* и *сосна́х* как равноправные, как в словаре [Резниченко 2021], поскольку ударение на первый слог распространено во всех возрастных группах (70% старшая группа, 70% средняя, 90% младшая). Для выражения *всем сестра́м по серьё́зам* варианты *се́страм* и *сестра́м* должны даваться как равноправные, так как результаты эксперимента показывают, что *сестра́м* во фразеологизме произнесла половина респондентов старшей группы, 40% средней и только 10% младшей.

Невысокая частотность в современной речи выражения *по коня́м* повлияла на то, что представители средней и младшей возрастных групп произносят его с ударением на флексию (40% и 82% соответственно). В (св.) эта словоформа произносилась с корневым ударением в начале-середине XIX в., но уже тогда испытывала колебания в акцентуации [Воронцова 1979: 105]. Любопытно, что мультимедийный корпус НКРЯ выдает примеры употребления (фр.) *по коня́м* в переносном значении 'по машинам' в кинофильмах XXI в., но, вероятно, они не популярны у представителей младшей возрастной группы. Кажется, вводить варианты произношения для выражения, имеющего яркую стилистическую окраску, не требуется.

3. В словарях зафиксирована вариативность в (св.); во (фр.), как правило, один вариант произношения; в реальном употреблении вариативность присутствует в обоих случаях. В эту группу вошли выражения *не балу́й*; за *бо́ртом*⁵ 'в воде'; *валом валу́т*; *еле ноги волочу́т*; *вор у вора́ дубинку украл, на воре́ и шапка горит, как с гу́ся вода, не в де́ньгах счастье, замори́т червячка, воды не замути́т*, крестное *зна́мение*, *руки коротки́, отрезанный ломо́ть, мутит́ воду, хоть в пё́тлю лезь, всем сестра́м по серьё́зам, в стена́х чего-либо, (не) всякое лыко в стрóку, за ушкó да на солнышко, для милого дружка и сережку из ушкá, в шерсти́, разнести в щёпы.*

Среди (фр.) данной группы интересны выражения, включающие формы глаголов на *-ить*: *валом валу́т, еле ноги волочу́т, замори́т червячка,*

⁵ Словарь [Резниченко 2021] предлагает вариант *за бо́ртом*, ОСПЯ 1983 дает варианты произношения: *за бо́ртом* и *доп. за бо́ртом*, в БОС 2012 эти варианты даются как равноправные, что, как показал эксперимент, справедливо.

воды не замути́т и мути́т воду. Эти выражения, вопреки рекомендациям словарей, многие респонденты произносят с наосновным ударением, в соответствии с тенденцией к переходу глаголов на *-ить* от неподвижного флексийного ударения к подвижному [Воронцова 1979: 221]. Важно отметить, что формы *заморит, замути́т и мути́т* в (св.) с наосновным ударением даются в словарях как допустимые, что коррелирует с результатами эксперимента. Однако форму *мути́т* в значении ‘тошнит’ рекомендуется произносить только с ударением на окончание, что расходится с данными эксперимента: во всех возрастных группах вариант *му́тит* встретился в трети или половине случаев, что свидетельствует о том, что скоро и он станет допустимым.

Показательно, что рифма способствует сохранению старого ударения в старшей и средней группах чаще, чем в младшей: рифмующиеся варианты произношения *за ушкó* и *из ушкá* во (фр.) *за ушкó да на солнышко и для милого дружка и сережку из ушкá* использовало меньшее количество молодых респондентов, вероятно, из-за невысокой частотности в современном дискурсе этих выражений и редкого использования данных форм с флексийным ударением в (св.).

4. Ударение в словоформе в (св.) и (фр.) совпадает в словарях и в речи информантов, в узусе есть вариативность во фразеологизме *судит да рядит*.

Словоформу *судит* во (фр.) с ударением на флексии почти треть респондентов произнесли, по-видимому, под влиянием рифмы, хотя во всех примерах поэтического подкорпуса НКРЯ, в том числе в басне начала XIX в., обе глагольные словоформы даны с наосновным ударением.

Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всем и *рядит* он и *судит*:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо б́дет.
И. А. Крылов «Мешок» (1809).

5. Ударение в словоформе в (св.) варьируется в словарях и/или в узусе; во (фр.) превалирует один и тот же вариант в узусе и словарях. В эту группу вошли выражения *ва́лит с большой головы на здоровую, ва́лит в одну кучу, ва́лит через пень-колоду, ва́лится в ноги, ва́лится из рук, ва́лится с ног, не было ни грошá⁶, да вдруг алтын и ни грошá, свой в д́бску, ставить на одну д́бску, широк в кóсти́, в четырёх стéна́х, сорваться с цéпи́, румянец во всю щёку, в чéсти́, шарóм покати.*

⁶ В ОСРЯ 1983 и в [Резниченко 2021] в этом случае дано ударение *гро́ша*.

В этой группе любопытны колебания в ударении формы *гроша*⁷ (Р. п.) в (св.). В. Л. Воронцова отмечала, что слово *грош* относится к заимствованиям XVII–XVIII вв., колебания в акцентуации которых наблюдались на протяжении XIX в., а «формы с ударением на основе либо крайне редки, либо употребительны только в составе устойчивых речений: «*Не было грóша, да вдруг алтын. Какого шóта*» [Воронцова 1972: 108]. Эти данные отчасти подтверждаются примерами из поэтического подкорпуса НКРЯ. Форма Р. п. ед. ч. *гроша* встретилась в 161 примере из 140 текстов, при этом наосновное ударение встретилось лишь в 7 примерах:

Заимодавцам мой ответ —
В другое время приходите,
Теперь, ей-ей, ни *грóша* нет!
А. И. Полежаев. Кредиторы: «Что делать мне
от кредиторов?..» (1825–1829).

Однако 9 респондентов произнесли *грóша* в (св.) и только 1 человек в выражении *не было ни гроша, да вдруг алтын*. Маловероятно, что повлиял омоним, имеющий наосновное ударение (название польской монеты). Скорее, произношение с ударением на корень мотивировано разговорным значением слова⁸, зафиксированным в словаре С. А. Кузнецова 1998 г.: только мн.: грóши, грóшей. Разг. Деньги. *Грóши нужны. Грóшей у меня нет. Грóшей у меня полно: зарплату и премию получил*. Эта гипотеза подтверждается тем, что респонденты после эксперимента говорили о том, что произносят *грóша*, потому что так говорили в семье, слышали эту форму от старших родственников. В обиходе использование разговорного значения ‘деньги’ куда более вероятно, чем литературного ‘старинная русская монета’.

По-видимому, молодые люди не различают значения (фр.) (*быть*) в *че-сти* ‘иметь почет, уважение’ и форму предложного падежа от слова *честь* в (св.)⁹. В поэтическом подкорпусе НКРЯ (фр.) отмечен только с ударением на флексии. В (св.) словоформу в *че-сти* большинство испытуемых ожидаемо произносят с ударением на основе (80% респондентов из старшей группы, 100% из средней и 70% из младшей), но отмечены небольшие колебания в месте ударения в старшей и младшей группах, которые

⁷ Респондентам предлагался контекст: «Серебряный рубль в отличие от медного гроша очень ценился в Российской Империи».

⁸ Идущим от украинского *грóші* ‘деньги’ и возможным в литературном языке только в шутовском употреблении [Резниченко 2021: 74].

⁹ Испытуемым предлагались контексты: «В деньгах Юрий Максимович разбирался скорее как нумизмат, а не как приобретатель: он видел смысл жизни не в богатстве, а в чести» и «Путешественник был не в чести у журналистов».

могут быть вызваны смешением значений, но могут свидетельствовать и о «расшатывании» акцентуации. Возможно также, что вариативность в месте ударения вызвана тем, что данная словоформа в (св.) нечастотна, а следовательно, у респондентов нет перцептивного эталона для нее¹⁰.

6. Ударение в словоформе в (св.) и во (фр.) различается и в словарях, и в произношении информантов: *пришла беда, отворяй **ворота́** и **воро́та** (св.), без **следа́**, не осталось и **следа́** и **сле́да** (св.); **счастливо́** оставаться и **сча́стливо** (нар.) (св.) и др.*

В этой группе интересно почти стопроцентное различие между формами *воро́та* и *ворота́* в речи респондентов. В данном случае рифмованность фразеологизма поддержана стилистическим различием форм: поэтическое *ворота́* часто встречается в фольклорных и авторских текстах современных поэтов и классиков.

7. Ударение совпадает в словоформах в (св.) и во (фр.) в словарях и в узусе: *назвался **гру́здем**, полезай в кузов, **губа́** не дура, в **крови́**, клясться на **крови́**, плетью **оббу́ха** не перешибешь, как **оббу́хом** по голове.*

В этой группе обращает на себя внимание выражение *губа не дура*, в котором ОСРЯ 1983 рекомендует произношение *губа*, [Резниченко 2021] дает варианты *губа* и *губа́*, но все респонденты произнесли его с флексивным ударением, поэтому мы полагаем, что вариант с корневым ударением следует считать устаревшим.

8. Словоформа используется только во (фр.) или употребляется в свободных сочетаниях редко, так как имеет ограниченную сферу употребления: *а́вгиевы конюшни, с азо́в, от аза́ до ижицы, бия́ себя в грудь, на бо́су ногу, от мала до вели́ка, в двух верста́х, воро́тит горы, с души воро́тит, воро́тит нос, воро́тит оглобли, что хотят, то и воро́тят, го́рдиев узел, за грудки́, шестствие **двуна́дцати** языков, за **здорово́** живешь, **испоко́н** веков, если бы да **кабы́**, отделить овнов¹¹ от **козли́ц**, неопалимая **купина́**, утро вечера **мудренее́**, семь **вёрст** до **небёс**, **недрема́нное** око, темна вода во **обла́цах**, как **оглаше́нный**, во время **оно́**, из огня да в **по́лымя**, семи **пя́дей** во лбу, на **рыси́**, на **рыси́х**, судит да **ряди́т**, маховая **саже́нь**, **косая саже́нь**, **сидмя́** сидеть, гол как **соко́л**, **стоймя́**¹² стоять, малая **толи́ка**, мать **честна́я**, в **честно́м** пиру, **при честно́м** народе, притча во **язы́цах**.*

Вариативность в акцентуации словоформ этой группы вызвана их низкой частотностью в устной речи и/или стилистической маркированностью, ударение в этом случае может ставиться «наугад» или под влиянием

¹⁰ Аналогичный случай в акцентуации нечастотных форм кратких прилагательных описывается в [Каленчук, Савинов, Скачедубова 2017: 13].

¹¹ Этот фразеологизм встречается также в варианте «отличить агнцев от козлищ», в эксперименте использовался вариант, зафиксированный в ОСРЯ 1983 и БОС 2012.

¹² Аналогичные выражения *лежмя лежать, кишмя кишеть* и др. не вошли в эксперименты.

смысловых ассоциаций и омографичных форм. Так, вариативность в произношении формы *честном* во (фр.) *в честном пиру* и *при честном народе* вызвана смешением форм слов *честный* ‘искренний’ и устар. *честной* ‘почитаемый, почтенный’. В библейском выражении *отделить овнов от козлиц* варианты с ударением на втором слоге появились, вероятно, под влиянием формы разговорного увеличительно-уничижительного слова *козлице*.

В большинстве (фр.) этой группы, включающих церковнославянизмы, образования от имен собственных, историзмы и архаизмы, не может быть вариантов произношения. Вариативность допустима в выражениях с формами глагола *воротить*, поскольку она отражает течение акцентуационного перехода глаголов на *-ить* к подвижному ударению и не связана с семантикой.

Итак, результаты пяти экспериментов показали, что 1) произносительная подсистема фразеологизмов постепенно разрушается и в словоформах в составе (фр.) часто протекают те же процессы, что и в этих же словоформах в (св.); 2) во многих случаях рекомендации орфоэпических словарей следует обновить, показав динамику норм в словоформах в составе (фр.); 3) для многих (фр.) восьмой группы следует ввести запретиельные пометы ввиду широкого распространения неверных вариантов произношения церковнославянизмов, образований от имен собственных, историзмов и архаизмов.

Литература

- Аванесов Р. И. (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / С. Н. Борунова, В. Л. Воронцова, Н. А. Еськова. М.: Русский язык, 1983. 703 с.
- Воронцова В. Л. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979. 328 с.
- Каленчук М. Л., Савинов Д. М., Скачедубова Е. С. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация прилагательных // Русский язык в научном освещении. 2017. № 2 (34). С. 9–28.
- Касаткин Л. Л. (ред.). Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М. Л. Каленчук, Л. Л. Касаткин, Р. Ф. Касаткина. М.: АСТ-ПРЕСС, 2012. 1001 с.
- Коробейникова Т. Н. Фразеологизмы в зеркале орфоэпии: акцентуационные варианты и динамика норм // Русская речь. 2023. № 2. С. 29–42.
- Кузнецов С. А. (гл. ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.10.2024).

Резниченко И. Л. Словарь ударения и произношения слов русского языка. 5–9 кл. М.: АСТ-ПРЕСС Школа, 2021. 368 с.

References

- Avanesov R. I. (ed.). *Orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* [Orthoepical dictionary of the Russian language: pronunciation, stress, grammatical forms]. S. N. Borunova, V. L. Vorontsova, N. A. Es'kova. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 703 p.
- Kalenchuk M. L., Savinov D. M., Skachedubova E. S. [Active processes in the prosodic system of the Russian language: accentuation of adjectives]. *Russkii yazuk v nauchnom osveshchenii*, 2017, no 2 (34), pp. 9–28. (In Russ.)
- Kasatkin L. L. (ed.). *Bol'shoi orfoepicheskiy slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka. Norma i ee varianty* [The comprehensive pronouncing dictionary of the Russian language. Standard pronunciation and stress in the early 21st century. Standard and its variants]. M. L. Kalenchuk, L. L. Kasatkin, R. F. Kasatkina. Moscow, AST-Press Shkola Publ., 2012. 1001 p.
- Korobeynikova T. N. [Phraseological units from orthoepic point of view: stress variation and norm change]. *Russkaya rech*, 2023, no 2, pp. 29–42. (In Russ.)
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Great dictionary of Russian language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 04.10.2024).
- Reznichenko I. L. *Slovar' udareniya i proiznosheniya slov russkogo yazyka. 5–9 kl.* [Dictionary of accents of the Russian language]. Moscow, AST-PRESS Shkola Publ., 2021. 368 p.
- Vorontsova V. L. *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv. Formy slovoizmeneniya* [The Russian standard stress in the 18th–20th centuries. Inflection forms]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 328 p.

Является ли «инфохомяк» неологизмом? К истории слова

Наталья Владимировна Семёнова¹, Жанна Юрьевна Полежаева²,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, Санкт-Петербург)¹,
Кемеровский государственный медицинский университет (Россия, Кемерово)², semenova.nv@spbstu.ru¹,
zhpolezhaeva@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611725040061

аннотация: В статье рассматривается история слова *инфохомяк*, которое в неофициальных интернет-опросах было объявлено неологизмом 2023 года и стало претендовать на роль фаворита народного голосования по выбору слова года. *Инфохомяком* в Сети называют того, кто приобретает в большом количестве различные цифровые продукты, имеет много подписок, но при этом не успевает их просматривать и осваивать. Хотя лексема *инфохомяк* фиксировалась и ранее, медийную популярность она получает именно в 20-е годы XXI века, становясь маркером актуальных дискурсивных практик и тенденций в сфере словоупотребления, словопроизводства и словотворчества. Претендуя на роль «ключевого слова текущего момента», *инфохомяк* отражает важнейшие социокультурные сдвиги в обществе, в частности — активное внедрение в повседневную практику цифровых технологий, в том числе и на основе искусственного интеллекта. Являясь по своему происхождению переводческим окказионализмом, данное слово проникает в замкнутую среду отечественных геймеров и хакеров конца 90-х годов XX века вместе с культурой киберпанка. В современной речевой практике *инфохомяк*, с одной стороны, выступает как яркая лингвокультурная зоометафора, популярность которой поддерживается

продуктивной словообразовательной моделью «инфо» + «имя существительное», с другой стороны, квалифицируется как неузальная неологема с ограниченной сферой функционирования, определяемой прагматическими запросами узкого круга носителей языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: неологизм, лексема *инфохомяк*, компьютерный жаргон, интернет-коммуникация

для цитирования: Семёнова Н. В., Полежаева Ж. Ю. Является ли «инфохомяк» неологизмом? К истории слова // Русская речь. 2025. № 4. С. 75–88. DOI: 10.31857/S0131611725040061.

Issues of Modern Russian Language

Is “Infokhomyak” a Neologism? An Examination of the Word’s History

Natal’ya V. Semenova¹, Zhanna Yu. Polezhaeva², Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Russia, Saint Petersburg)¹, Kemerovo State Medical University (Russia, Kemerovo)², semenova.nv@spbstu.ru¹, zhpolezhaeva@mail.ru²

ABSTRACT: This article explores the history of the term “infokhomyak,” which was named the Neologism of the Year 2023 in unofficial Internet polls and emerged as a strong contender for Word of the Year through popular vote. The term, roughly translated into English as “digital hoarder” or “info junkie,” is used online to describe individuals who purchase a wide array of digital products and maintain numerous subscriptions, yet lack the time to engage with them for entertainment or educational purposes. While “infokhomyak” has been previously documented, it gained significant media attention only in the 2020s, reflecting contemporary discursive practices and trends in language usage, word formation, and coinage. Appearing to be the latest buzzword, this term encapsulates critical socio-cultural shifts, particularly the increasing integration of digital technologies into daily

life, including those driven by artificial intelligence. Originating as an occasionalism in translation, "infokhomyak" found its way into the insular communities of Russian gamers and hackers in the late 1990s, influenced by the Cyberpunk culture. In contemporary usage, "infokhomyak" functions both as a vivid linguacultural zoometaphor — bolstered by the productive word-building pattern that combines the prefix "info" with a noun from the realm of Internet communication — and as a neologism with a distinct area of application, shaped by the pragmatic needs of a limited group of native speakers.

KEYWORDS: neologism, *infokhomyak*, Internet slang, Internet communication

FOR CITATION: Semenova N. V., Polezhaeva Zh. Yu. "Infokhomyak" a Neologism? An Examination of the Word's History. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2025. No. 4. Pp. 75–88. DOI: 10.31857/S0131611725040061.

1. Введение

Предмет нашего исследования имеет хотя и не прямое, но самое непосредственное отношение к процедуре выявления наиболее актуальных слов и выражений, по результатам которой во многих странах ежегодно проводится выбор «слова года». Многочисленные опросы по определению такого слова имеют как официальный, так и неофициальный характер. Официальный выбор, как правило, осуществляют лингвистические государственные или общественные организации. Сферой же неофициального опроса являются различные интернет-ресурсы, где любой пользователь путем простого голосования может выбрать из представленного списка лексем своего кандидата. Для того чтобы попасть в этот список, слово должно как минимум приобрести медийную популярность. Этому требованию в 2023 г. неожиданно стало удовлетворять слово *инфохомяк*. Так, 15 ноября 2023 г. автор спортивного интернет-портала «Чемпионат» Кира Феклисова опубликовала заметку «От "инфохомяка" до "пауэр-танго": 30 новых слов, которые стоит знать продвинутому человеку»¹, которую тут же, но под другим названием перепечатал новостной агрегатор Rambler.ru². Затем эта информация стала массово копироваться различными блогами, разного рода сайтами, появляться на личных страницах в соцсетях.

¹ URL: <https://clck.ru/3DSPCB> (дата обращения 15.11.2024).

² Неологизмы 2023: какие новые слова нужно знать образованному человеку. URL: <https://clck.ru/3DSPDC> (дата обращения 15.11.2024).

В заметке Киры Феклисовой рассматривались неологизмы, которые, как утверждает автор, «получили распространение за последние два года, но еще не успели войти в орфографический словарь»³. Это замечание было весьма существенно, поскольку, как известно, процесс пополнения академических словарей идет постоянно, «народные» же словари-списки, составляемые на основе предпочтений интернет-пользователей, появляются в электронных медиа периодически, обычно к концу календарного года. Как правило, такие списки мало отражают реальную ситуацию, но тем не менее сигнализируют о некоторых важных социокультурных тенденциях. По своей сути они представляют результаты популярных рейтингов «наиболее модных», или «трендовых» слов, получающих широкое распространение в речи молодежи. Две тысячи двадцать третий год не стал исключением. В импровизированном шорт-листе Киры Феклисовой многие лексемы действительно относились к молодежным новообразованиям (например, *криптозима*, *ноулайфер*, *пландемия*, *кастодиан*, *зашерить*, *геокешинг* и др.), но были и смысловые неологизмы, например *зеленка* в значении ‘активист, сторонник идеи зеленого развития и экологической устойчивости’, а также те, которые с большим трудом можно было отнести к неолексике 2023 года, например *экзоскелет* — лексема, фиксируемая словарными материалами «Новое в русской лексике» еще в 2014 году⁴. В этот пестрый список попало и интересующее нас существительное *инфохомяк*, которое позиционирующий себя в качестве «Медиа о настоящем и будущем в России» сайт «АЧБД» («А что будет дальше?») объявил «словом года». Авторы сайта заметили, что *инфохомяк* является безусловным фаворитом опроса читателей, указав, что «так именуют того, у кого подписок становится все больше, а потреблять контент времени категорически не хватает»⁵.

Нужно сказать, что в российских соцсетях *инфохомяк* упоминался и раньше: например, в «Одноклассниках» мы обнаруживаем запись с этой лексемой еще от 2018 года: «*А вас тоже покусал инфохомяк? Сейчас проверим! Симптомы разглядеть просто: откройте вкладку браузера, посмотрите, сколько вы натащили туда идей для уроков, и признайтесь, сколько из них реализовали*»⁶. Но особое распространение существительное *инфохомяк* получило в пандемийный период, что было вполне логично

³ URL: <https://clck.ru/3DSPCB> (дата обращения 15.11.2024).

⁴ URL: <https://neolex.iling.spb.ru/> (дата обращения 15.11.2024).

⁵ Инфохомяк, налог, кунинги: слова 2023 года (в том числе и по вашей версии). URL: <https://clck.ru/3DSRrQ> (дата обращения 15.11.2024); ср. также: Словарный запас / Камчатский репортер. URL: <https://clck.ru/3CQVh9> (дата обращения 15.11.2024).

⁶ URL: <https://clck.ru/3DZfTZ> (дата обращения 15.11.2024).

и объяснимо: в период локдауна у засевшего за компьютеры населения появилось достаточно много времени для самообразования и саморазвития, тем более что многие платформы и сервисы предоставляли свои услуги бесплатно. Естественно, что наиболее активными в этом плане были молодые люди, которые участвовали во множестве обучающих и познавательных курсов, а иногда только скачивали цифровые продукты в большом количестве. Этот процесс пользователи социальной сети «ВКонтакте» характеризовали так: *«Огромное количество бесплатной обучающей информации должно было сделать нас сверхлюдьми, точнее сверхмузыкантами и сверхгитаристами, но большинство превратилось в инфохомяков»*⁷; *«Дело в том, что я — инфохомяк. Вижу годный курс — покупаю»*) И так уже продолжается 4 года. Новые курсы я покупаю гораздо чаще, чем пытаюсь внедрить оттуда что-то в свою повседневную практику»⁸. Однако только к 2023 г. лексема *инфохомяк* максимально расширяет свою аудиторию, что и фиксирует российское медиaprостранство. Цель нашей статьи — объяснить причины востребованности этой лексемы у современного интернет-пользователя с учетом общего социокультурного фона 20-х гг. XXI в. и истории самого слова.

2. Инфохомяк как ключевое слово текущего момента

Предваряя дальнейшее изложение, остановимся прежде всего на опосредованной связи фаворита народных опросов — *инфохомяка* — с ежегодно проводимыми в разных странах официальными акциями по выбору «слова года». В России «слово года» выбирают с 2007 г. Процедура выбора обычно предполагает своеобразный рейтинг «медийных» слов и словосочетаний, которые наиболее полно отражают исторический момент, т. е. наиболее важные события, детерминированные «социально-политическим, экономическим или культурным развитием общества» [Ларионова 2020: 279]. Такие слова могут рассматриваться «в качестве индикаторов социальных изменений, маркеров меняющейся системы ценностей» [Иссерс 2014: 49] и квалифицироваться как «ключевые слова текущего момента» [Шмелева 2009]. Последнее определение, по мнению Т. В. Шмелевой, предполагает учет текстового, лексического и грамматического аспектов номинантов, что проявляется в высокой частотности таких слов, изменении их синтагматических и парадигматических отношений, расширении метафорических возможностей, вплоть

⁷ URL: <https://clck.ru/3E6Cpn> (дата обращения 15.11.2024).

⁸ URL: <https://clck.ru/3E6DRz> (дата обращения 15.11.2024).

до онимизации, а также в увеличении их деривационного потенциала [Шмелева 2009: 63].

Наш анализ показывает, что существительное *инфохомяк* в 2023 г. проявляло практически все признаки «ключевого слова текущего момента», за исключением, пожалуй, только параметра «высокой частотности». Подтверждением тому служат примеры широкой лексической и грамматической вариативности, т. е. наличие в интернет-коммуникации инноваций типа диминутива «инфохомячок»⁹, отвлеченного существительного «инфохомячество»¹⁰, вступающего в синонимические отношения с глагольными сочетаниями типа «хомячить инфу» и с новообразованием «инфообжорство»¹¹, яркая метафора «синдром инфохомяка»¹² и даже онимизация, проявляющаяся в интернет-продуктивности никнейма «Инфохомяк»¹³.

«Слово года», однако, сигнализирует, как мы отмечали выше, не только об актуальных дискурсивных практиках и тенденциях в сфере словоупотребления, словопроизводства и словотворчества, но и о соответствующих моменту социальных процессах. Важнейшим из таких процессов текущего десятилетия стало внедрение в повседневную практику новых цифровых технологий. Так, в 2023 г., согласно словарю английского языка Collins English Dictionary, словом года для англоязычного мира стала аббревиатура AI, образованная от англ. artificial intelligence — искусственный интеллект, или ИИ¹⁴. С искусственным интеллектом оказался связан и выбор Cambridge Dictionary, который в качестве «слова года» указал глагол hallucinate (галлюцинировать), отметив, что, когда искусственный интеллект *галлюцинирует*, он создает ложную «информацию»¹⁵. В России словом года стала «нейросеть» — обозначение метода искусственного интеллекта по типу машинного обучения¹⁶. Таким образом, независимо друг от друга англо- и русскоязычные лингвокультурные сообщества проявили «чувствительность» практически к одной и той же реалии (искусственному интеллекту) и сфере ее применения (ИТ-технологии). Это был выбор, так сказать, официальный, подкрепленный авторитетом лингвистов-экспертов. Но как выяснилось, «чувствительной»

⁹ URL: <https://clck.ru/3Chnyx> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁰ URL: <https://clck.ru/3Cho8U> (дата обращения 15.11.2024).

¹¹ URL: <https://clck.ru/3ChoGQ> (дата обращения 15.11.2024).

¹² URL: <https://clck.ru/3ChoLt> (дата обращения 15.11.2024).

¹³ См., например, URL: <https://clck.ru/3Df8Kq> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁴ URL: <https://clck.ru/3EQ3hK> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁵ URL: <https://clck.ru/3ENWLZ> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁶ URL: <https://clck.ru/3ENWtN> (дата обращения 15.11.2024).

к этой тематике оказалась и аудитория «вольного интернета». Дело в том, что рассматриваемый нами неофициальный фаворит «народного голо-сования» — существительное *инфохомьяк* — также тесно связан с компьютерной тематикой и сферой искусственного интеллекта. Получивший в 2023 г. на интернет-ресурсах статус неологизма, *инфохомьяк* на самом деле не новообразование. По своему происхождению эта лексема является переводческим окказионализмом С. В. Силаковой, которая в 90-х гг. XX в. одной из первых знакомит отечественного читателя с культурой киберпанка.

3. Инфохомьяк — зоометафора культуры отечественного киберпанка

Киберпанк (англ. *cyberpunk*) считается поджанром научной фантастики, отличающимся ярко выраженной ориентацией на компьютерные технологии и искусственный интеллект. Особенность киберпанка — демонстрация высокотехнологичного, но дегуманизованного общества, в котором мегакорпорации, предлагая человеку всевозможные цифровые импланты, превращают его в эффективный механизм. «Все, что могут сделать в лаборатории с крысой, могут сделать и с человеком. И мы все больше и больше можем сделать с крысой. Об этом страшно думать, но это правда. И она никуда не денется, если закрыть глаза. “Это” и есть киберпанк», — так характеризовал этот поджанр известный фантаст Брюс Стерлинг [Стерлинг 1998].

Сам термин *cyberpunk* в 1983 г. придумал для названия своего рассказа американский писатель и программист Брюс Бетке [Bethke 1983]. Далее он был использован писателем и редактором журнала «Азимов» Гарднером Дозуа для характеристики оформляющегося в начале 80-х годов литературного движения [Encyclopedia of Science Fiction]. Все тексты киберпанка отличает использование компьютерного жаргона, особенностью которого является профессиональная терминология программистов с ярко выраженной разговорной и грубо-фамильярной окраской [Лихолитов 1997: 43]. Более того, киберпанк активно задействует хакерский и геймерский сленг. Так написан и роман Брюса Бетке, опубликованный в 1995 г. под названием *Headcrash* (досл. «Взлом головы»). Его адаптированный перевод на русский язык был сделан в 1999 г. С. В. Силаковой, и русскому читателю он известен как «Интерфейсом об тейбл» [Бетке 1999]. Нужно сказать, что переводческие параллели С. В. Силаковой иногда вызывают вопросы, но более близкий к оригиналу перевод названия и самого романа на русский язык был в то время практически невозможен по ряду

причин. Во-первых, по причине отсутствия в России конца 1990-х гг. компьютерной техники для широкого пользователя, а следовательно — малого знакомства потенциального читателя с реалиями, описываемыми в романе. Во-вторых, по причине отсутствия лексики, способной описать эти реалии: отечественный компьютерный жаргон еще только зарождался, IT-термины были исключительно англицизмами, а о сленге хакеров и геймеров знали только «посвященные».

Наиболее продуктивными переводческими приемами, применявшимися С. В. Силаковой для передачи на русский язык американского хакерского сленга, стали калькирование и смысловая трансформация. Как правило, переводчик использовал кальку или полукальку в том случае, когда в тексте романа встречались хакерские сленгизмы, образуемые путем словосложения. Так поступила С. В. Силакова и при передаче оригинального словосочетания *datahog type*, которое Бетке использовал для определения человека, буквально пожирающего любую информацию.

Datahog, *data hog* или *DataHog* — хакерское выражение, образованное сложением двух существительных — *data* ‘данные, информация’ и *hog* ‘свинья, боров’. *Hog* — это зоометафора, до сих пор бытующая в сленге хакеров. Согласно словарю хакеров (знаменитому *Jargon file*), так называются, во-первых, программы или оборудование, которые потребляют гораздо больше ресурсов, чем для них запланировано, а следовательно, замедляют работу компьютера и заметно ухудшают интерактивный ответ; во-вторых, — люди, действующие аналогичным способом, в частности, те, кто заполняет 90 % общего дискового пространства, оставляя другим пользователям ничтожно малое количество ресурсов¹⁷.

Именно *datahog type* С. В. Силакова перевела как *инфохомяк*, трансформировав при калькировании корень *data* в *инфо*, а корень *hog* — в зооним *хомяк*. Заметим, что для того, чтобы сохранить экспрессивную коннотацию оригинального хакерского сленгизма, которой, несомненно, обладает лексема *hog*, переводчик добавил определение *жадный*.

Для нашего исследования один из главных вопросов заключается в том, почему при переводе слова *datahog* вторая часть сложного слова — существительное *hog* ‘свинья, боров’ — была заменена русским зоонимом *хомяк*. Мы не думаем, что это было сделано *только* в целях эвфемистической замены, хотя и не исключаем, что отчасти эвфемизация здесь присутствует, поскольку *инфосвинья* или *инфоборов* русским читателем, безусловно, были бы прочитаны как оскорбительные окказионализмы. Истинная причина смысловой трансформации, использованной переводчиком,

¹⁷ URL: <https://clck.ru/3ENWPX> (дата обращения 15.11.2024).

на наш взгляд, заключается в другом. Зоокомпонент 'хомяк' актуализирует в сознании носителя русского языка особую метафору, которая создает не факультативную, а обязательную образность. Это свойство когнитивных метафор, во многом уникальных, обусловленных национальным восприятием, которые могут как совпадать в различных культурных контекстах, так и различаться [Гулик, Кузнецова 2013]. Поэтому мы считаем, что произведенная С. В. Силаковой при калькировании смысловая замена имеет еще и лингвокультурные основания. Так, в русском языке у зоометафоры *свинья* акцент ставится на неопрятности, неряшливости, низменных наклонностях и привычках, ср.: «2. Перен. Разг. О грязном, неопрятном человеке, неряхе; 3. Перен. Разг. О человеке, поступающем непорядочно, низко; о человеке неблагодарном» [Галаванова, Сороколетов 1962: 375–376]. А у зоометафоры *хомяк*, которая развивается путем качественно-поведенческого переноса «на основании сходства поведения и реконструируемых черт характера» [Фролова 2005: 143], — на накопительстве, неповоротливости и нерасторопности человека, ср.: «2. Перен. Разг. О неповоротливом, нерасторопном человеке» [Ковтун, Петушков 1965: 376].

Предпочтение в пользу *хомяка* при переводческих трансформациях, мы полагаем, поддерживалось и молодежным жаргонизмом *хомячить*, который обозначал процесс жадного поглощения и уже был достаточно «адаптирован» общим русским жаргоном к концу 1990-х гг., ср.: 'Мол. Шутл. Жадно есть, принимать пищу в большом количестве' [Мокиенко, Никитина 2000: 653], а также «грызунской» тематикой в нарождающемся отечественном компьютерном жаргоне и геймерском сленге. Помимо того, что в нем изначально фиксировался омоним *хомяк* в значении 'Комп. Шутл. Домашняя страничка' (от home page) [Мокиенко, Никитина 2000: 653], многочисленные названия около- и компьютерного оборудования также постепенно развивали метафорическое значение с зоокомпонентом, называющим мелкого грызуна. Эта тенденция прослеживается до сих пор. Мы имеем в виду такие компьютерные жаргонизмы, как «мышь», «мыша», «мышак», «мышка», «мышара», «мышатина», «крыса», «крыс», «крыска», «хвостатая» — для компьютерной мыши; «мышековер», «мышедром», «крысодром» — коврик для мыши; «мышовый бутон» — клавиша мыши; «хвост» — кабель, соединяющий манипулятор типа мышь с компьютером [Воройский 2006: 511–528], ср. также в [Попова 2021].

Представляется, что немаловажную роль в данном случае сыграл и экстралингвистический фактор, который, возможно, мог быть определяющим.

4. Экстралингвистические факторы появления метафоры с зоокомпонентом 'хомяк'

В начале 1990-х гг. выходит ставшая впоследствии легендарной компьютерная игра *Lemmings*, разработанная компанией DMA Design (ныне — Rockstar North)¹⁸. Эта игра отличалась инновационным подходом ко всему: сложными задачами, общим подходом к организации игрового процесса, но самое главное — персонажами, в качестве которых выступали милые хомячки — лемминги. Особенность игры заключалась в том, что сами по себе лемминги не могли сделать ничего, их вел за собой и учил геймер, направляя на выполнение то одного, то другого задания. Без геймера очаровательные хомячки проявляли потрясающую бесшабашность, бесстрашно шагали и иногда падали в пропасть, демонстрируя полное презрение к самоубийственным действиям. Создатели *Lemmings* использовали известную историю, полностью придуманную Уолтом Диснеем, из документального фильма «Белая пустыня» (1958). Одним из его сюжетов была история о бросающихся по собственной воле со скалы в море огромной стае леммингов. «Марш смерти» леммингов, являющийся на самом деле абсолютным мифом, надолго укоренился в сознании среднестатистического американца. Отвага, с которой маленькие хомячки двигались к убийственному краю, и легла в основу поведения игровых леммингов. *Lemmings* имеет сиквелы, эта игра хорошо знакома и современным геймерам. Массовость, неразборчивость, бездумность и абсолютное подчинение авторитету вожака — вот основные характеристики леммингов-хомячков, закрепившиеся в сознании геймеров. И скорее всего, *Lemmings* была одной из первых компьютерных игр, с которой познакомились в России. Работая над переводом романа Б. Бетке и погружаясь в сферу компьютерного хакинга и гейминга, С. В. Силакова, конечно же, не могла не знать о популярной во всем мире игре с бесшабашными персонажами.

Отметим, что образ стаи бездумных леммингов лег в основу двух распространенных в отечественной интернет-коммуникации зоометафор — *сетевые хомячки* и *криптохомяки*. Первая из них используется в современных массмедиа «для обозначения особого типа пользователей, которые при оценке информации опираются на эмоции, а не на факты, бездумно поддерживают раскрученные мнения и отличаются достаточно конфликтным поведением» [Кондратьева 2020: 69]. Второй обозначают «неопытных инвесторов в криптовалюты, которые часто действуют импульсивно и без глубокого понимания рынка»¹⁹. *Криптохомяк* известен еще и по популярной игре-кликере *Hamster Combat*, запущенной в Telegram 26 марта 2024 г.

¹⁸ URL: <https://clck.ru/3ENWnd> (дата обращения 15.11.2024).

¹⁹ Криптохомяки: Кто они и как избежать их ошибок? URL: <https://clck.ru/3DZgjf> (дата обращения 15.11.2024).

5. Заключение

Возникнув когда-то как переводческий окказионализм и, безусловно, известный до сих пор в замкнутой среде геймеров и хакеров именно как «киберпанковское» слово, *инфохомяк* проникает, на наш взгляд, в современную речевую практику простого юзера еще и потому, что довольно продуктивной в последние годы становится словообразовательная модель «инфо» + имя существительное, ср.: *инфоцыгане*, *инфопродукт*, *инфомусор*, *инфобизнес(мен)*, *инфоповод*, *инфовброс*, *инфомания* и др. [Кузнецова 2021: 255]. Неудивительно, что *инфохомяк* часто встречается в одном контексте с подобными словами: «*Ну или будь таким как все, с тоннами сохраненного инфомусора, как инфохомяк копи запасы*»²⁰; *Инфоцыган не переведется пока есть инфохомяк*²¹.

Отвечая в заключение на вопрос, является ли *инфохомяк* неологизмом, можно сказать, что данная лексема, появившаяся как переводческий окказионализм в результате разовой реализации, в настоящее время обнаруживает приращение значения под влиянием современных социокультурных процессов, в связи с чем отчасти может быть квалифицирована как неолексема. Однако нужно иметь в виду, что это неолексема неузальная, поскольку сфера ее функционирования ограничена, востребованность зависит от прагматических запросов узкого круга носителей языка, а «жизненный цикл» определяется временной актуальностью, идущей сейчас на спад. Скорее всего, таковой она и останется. В любом случае о перспективах ее включения в современные толковые словари новых слов следует говорить с осторожностью.

Литература

- Бетке Б. Интерфейсом об тейбл: Роман / Пер. с англ. С. В. Силаковой. М.: ООО «Фирма "Издательство АСТ"», 1999. 448 с.
- Воройский Ф. С. Информатика. Энциклопедический систематизированный словарь-справочник: введение в современные информационные и телекоммуникационные технологии в терминах и фактах. М.: Физматлит, 2006. 945 с.
- Галаванова Г. А., Сороколетов Ф. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Т. 13: С – Сняться. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 1516 стб.

²⁰ URL: <https://clck.ru/3E6rsy> (дата обращения 15.11.2024).

²¹ URL: <https://clck.ru/3E6s23> (дата обращения 15.11.2024).

- Гулик О. О., Кузнецова Н. В. Когнитивная метафора с зоокомпонентом // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (2). С. 344–347.
- Иссерс О. С. В поисках общего словаря: дискурсивные практики новейшего времени через призму проектов «Слово года» // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 48–53.
- Ковтун Л. С., Петушков В. П. (ред.). Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. / Акад. наук СССР. Ин-т рус. яз. Т. 17: X–Я. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 2126 стб.
- Кондратьева О. Н. Типология пользователей социальных сетей в метафорическом зеркале российских массмедиа // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 62–72.
- Кузнецова Н. Н. О видах работы с неологизмами в курсе современного русского литературного языка в вузе // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 4 (89). С. 254–257.
- Ларионова М. В. Слово года как современный языковой феномен: сравнительный анализ лингвистического своеобразия (на материале русского, испанского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 6. С. 278–284.
- Лихолитов П. В. Компьютерный жаргон // Русская речь. 1997. № 3. С. 43–49.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона: 25 000 слов, 7000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2000. 717 с.
- Орлова О. С. Эвфемизация как речевая стратегия сдерживания эмоций (на материале английских и русских эвфемизмов на темы смерти и рождения) // Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков. Коллективная монография / Отв. ред. Е. Р. Иоанесян. М.: Институт языкознания РАН, 2020. С. 195–212.
- Попова А. Р. Словарь компьютерно-геймерского жаргона (лексическое и фразеологическое представление реалий, связанных с компьютерными технологиями). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 618 с.
- Стерлинг Б. Киберпанк в 90-е // Искусство кино. 1998. № 10 (октябрь). [Электронный ресурс]. URL: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/10/n10-article19> (дата обращения: 3.11.2024).
- Фролова О. Е. Переносные значения названий животных в толковых словарях (антропоцентрический аспект) // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10). С. 137–158.
- Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 28. С. 63–67.
- Bruce Bethke. Cyberpunk // *Amazing Science Fiction Stories*. 1983. Vol. 57 (Whole Number 513). November. P. 94–109.
- Encyclopedia of Science Fiction: Cyberpunk [Электронный ресурс]. URL: <https://sf-encyclopedia.com/entry/cyberpunk> (дата обращения: 3.11.2024).
- The Jargon File: Glossary. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.catb.org/jargon/html/go01.html> (дата обращения: 3.11.2024).

References

- Bethke B. Cyberpunk. *Amazing Science Fiction Stories*, 1983, vol. 57 (Whole Number 513), November, pp. 94–109. (In Eng.)
- Bethke B. *Headcrash*. New York, Warner Books, 1994. 344 p. (Russ. ed.: Betke B. *Interfeisom ob teibl: Roman* / Per. s angl. S. V. Silakovoi. Moscow, AST Publ., 1999. 448 p.)
- Encyclopedia of Science Fiction: Cyberpunk. Available at: <https://sf-encyclopedia.com/entry/cyberpunk> (accessed 3.11.2024).
- Frolova O. E. [Figurative meanings of animal names in explanatory dictionaries (anthropocentric aspect)]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2005, no. 2 (10), pp. 137–158. (In Russ.)
- Galavanova G. A., Sorokoletov F. P. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols.]. Vol. 13. Moscow, St. Petersburg, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1962. 1516 clmn.
- Gulik O. O., Kuznetsova N. V. [Cognitive metaphor with a zoocomponent]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2013, no. 4, pp. 344–347. (In Russ.)
- Issers O. S. [In search of a common dictionary: discursive practices of modern times through the prism of the Word of the Year projects]. *Politicheskaya lingvistika*, 2014, no. 4, pp. 48–53. (In Russ.)
- Kondrat'eva O. N. [Typology of social network users in the metaphorical mirror of the Russian media]. *Filologicheskii klass*, 2020, vol. 25, no. 1, pp. 62–72. (In Russ.)
- Kovtun L. S., Petushkov V. P. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language: in 17 vols.]. Vol. 17. Moscow, St. Petersburg, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1965. 2126 clmn.
- Kuznetsova N. N. [About types of work with neologisms in the course of Modern Russian Literary Language at a university]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2021, no. 4 (89), pp. 254–257. (In Russ.)
- Larionova M. V. [Word of the Year as Modern Linguistic Phenomenon: Comparative Analysis of Linguistic Singularity (by the Material of the Russian, Spanish and English Languages)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2020, no. 6, pp. 278–284. (In Russ.)
- Likholitov P. V. [Computer jargon]. *Russkaya rech'*, 1997, no. 3, pp. 43–49. (In Russ.)
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkogo zhargona: 25 000 slov, 7000 ustoiichivyykh sochetanii* [Big Dictionary of the Russian Slang]. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 717 p.
- Orlova O. S. [Euphemization as a speech strategy for containing emotions (based on English and Russian euphemisms on the themes of death and birth)]. *Predstavlenie ehmotSIONal'noi sfery cheloveka na materiale raznykh yazykov* [Representation of the emotional sphere of a person on the material of different languages]. Chief ed. E. R. Ioannesyan. Moscow, Institute of Linguistics RAS Publ., 2020, pp. 195–212. (In Russ.)

- Popova A. R. *Slovar' komp'yuterno-geimerskogo zhargona (leksicheskoe i frazeologicheskoe predstavlenie realii, svyazannykh s komp'yuternymi tekhnologiyami)* [Dictionary of computer-geographic jargon (lexical and phraseological representation of realities associated with computer technologies)]. Moscow, St. Petersburg, Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2021. 618 p.
- Shmeleva T. V. [Krizis (crisis) as the key word of the present moment]. *Politicheskaya lingvistika*, 2009, no. 28, pp. 63–67. (In Russ.)
- Sterling Bryus. [Cyberpunk in the 90s]. *Iskusstvo kino*, 1998, no. 10 (oktyabr). Available at: <https://old.kinoart.ru/archive/1998/10/n10-article19> (accessed 3.11.2024).
- The Jargon File: Glossary. Available at: <https://www.catb.org/jargon/html/go01.html> (accessed 3.11.2024).
- Voroiskii F. S. *Informatika. Ehntsiklopedicheskii sistematizirovannyi slovar'-spravochnik: vvedenie v sovremennye informatsionnye i telekommunikatsionnye tekhnologii v terminakh i faktakh* [Computer science. Encyclopedic systematized Dictionary-Reference: Introduction to modern information and telecommunication technologies in terms and facts]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2006. 945 p.

К истории фразеологизма *хоть (матушку) репку пой*

Любовь Леонидовна Крючкова, Благовещенский государственный педагогический университет (Россия, Благовещенск), llkr@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040074

АННОТАЦИЯ: В статье описана история фразеологизма *хоть (матушку) репку пой*, до сих пор не нашедшая удовлетворительного объяснения. Привлечение диалектных, этнолингвистических и некоторых других словарей дало возможность восстановить картину мира, в которой отражено национально-культурное и историческое сознание русского народа. Фразеологизм *хоть (матушку) репку пой* заключает в себе особый культурный смысл, связанный с аграрными праздниками, обязательной частью которых является обряд. Один из них — пожелание урожая на Масленицу и на некоторые другие славянские праздники, когда действия сопровождалась пением обрядовых песен, в магическую силу которых верил русский народ. Позднее выражение стало употребляться в переносном значении ‘о тяжелом, безвыходном положении’. Существовала также традиция исполнения масленичных танцев и танцев «на урожай», сопровождаемых песнями эротического содержания, усиливающими продуцирующую функцию танца, поэтому в русском фольклоре существовали и непристойные песни, которым не было чуждо сквернословие. Отсюда и другое значение фразеологизма *хоть (матушку) репку пой* — ‘как ни делай, как ни проси — не поможет’, которое В. И. Даль связывал с непристойной песней о репке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этимология, фразеологизм, пословица, диалектный словарь, этнолингвистический словарь, обычай, обряд, стилистические пометы, *хоть (матушку) репку пой*

для цитирования: Крючкова Л. Л. К истории фразеологизма *хоть (матушку) ренку ной* // Русская речь. 2025. № 4. С. 89–99. DOI: 10.31857/S0131611725040074.

From the History of the Russian Language

To the History of a Phraseme *Sing (Mother) Turnip*

Lyubov L. Kryuchkova, Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk, Russia),
llkr@mail.ru

ABSTRACT: The article describes the history of a phraseme, *Sing (Mother) Turnip*, which has not yet found a satisfactory solution. The use of dialectal, ethno-linguistic and some other words made it possible to reconstruct the folk picture of the world, which reflects the national-cultural and historical consciousness of the Russian people. The phraseological unit *Sing (Mother) Turnip* contains a special cultural meaning associated with agrarian holidays, an indispensable obligatory part of which is a ritual. One of them is the wish for a harvest on Maslenitsa and some other Slavic holidays, when actions were accompanied by the singing of ritual songs, in the magical power of which the Russian people believed. This expression was used as a figurative expression “about a difficult, hopeless situation”. There was also a tradition of performing Maslenitsa dances and harvest calling dances, accompanied by songs of erotic content, which strengthened the productive function of a dance. Some of those folklore songs contained obscene language. So, we can see the other meaning of the phraseological unit *Sing (Mother) Turnip* — ‘no matter what you do, no matter what you ask — it won’t help’, which V. I. Dahl associated with an obscene song about a turnip.

KEYWORDS: etymology, phraseology, proverb, dialect dictionary, ethnolinguistic dictionary, custom, ritual, stylistic marks, *sing (mother) turnip*

FOR CITATION: Kryuchkova L. L. To the History of a Phraseme *Sing (Mother) Turnip*. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 89–99. DOI: 10.31857/S0131611725040074.

В художественной литературе встречается фразеологизм *хоть (матушку) репку пой*:

— Что это за союз? Им ведь ничего, а те будут репку петь. О подлецы, подлецы неопишутые!.. (Н. С. Лесков. В Москве).

— Я его так влопаю, что ему с его средствами никак не расхлебать. Такую матушку репку запоют, что мне же в ноги поклонятся (А. Ф. Писемский. Тысяча душ).

— Есть коровенка — живешь, нету коровенки — хоть матушку репку пой (В. И. Белов. Привычное дело).

— Вот беда-то еще навалилась — хоть матушку-репку пой (В. М. Шукшин. Странные люди).

— Как же теперь?

— Не знаю. Хоть матушку репку пой (В. М. Шукшин. Любавины).

— Такая, Егор, наша житуха, — напрашиваясь на сочувственный разговор, вздохнул Семен, — хоть репку пой... — махнул он рукой.

— На шармачка, известно, не проживешь... — замечает Трубников.

— А как же еще прикажешь?

— Колхоз надо подымать! (Ю. Нагибин. Трудный путь).

Благодаря художественной литературе фразеологизм стал известен в русском литературном языке в значении ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’; ‘об отчаянии, о безвыходной ситуации’ [Федоров 1997: 112; Елистратов 2001: 362]. Известно и другое значение фразеологизма: ‘как ни делай, как ни проси — не поможет’ [Бирих 2007: 421].

Совершенно очевидно, что сфера употребления выражения *хоть (матушку) репку пой* — народная среда. Какова же причина его появления? Следует заметить, что еще С. В. Максимов и другие этнографы фразеологизм в значении ‘как ни делай, как ни проси — не поможет’ объясняли сходством репы с пыточным инструментом: «Репкой называли особые клещи, применяемые при пытках. Их верхняя часть была похожа на репу. Клещами сжимали ногти человека до тех пор, пока он не начинал говорить». Другая гипотеза, записанная В. И. Далем [Даль 2005: 122] и впоследствии повторенная И. М. Михельсоном, связывалась с непристойной песней: *Хоть ты матушку репку пой* (иноск.) что ни делай, как ты ни проси — не поможет (непристойная песнь) [Михельсон 1997: 476].

Выражение *Хоть матушку-репку пой (кричи)* имеется в «Большом словаре русских поговорок» в значении ‘о сложной, безвыходной ситуации, о состоянии отчаяния’, где еще раз подтверждается гипотеза, связанная с непристойной песней, а слово *матушка* — с эвфемистически обыгранным матерным словом [Мокиенко 2007: 388].

Довольно неожиданная гипотеза о происхождении выражения *хоть (матушку) репку пой* выдвинута Т. Н. Бунчук, в поисках первоисточника обратившейся к «феномену первоначальной культуры» (В. П. Аникин) — обрядам, в которых фигурирует образ репы: «Обряд — явление многогранное, реализующее себя средствами различных кодов», несущих особые культурные смыслы: «Образ репы обнаруживается в свадебных и игровых песнях (“Посеял дед репку”, “Сваха-репка, сваха-репка, повивай крепко”), сказках (“Репка”, “Вершки и корешки”, “Лиса-плачя” и т. д.), в заговорах (например, заговор на завязывание пупка новорожденного); репа была основой ритуальных (свадебных) блюд; известна игра “Репка”, в основе которой лежало составление круга из играющих и т. д.» [Бунчук 2008: 52].

Историю происхождения фразеологизма Т. Н. Бунчук связывает со сказкой «Репка», представляющей собой серию повторяющихся сегментов, характерных для кумулятивной сказки. «Процесс исполнения сказки мог называться *читать* или *петь*, что должно было указывать на специфику произносимого текста — это текст сакральный <...> и потому требует особого произношения». По мнению автора, «семантика и внутренняя форма фразеологизма *хоть (матушку) репку пой / матушку репку петь (запеть)* аккумулирует все особенности текста кумулятивной сказки: коммуникативная ситуация — ситуация крайней степени напряжения физических и психических сил человека (*хоть*); прагматика — преодолеть сложившуюся ситуацию посредством текста с упоминанием репы (*петь Репку*); характер воспроизведения текста — речь, отличающаяся от бытовой речи (*петь*). Есть основания предполагать, что существовал сакральный текст, в котором фигурировала репа и который произносился или пелся в случаях предельного напряжения. Конструкция *петь репку*, закрепившаяся в структуре фразеологической единицы, явно отражает метонимическое образование слова *репка* как заглавие какого-то текста. Им, скорее всего, был текст известной сказки» [Бунчук 2008: 54]. Гипотеза о происхождении выражения *хоть матушку репку пой*, предложенная Т. Н. Бунчук, требует более пристального рассмотрения.

Репа имела огромное значение в материальной культуре русского народа: была одним из важнейших продуктов питания и до появления

картофеля в XVIII веке, и после. Хорошо известен эпизод из поэмы Н. А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо?»:

Пришла старуха старая...
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.

Репу жарили, парили, из нее варили супы и каши, пекли пироги с начинкой из репы, делали репной квас. Репа была основным постным блюдом, «заменой» мяса [Прохоров (ред.) 2007: 469; Толстой (ред.) 1999: 424]. В народном календаре даже отмечается праздник Матрена-полурепица, названный в честь мученицы Матрены Солунской. Он выпадает на 27 марта по старому стилю, на 9 апреля по новому стилю. В этот день отбирают репу на семена [Березович (ред.) 2015: 260]. В народе Матрену называют полурепницей, оттого «что поселяне отбирают годные репы для семян, что и составляет у них отдельную, неприкосновенную половину» [Некрылова 1989: 146].

Издrevле у русского народа, жившего хлебопашеством, заботой об урожае, «вера была сельскохозяйственной, и на этой основе выросли верования и обычаи. От поколения к поколению народная традиция, сохранившаяся в деревнях и селах, сохраняет до наших дней отголоски старины, передает обрядные формы, речения и песни из уст в уста» [Шереметьева 1929: 240].

Жизненный опыт крестьянина подсказывал, что урожайный год не всегда зависел от крестьянского трудолюбия, поэтому в праздники, которые по значению были земледельческими [Пропп 1995], совершались обрядовые действия, органически соединенные с пением обрядовых песен, колядок, закличек и т. п. Древнерусский человек верил в магическую силу движений (танцев, хоровода, катания на запряженных в сани лошадях или на салазках с гор, качания на качелях, игр, вождения обрядовой процессии) и пения, в традиционной народной культуре воспринимаемого «не только как форма досуга, а как определенное действие, обладающее огромной силой — и созидательной, и разрушительной — в зависимости от того, на что оно было направлено, производилось ли с соблюдением правил и т. п. Сила и энергия поющего голоса были действенным инструментом славянской магии» [Агапкина 2000: 32]. Вот почему на Масленицу и на некоторые другие славянские праздники обычно пели: «За лен, за лен, за репу, за сочную капусту», «За лен, за лен, за длинный лен,

... за большую репу, за сочную капусту» или: «Ради толстой репы и хорошей пряжи» [Толстой (ред.) 2009: 425–426], «На сладкую репку, на горькую редьку, на длинный лен» [Агапкина 2002: 174]. Возможно, были и другие тексты, но со временем они забылись [Аникин 2004: 63; Пропп 1995: 46].

Но были годы и неурожайные, когда крестьянин оказывался в таком безвыходном положении, что хоть репку пой. Так со временем появилось переносное значение фразеологизма ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’; ‘об отчаянии, о безвыходной ситуации’.

Этнографические сведения дают основание вслед за Т. Н. Бунчук утверждать, что выражение *хоть (матушку) репку пой* связано с обрядами. Но внутренняя форма выражения, включающая глагол *петь*, связана, по нашему мнению, не со сказкой, которую сказывали (отсюда термин *сказка*), а с обрядовыми песнями разных жанров.

Многогранность образа репы проявляется и в том, что она наделялась эротической символикой благодаря форме и сладкому вкусу [Толстой (ред.) 2009: 425–426]. Не случайно она использовалась в формуле отказа в сватовстве: «В Архангельской области в сани получивших отказ сватов бросали репу, в Поволжье — редьку» [Березович 2007: 256–257]. Сохранились сведения о том, что некоторые обряды, связанные с масленичными танцами и танцами «на урожай», сопровождалась исполнением песен эротического содержания, усиливающих продуцирующую функцию танца» [Агапкина 2002: 172]. Нетрудно предположить, что в русском фольклоре существовали и непристойные песни, которым не было чуждо сквернословие. В одной из них («Посею я репку, / Ни часту, ни редку...») рассказывается о половой связи зятя с тещей [Афанасьев 1997: 525]. Отсюда и другое значение фразеологизма *хоть (матушку) репку пой* — ‘как ни делай, как ни проси — не поможет’; ‘о решительном отказе назойливому просителю’.

В выражении может употребляться, а может опускаться слово *матушка*. В русских народных говорах оно имеет несколько значений: 1) свекровь (чаще всего при обращении), 2) теща, 3) крестная мать, 4) ласковое обращение к женщине, девушке, 5) фольк. матка, самка, имеющая детенышей, 6) фольк. о том, что является важным, значительным, выделяющимся среди другого с иллюстрацией к последнему значению: *Вставайте вы, матушки, три тоски тоскущие* (заклинания); *Как шла матушка она* [туча грозная], *как стена* [Филин (ред.) 1982: 39]. Вот это последнее значение слова *матушка* отражает отношение к репе как одному из ценных продуктов для русского народа.

Но В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина предполагают, что слово *матушка* — эвфемистически обыгранный мат. Действительно, в народе говорили *Из матушки в матушку (ругаться, браниться и т. п.)* ‘грубо, матерно (ругаться)’ (*Жених сидит, беду страшную обворачивает, ругается из матушки в матушку*) [Сороколетов (гл. ред.) 2001: 39]. В псковских говорах сохранилось выражение, применимое к фразеологизму *запеть матку-репку*, то есть ‘начать браниться, ругаться’: *Патом как припущит дош — запаёи матку репку. Брань такая* [Тарасова (ред.) 1996: 33]. Сюда же — ‘как ни делай, как ни проси — не поможет’; ‘о решительном отказе назойливому просителю’.

Многогранность образа репы проявилась в том, что, являясь частью обрядовых действий, она фигурировала как в сакральных текстах, так и в непристойных песнях, что обнаруживается в значениях выражения отчаяния, бессилия и брани одновременно: *хоть (матушку) репку пой*. Это выражение в значении ‘о тяжелом, безвыходном положении’ оказалось синонимичным фразеологизмам *хоть волком вой*; *хоть караул кричи*; *хоть [криком] кричи*; *хоть плачь*; *хоть в петлю лезь (полезай)*; *хоть пулю в лоб*; *хоть в омут (в прорубь) головой*; *хоть на стенку лезь*; *хоть головой [об стену (об стенку)] бейся*; *хоть об камень головой*; *хоть в пень головой*; *хоть умри*; *хоть убейся*; *хоть сдохни*; *хоть в гроб ложись*; *хоть ложись да помирай*; *хоть живым в могилу зарывайся (лезь и закапывайся)*.

Совершенно очевидно, что никакого отношения к этим значениям не имеет название репки — особых клещей, применяемых при пытках (здесь метафорический перенос по форме предмета).

Наконец, следует сказать о стилистических пометах. Если обратиться к словарям, то можно отметить отсутствие единства в стилистической характеристике фразеологизма. А. И. Федоров считает его просторечным, В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина — устаревшим разговорным. Его нет в словарях современного русского литературного языка, а значит, оно находится за его пределами. Дialeктные словари показывают довольно широкую географию распространения фразеологизма: в говорах Русского Севера (вологодских, карельских), русских говорах Республики Коми, в сибирских и в псковских говорах [Сороколетов (гл. ред.) 1991: 337; Сороколетов (гл. ред.) 2001: 66; Тарасова (ред.) 2006: 53], что дает основание считать его диалектным. Не случайно он употребляется в произведениях русских писателей, характеризующих народную среду.

Итак, фразеологизм *хоть (матушку) репку пой* оказался трудным для этимологов. Обращение к этнолингвистическим словарям, этнографическим исследованиям позволяет рассмотреть гипотезу происхождения выражения, связанного с обрядами, сопровождавшимися пением обрядовых песен разных жанров на Масленицу и на некоторые другие славянские

праздники с пожеланием урожая. Отсюда появилось выражение *петь (матушку) репку*, которое со временем стало употребляться в переносном значении ‘выражение отчаяния, бессилия, невозможности что-либо предпринять, чтобы выйти из затруднительного, тяжелого или безвыходного положения’.

Исполнение обрядов, по свидетельству этнографов, сопровождалось также исполнением масленичных танцев и песен эротического содержания «на урожай», которым не было чуждо сквернословие, поэтому подтверждается гипотеза В. И. Даля о связи значения ‘что ни делай, как ни проси — не поможет’; ‘о решительном отказе назойливому просителю’ с непристойной песней о репке.

В стилистической характеристике фразеологизма нет единства. Так как он употребляется, судя по произведениям русских писателей, в народной среде, отмечен многими диалектными словарями, показывающими довольно широкую географию его распространения, имеются основания считать его диалектным.

Источник

Шереметьева М. Н. Хлеб и обрядовое печенье в бывшем Перемышльском уезде Калужской губернии // Оттиск «Известия Государственного Русского Географического Общества». 1929. Вып. 2. С. 215–244.

Литература

- Агапкина Т. А.* Этнографические связи календарных песен. Встреча весны в обрядах и фольклоре восточных славян. М.: ИНДРИК, 2000. 336 с.
- Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М.: ИНДРИК, 2002. 816 с.
- Аникин В. П.* Русское устное народное творчество: Учеб. для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2004. 735 с.
- Атрошенко О. В., Кривошапова Ю. А., Осипова К. В.* Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / Науч. ред. Е. Л. Березович. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. 544 с.
- Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857–1862. Издание подготовили О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, А. В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997. 736 с.
- Березович Е. Л.* Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007. 600 с.

- Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Около 6000 фразеологизмов. 4-е изд. / Бирих А. К., Мокиненко В. М., Степанова Л. И. М.: АСТ АСТРЕЛЬ, 2007. 926 с.
- Бунчук Т. Н. Хоть (матушку) репку пой: к культурно-этимологической интерпретации фразеологизма // Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и методический аспекты). Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д. ф. н., профессора А. М. Мелерович (Кострома, 20–22 марта 2008 г.). М.: ООО «Изд-во «Элпис», 2008. С. 51–55.
- Елистратов В. С. Словарь языка Василия Шукшина. М.: Азбуковник, Русские словари, 2001. 432 с.
- Ивашко Л. А., Поцепня Д. М., Тарасова М. А. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 12. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 336 с.
- Ивашко Л. А., Лутовинова И. С., Тарасова М. А. (ред.). Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 18. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2006. 420 с.
- Некрылова А. Ф. Круглый год. Русский земледельческий календарь. М.: Правда, 1989. 496 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сб. образных слов и иносказаний: В 2 т. Т. 2. М.: Терра, 1997. 832 с.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007. 784 с.
- Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра – Азбука, 1995. 176 с.
- Прохоров Ю. Е. (ред.). Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. М.: АСТ-Пресс, 2009. 725 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 26 (Первее – печетник). Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1991. 350 с.; Вып. 35 (Реветь – рящик). Л.: Наука; Ленинградское отделение, 2001. 360 с.
- Толстой Н. И. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 4. П (Переправа через воду) – С (Сито) / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Международные отношения, 1999. 649 с.
- Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. В 2 т. Т. 2. Н–Я. М.: Цитадель, 1997. 396 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 18 (Масленичек – Мустарсливый). Л.: Наука; Ленинградское отделение, 1982. 367 с.

References

- Afanas'yev A. N. *Narodnye russkie skazki ne dlya pechaty, zavetnye poslovitsy i pogovorki, sobrannye i obrabotannye A. N. Afanas'evym. 1857–1862* [Russian folk tales are not for publication, cherished proverbs and sayings were collected and processed by A. N. Afanas'yev.

- 1857–1862]. The publication was prepared by O. B. Alekseeva, V. I. Eremina, E. A. Kostyukhin, A. V. Bessmertnykh. Moscow, Ladomir Publ., 1997. 736 p.
- Agapkina T. A. *Etnograficheskie svyazi kalendarnykh pesen. Vstrecha vesny v obryadakh i folklore vostochnykh slavyan* [Ethnographic connections of calendar songs. Welcoming spring in the rites and folklore of the Eastern Slavs]. Moscow, INDRIK Publ., 2000. 336 p.
- Agapkina T. A. *Mifopoeticheskie osnovy slavyanskogo narodnogo kalendarya. Vesenne-letnii tsikl* [Mythopoetic foundations of the Slavic folk calendar. Spring-summer cycle]. Moscow, INDRIK Publ., 2002. 816 p.
- Anikin V. P. *Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo: Ucheb. dlya vuzov. 2-e izd., ispr. i dop.* [Russian oral folklore: Textbook for universities. 2nd ed., corrected and add.]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 2004. 735 p.
- Atroshenko O. V., Krivoshchapova Yu. A., Osipova K. V. *Russkii narodnyi kalendar'. Ehtnolingvистический словарь* [Russian national calendar. Ethnolinguistic dictionary]. Ed. by E. L. Berezovich. Moscow, AST-PRESS BOOK Publ., 2015. 544 p.
- Berezovich E. L. *Yazyk i traditsionnaya kul'tura. Etnolingvистические issledovaniya* [Language and traditional culture. Ethnolinguistic studies]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 600 p.
- Birikh A. K. *Russkaya frazeologiya. Istoriko-ehimologический словарь. Okolo 6000 frazeologizmov* [Russian phraseology. Historical and etymological dictionary. About 6000 phraseological units]. 4th ed. Birikh A. K., Mokinenko V. M., Stepanova L. I. Moscow, AST ASTREL Publ., 2007. 926 p.
- Bunchuk T. N. [Sing (mother) turnip: towards a cultural and etymological interpretation of phraseologism]. *Frazeologizm i slovo v natsional'no-kul'turnom diskurse (lingvистический i metodический aspekty). Mezhdunarodnaya nauchno-praktическая konferentsiya, posvyashchennaya yubileyu d. f. n., professora A. M. Melerovich (Kostroma, 20–22 marta 2008 g.)* [Phraseologism and the word in national cultural discourse (linguistic and methodological aspects). International scientific and practical conference dedicated to the anniversary of Ph.D., Professor A. M. Melerovich (Kostroma, March 20–22, 2008)]. Moscow, Elpis Publ., 2008, pp. 51–55. (In Russ.)
- Elistratov V. S. *Slovar' yazyka Vasiliya Shukshina* [Dictionary of the language of Vasily Shukshin]. Moscow, Azbukovnik Publ., Russkie Slovarei Publ., 2001. 432 p.
- Fedorov A. I. *Frazeologический словарь russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language. In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Tsitadel' Publ., 1997. 396 p.
- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 18. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 367 p.
- Ivashko L. A., Potsepnyia D. M., Tarasova M. A. (eds.). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istorическими dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Iss. 12. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg Univ., 1996. 336 p.
- Ivashko L. A., Lutovinova I. S., Tarasova M. A. (eds.). *Pskovskii oblastnoi slovar' s istorическими dannymi* [Pskov regional dictionary with historical data]. Iss. 18. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg Univ., 2006. 420 p.

- Mikhelson M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe: Opyt russkoi frazeologii. Sb. obraznykh slov i inoskazanii: V 2 t.* [Russian thought and speech. Own and others': The experience of Russian phraseology. Collection of figurative words and parables: In 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, Terra Publ., 1997. 832 p.
- Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The Great Dictionary of Russian sayings]. Moscow, OLMA Media Group Publ., 2007. 784 p.
- Nekrylova A. F. *Kruglyi god. Russkii zemledel'cheskii kalendar'* [All year round. Russian agricultural calendar]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 496 p.
- Prokhorov Yu. E. (ed.). *Rossiya. Bol'shoi lingvostranovedcheskii slovar': 2000 realii istorii, kul'tury, prirody, byta i dr.* [Russia. The Great Linguistic and Cultural Dictionary: 2000 realities of history, culture, nature, everyday life, etc.]. Moscow, AST-Press Publ., 2009. 725 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 26. Leningrad, Nauka Publ., 1991. 350 p.; Iss. 35. Leningrad, Nauka Publ., 2001. 360 p.
- Tolstoi N. I. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.]. Vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye Otnosheniya Publ., 1999. 649 p.

Идеологема *почва* и ее истоки (на материале публицистики И. С. Аксакова)

Ольга Олеговна Секиро, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, Санкт-Петербург),
olgasekiro@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040087

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются особенности авторского осмысления идеологемы *почва* в публицистике И. С. Аксакова. Большой удельный вес публицистики в русском литературном языке XIX века, зависимость семантики слова-идеологемы в текстах данного стиля от позиции автора обуславливают необходимость обращения к текстам представителей различных направлений при исследовании истории слова. Произведения славянофилов, представителей одного из основных направлений в общественно-политической жизни пореформенной России, остаются в лингвистическом отношении малоизученными. Исследование проводится на материале текстов И. С. Аксакова, поскольку данный автор сформировал цельную общественно-политическую позицию, ставшую частью контекста публичной полемики в пореформенной России, на основе теоретических взглядов старших славянофилов. Анализ примеров употребления слова-идеологемы *почва* в произведениях И. С. Аксакова показывает, что она приобретает значение 'основание, самая глубокая точка, с опорой на которую осуществляется закономерное развитие'. В контекстуальном окружении слова, включающем иную лексику, репрезентирующую политическую метафору «земля-почва», актуализируются духовно-религиозные и общественно-политические компоненты семантики, происходит частичная деметафоризация. Семантическая специфика слова в публицистике И. С. Аксакова является

следствием как семантических импульсов со стороны немецкого слова *Boden*, так и смыслового взаимодействия лексики в контекстах, на объединение которой влияет рецепция славянофилами немецкой философской традиции. Проведенный анализ, таким образом, позволяет дополнить семантическую историю слова *почва* в XIX столетии, предложенную В. В. Виноградовым, указав на недостаточность влияния на нее французского слова *terrain*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык XIX века, публицистика XIX века, историческая лексикология, политическая метафора, идеологема, славянофильство

для цитирования: Секиро О. О. Идеологема *почва* и ее истоки (на материале публицистики И. С. Аксакова) // Русская речь. 2025. № 4. С. 100–114. DOI: 10.31857/S0131611725040087.

The Language of Fiction

Ideologeme *Pochva* ('Soil') and Its Origin (On the Material of Ivan S. Aksakov's Journalism)

Olga O. Sekiro, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg), olgasekiro@yandex.ru

ABSTRACT: Current article considers specific features of author's comprehension of the ideologeme *pochva* ('soil') in Ivan S. Aksakov's journalism. Journalistic texts constituted the majority in the Russian standard language of the 19th century; ideologemes' semantics was determined with author's point of view in texts of that type. Thus, in case of words' history in 19th century consideration the analysis of works belonged to different social-political direction is required. One is the main direction of the 19th-century public discussion was Slavophilism. Slavophiles' works have not been researched thoroughly by linguists. The research is held on the material

of Ivan S. Aksakov's journalistic texts, because this author has designed a particular social-political conception on the base of senior slavophiles' theoretical views as a part of the public discussion's context. The analysis of the ideologeme's *pochva* usage in Aksakov's texts shows the meaning 'the deepest point, the consistent development is based on'. The contextual environment of the word we consider includes vocabulary the political metaphor «ground-soil» is represented with. It actualizes religious and social-political components of meaning simultaneously, and elements of the direct meaning. The semantic specific of the word *pochva* in Ivan S. Aksakov's journalism has been caused by influence of the word *Boden* and contextual semantic interaction of words. Words' organization in contexts is influenced by slavophiles' perception of the German philosophy tradition. In this way the research can complement the word's *pochva* semantic history in 19th century brought forward by Viktor V. Vinogradov, and denote the word's *terrain* influence's lack in it.

KEYWORDS: 19th century Russian language, 19th century journalism, historical lexicology, political metaphor, ideologeme, Slavophilism

FOR CITATION: Sekiro O. O. Ideologeme *Pochva* ('Soil') and Its Origin (On the Material of Ivan S. Aksakov's Journalism). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2025. No. 4. Pp. 100–114. DOI: 10.31857/S0131611725040087.

Наибольший удельный вес в русском литературном языке второй половины XIX в. имели тексты публицистического стиля [Бельчиков 1974: 12]. Важной особенностью употребления слова в публицистике является приобретение им черт идеологемы. Для идеологемы характерно размывание предметных значений слова, актуализация оценочных, эмоционально-экспрессивных компонентов семантики идеологического плана, не имеющих опоры в непосредственном содержании слова [Купина 2005: 91; Радбиль 1998: 22]. Коннотативный компонент значения, связанный с идеологической оценкой, становится определяющим фактором формирования семантики.

Одним из наиболее употребительных слов-идеологем в публицистике второй половины XIX в. стало слово *почва*. Согласно данным словарей, в XIX столетии оно имело как терминологическую семантику, обслуживающую различные сферы (геологию, агротехнику и др.), так и метафорическое значение 'основы, опоры'. Эти значения *почва* сохраняет

и в современном русском языке: они фиксируются как в семнадцатитомном «Словаре русского литературного языка», имеющем концепцию «от Пушкина до наших дней» [Тимофеев, Меделец (ред.) 1960: 1704–1705], так и в иных, более поздних словарях [Евгеньева (ред.) 1999в: 342].

Идеологема является языковым выражением политической метафоры, которая представляет собой «одно из наиболее сильных средств представления политических концепций и воздействия на политическое сознание общества» [Чудинов 2006: 122]. По наблюдениям исследователей, русский литературный язык XIX в. формировался из текстов различных общественно-политических направлений [Бельчиков: 1974: 15], широко использовавших политические метафоры. Начиная с пушкинской эпохи, лексика объединялась в контексте по смысловому принципу на основе точки зрения автора [Виноградов 1982: 294], а значит, политические метафоры в текстах представителей разных направлений могли выражаться различной лексикой.

Описание истории слов-идеологем в XIX в. является неполным без анализа текстов представителей различных идеологических ориентаций, в том числе славянофилов. Начиная с 1840-х гг. роль славянофилов в общественно-политической жизни России в качестве представителей одного из направлений, формирующих пространство общественной дискуссии, становится очень весомой. Это обуславливает актуальность исследования специфики их языка и словоупотребления, что будет продемонстрировано далее на примере истории идеологемы *почва*.

В. В. Виноградов, не привлекавший при исследовании семантики слова *почва* материал славянофильской публицистики, отмечает «семантический скачок» в развитии этого слова в 40–50-е гг. XIX в. в связи с влиянием французского слова *terrain* в переносном значении, а также с калькированием фразеологии. В результате *почва* приобретает семантику 'опора, основа, то, на чем можно утвердиться' [Виноградов 1999: 529]. Восприимчивость к влиянию семантики иноязычного слова может быть обусловлена, во-первых, близостью значения *terrain* к 'низ, основание, то, на чем стоит нога; верхний слой земли' — значению, которое развилось метонимически вследствие дифференциации слов *почва* и *подошва* [см.: Колесов 1984]; во-вторых, тяготением слова к профессионально-технической сфере, его употреблением в терминологических значениях [Виноградов 1999: 527–528; Лобанов (ред.) 1847в: 268]. Во французском языке XIX в. слово *terrain* имело терминологическую (геологическую) семантику и отвлеченное значение (описываемое с пометой *fig.*) 'position, situation, état des choses ou des esprits'¹ [Larousse 1898: 971].

¹ 'Позиция, ситуация, положение вещей или состояние умов' (перевод мой. — О. С.).

В 1850–1860-е гг. «в среде “молодой редакции Москвитянина”, а затем в кружке Ап. Григорьева, Ф. М. Достоевского и Н. Н. Страхова слово *почва* приобретает значение: ‘родная национальная среда, глубоко народная основа жизни’» [Виноградов 1999: 530]. Представление о «почве» как духовной сфере и отдельного человека, и народа в целом, которая имела объединяющий людей потенциал, было сформулировано славянофилами в 1840–1850-е гг. [Баршт 2022: 13]. Опираясь на теоретические взгляды А. С. Хомякова и И. В. Киреевского, Ф. М. Достоевский подразумевал под словом *почва* не народ и его духовно-нравственную природу как «основу жизни», а «этико-онтологическое основание жизни человека, прочность которого определяется уровнем христоподобия каждого конкретного человека» [Там же: 10]. Таким образом, «почвенники» придавали данному слову духовно-экзистенциальный смысл².

«Кристаллизация» общественно-политической семантики слова, практически не описанной исследователями, происходила, по-видимому, в текстах поздних славянофилов. Поэтому в качестве материала данного исследования выбраны тексты И. С. Аксакова — автора, который вывел славянофильство в широкий круг публичной полемики, способствуя трансформации идей предшественников в общественно-политическую позицию [Тесля 2015: 167; Валицкий 2019: 529]. Исследование проведено на материале двух циклов очерков, посвященных разным аспектам национального вопроса как одного из наиболее актуальных для общественно-политической жизни пореформенной России — «славянскому» и «польскому» [Аксаков 1886]. В текстах, посвященных национальной проблематике, слово *почва* приобретает характер идеологемы, одного из ключевых слов для выражения авторской точки зрения. Оно является также средством выражения политической метафоры «земля-почва».

Развитие семантики у идеологемы *почва* в публицистике И. С. Аксакова обусловлено следующими факторами:

1. На культурно-идеологическую позицию славянофилов оказала влияние немецкая философская традиция (идеи А. Шлегеля, Г. Гегеля и др.). Это отмечали как современники славянофилов, так и исследователи их творчества [Михневич 1879; Будилов 2014; Валицкий 2019 и др.]. Будет закономерно предположить, что некоторые особенности значения слова

² Для словоупотребления Ф. М. Достоевского характерно разделение «народа» и «почвы», ср.: Неужели цивилизация так безсильна, что не могла одолеть до сих пор эти ненависти. Не искать ли их скорее в самой почве, а не в случайностях, в крови, в цѣломъ духѣ обоихъ народовъ? [Достоевский 1883: 18]. См. также: [Баршт 2022: 13]. Несмотря на определенные связи между так называемыми почвенниками и старшими славянофилами, наличие семантической специфики слова *почва* в словоупотреблении Ф. М. Достоевского, можно предположить, что слово *почва* не является широко употребительным в текстах данного автора: в «Словаре языка Достоевского» [см.: Караулов (ред.) 2017] оно не описывается.

почва в славянофильских текстах могли быть обусловлены семантическими импульсами со стороны немецкого слова *Boden*, которое изначально имело значение 'дно, опора'³ [Маковский 2004: 70]. Слово *Boden* восходило к формам *Podam, Podum*, позднее — *Vodem. Vodem* имело одно из этимологических значений 'дно, глубина' (см. во втором значении сближение с лат. *fundus, profundus*, толкование 'die Tiefe' [Grimm: 1860: 209]).

В публицистике И. С. Аксакова под влиянием *Boden* у слова *почва* актуализируется семантика 'самая глубокая точка' при контекстуальном взаимодействии с иными лексемами в структуре метафоры «земля-почва», среди которых можно назвать слова и сочетания слов *глубина, родник, низменный слой, подземный пласт* и др., обозначающие простой народ, «землю»⁴. Слово *почва* приобретает значение 'основание, самая глубокая точка, с опорой на которую осуществляется закономерное развитие':

- (1) *Безъ этого, внутренняго цѣленія, никакія внѣшнія «мѣропріятія», экономическія и политическія, <...> не дадутъ благого плода, потому что были построены на пѣскъ, потому что прочно и плодотворно въ общественномъ **организмѣ** лишь то, что **коренится въ глубинахъ** крѣпкаго общественнаго духа...* [Аксаков 1886, 1: 532].
- (2) *Не имя только Польскаго народа воскрешаетъ теперь Россія, но разчищая отъ наносныхъ слоевъ **непочатые, глубоко сокрытые въ почву, свѣжіе родники Польскаго народнаго духа**, упрочиваетъ самое бытіе Польской народности, которому безумная, выродившаяся Польская шляхта грозила искаженіемъ и извращеніемъ, гибелью и смертью — не одною вещественною и политическою, но и духовною...* [Аксаков 1886, 3: 325].

И. С. Аксаков подвергает критике действия интеллигенции, бюрократии, социально-политических групп, располагающихся выше на социальной вертикали по причине заимствования ими западноевропейских культурных форм. Он обозначает представителей данных групп при помощи слов *нанос, наносной* (слой) и др., которые связаны с идеологемой *почва* в структуре метафоры:

- (3) *<...> народное самосознаніе **растетъ** у насъ страшно туго, еле-еле пробираясь сквозь разные «культурные» съ Запада **наносы, слоями покрывающіе нашу общественную духовную почву*** [Аксаков 1886, 1: 463].

³ Ср. значение слова *bottom* в английском языке, имеющего ту же этимологию, что и рассматриваемое немецкое слово.

⁴ Перечисленные слова и сочетания приобретают в структуре метафоры переносные значения, в то время как у *земли* — слова, которое в XIX в. имело переносное значение, актуализируются элементы прямого (см. далее).

Положительная оценка простого народа как основы устойчивого и закономерного социально-политического и духовно-культурного развития также выражается с помощью лексики, обозначающей части растения. Она входит в структуру метафоры «земля-почва»:

- (4) *Польская шляхта не только не удостоивала признавать въ немъ [польском простом народе. — О. С.] присутствіе какой-либо органической силы, <...> Развитие пошло въ древесину и листву, въ ущербъ корь и корню; вытянувшійся и почти обнаженный стволъ едва держался на отощавшемъ корню... Польшь грозила смерть <...> [Аксаков 1886в: 327].*

Использование слова *почва* в отвлеченном значении могло испытать влияние нем. *Boden*, которое в немецком языке XIX в. в трудах таких авторов, как Ф. Шлегель, Г. Гегель, активно употребляется как философский термин, обозначающий основу той или иной концепции, идеи как самую «низкую» точку на основе пространственной метафоры:

- (5) *Die mitgetheilten Vorlesungen sind diesen gemäss von doppeltem Interesse; den einmal geben sie uns zu erkennen, was der Philosophie... zu ihrer... Ausfuerung noch mangelte, und wie diese Ausfuehrung auf dem Boden des Idealismus gründlich versucht werden könne... [Schlegel 1837: 544]⁵.*
(6) *In der orientalischen Anschauung taumelt das Besondere, ist bestimmt, vorüberzugehen; im Boden des Denkens dagegen hat es auch seine Stelle [Hegel 1833: 167]⁶.*

2. Отвлеченное значение *Boden* могло быть как философского, так и общественно-политического характера, ср. цитату из журнала «Deutsche Rundschau», приводимую И. С. Аксаковым с переводом:

- (6) *«Настоящие противники Славистов, <...> Западники (die Westler), лишены того, что составляетъ душу каждой партіи, т. е. самостоятельныхъ, изъ собственнаго корня растущихъ идей и цѣлей. Западники живутъ не сами собою, но Европою; они не имѣютъ въ Русскомъ народѣ никакой почвы» <...> «die «Westler», entbehren dessen, was die Seele einer Partie bildet, der selbstständigen, aus eigener Wurzel wachsenden Ideen und Ziele. Die Westler leben nicht von sich, sondern von Europa; sie hapen im russischen Volk keinen Boden» [Аксаков 1886а: 343].*

⁵ Предложенные лекции представляют двойной интерес; во-первых, они дают нам понять, чего еще не хватало философии... для ее... реализации и как можно было бы основательно попытаться осуществить эту реализацию на основе идеализма... (перевод мой. — О. С.).

⁶ В восточном созерцании Особенное неустойчиво, ему суждено уйти; однако оно также имеет свое место в почве мысли (перевод мой. — О. С.).

Семантика *Boden* включала элемент значения 'глубины', отсутствовавший у французского слова (значение 'l'état de sa surface' указывает на семантику 'поверхность' у французского слова) [Larousse 1898: 971] и русского этимона. В связи с этим предположим, что даже описанная В. В. Виноградовым семантика 'глубоко народной основы жизни' у почвенников могла сформироваться под влиянием немецкой философской традиции через усвоение идей А. С. Хомякова и И. В. Киреевского [Захаров 2012: 14–24]. На недостаточность французского следа в семантической истории слова, приводимой Виноградовым, помимо особенностей осмысления идеологемы *почва* у Аксакова, указывают словообразовательные связи в русском языке. Слово *беспочвенный* во второй половине XIX в. употребляется с оценочной семантикой 'не имеющий под собой почвы в отвлеченном смысле' [Грот (ред.) 1895: 155], представляя собой кальку с немецкого *bodenlos*. Начиная с 70-х гг. XIX в. данное значение слова фиксируется в немецко-русских словарях, см. 'неосновательный' [Макаров 1877: 162]. Также в немецком языке производное от *Boden* прилагательное *bodenständig* имело в эту эпоху значение 'fest in der Heimat verwurzelt'⁷ [Pfeiffer: эл. ресурс]. Это указывает на способность однокоренного слова *Boden* повлиять на формирование общественно-политической семантики.

3. В славянофильских текстах слова-идеологемы, репрезентирующие политические метафоры «земля-почва» и «организм-государство», семантически связаны, употребляются в составе единых контекстов. Это сближение как выражение характерной черты славянофильского мировоззрения осознавали современники. В очерке В. П. Буренина с опорой на эти слова строится пародия на речь одного из славянофилов, что делает вполне узнаваемым ее объект:

- (7) Какъ скоро **органической** ходъ жизни насильственно прерванъ — готосиль хозяинъ — **корни общества**, лежащiе въ глубинъ **народной почвы**, подспъчены, или едва держатся — чъмъ можетъ оживляться интеллигенція классовъ, оторванныхъ отъ **корней**, чъмъ? Откуда ей взять приливъ новыхъ **почвенныхъ соковъ**? Только **корнемъ** основанiе крепко: если корня не будетъ, къ чему прилепиться? Откуда безъ **корней** взять жизнь духа и духъ жизни, откуда, я вась спрашиваю? [Буренин 1874: 6–7].

Для идеологем *организм*, *органический* в текстах славянофилов был характерен признак не только 'закономерного развития' [Сорокин 1965: 431–432], но и 'развития изнутри; на основе имеющихся ресурсов',

⁷ 'Прочно укоренившийся на родине' (перевод мой. — О. С.).

сложившийся под влиянием идей А. Шлегеля об органических формах: «Mechanisch ist die Form, wenn sie durch äußre Einwirkung irgerd einem Stosse bloß als zufällige Zuthat, ohne Beziehung auf dessen Beschaffenheit ertheilt wird, <...>. Die organische Form hingegen ist eingeboren, sie bildet von innen heraus, und erreicht ihre Bestimmtheit zugleich mit der vollständigen Entwicklung des Heimes»⁸ [Schlegel 1846: 157].

Смысловые связи между славянофильскими метафорами «земля-почва» и «организм-государство» актуализируют признак ‘закономерного развития изнутри’ у идеологемы *почва* и иной лексики, выражающей метафору «земля-почва». В частности, он реализуется при употреблении слова *земля* в качестве синонима рассматриваемой идеологемы. Во второй половине XIX в. *земля* имеет общественно-политическое осмысление ‘крестьяне, простой народ’ в словоупотреблении как славянофилов (например, в концепции «Земли» и «Государства» К. С. Аксакова [Цимбаев 1986]), так и представителей иных общественно-политических направлений, ср. название революционной организации «Земля и Воля». В соответствии с представлением о закономерном развитии при употреблении слова *земля* у И. С. Аксакова актуализируется его древняя метонимическая семантика ‘жители страны, земли’ [Бархударов (ред.) 1978: 377], ‘население какой-либо определенной территории’ [Аванесов (ред.) 1990: 375] с помощью контекстуальных ассоциаций с древнерусским словоупотреблением. Метонимическая связь между значениями ‘территория’ и ‘народ’ позволяет автору выразить идею об их закономерной взаимосвязи:

- (8) <...> мы <...> будемъ противиться всякому посягательству на то единство русской земли, которое жило въ ея сознаниі еще до Татаръ, когда, **по выраженію льтописца**, сходилась въ Кіевъ **«вся земля просто русская»** (т. е. не одни «Русины», но и Новгородъ, и Смоленскъ, и Курскъ, и Ростовъ, и прочія области) <...> [Аксаков 1886в: 608].

4. По мысли славянофилов, «органический» характер общественно-политического, исторического развития должен представлять собой синтез как «отрицание отрицания» — петровского периода русской истории, не имеющего закономерного характера относительно древнерусской эпохи. Подобные взгляды были обусловлены влиянием гегелевской философии истории, диалектики [Валицкий 2019: 345–346]. Представление о синтезе отразилось в концепции «земли», «общества»

⁸ Форма является механической, когда она придается путем внешнего воздействия какому-либо материалу как случайное добавление безотносительно к качеству материала <...>. Органическая форма, опять же, является врожденной, она формируется изнутри и достигает своей определенности одновременно с совершенным развитием основы (перевод мой. — О. С.).

и «государства» И. С. и К. С. Аксаковых, в соответствии с которой «земля» представляла собой «субстанциональную основу», общество — самосознающий себя народ, а государство — внешнюю оболочку [см.: Тесля 2015]. Согласно взглядам Аксаковых, общество должно быть результатом последовательного развития «земли» изнутри. В языковом отношении данные идеи послужили основой для связи метафор «земля-почва» и «организм-государство». В языковом отношении идея «синтеза» светского и религиозного, древнего и современного отразилась в том, что в семантике слова *почва* и иной лексики, репрезентирующей метафору «земля-почва», совмещаются как общественно-политические, так и духовно-религиозные компоненты значения (ср. сочетания *глубины духа* [Аксаков 1886а: 532], *духовная почва* [Аксаков 1886а: 247], *ключи народного духа* [Аксаков 1886в: 341], *общественная духовная почва* [Аксаков 1886а: 463], *родники народного духа* [Аксаков 1886в: 325]. Использование таких слов с символической семантикой, как *семя*, *плод*, цитат из Священного Писания (*возрастить «яко благо»*), способствует формированию духовно-религиозного измерения метафоры. Идеологема *почва* и иная лексика, выражающая рассматриваемую метафору, подвергается частичной деметафоризации:

- (9) <...> *сьмена просвѣщенія, приносимыя къ намъ оттуда* [с Запада. — О. С.], *тогда только могутъ быть плодотсны, когда приѣмлются критическимъ трудомъ независимой мысли, ложатся на почву самостоятельную, способную переработать и возрастить благод зерно, вызываютъ самодѣятельность духа. А не тогда, когда мысль въ плъну и изъ духовной почвы вывѣтрились весь соки народности, въ которой одной ея сила, цѣнность и отличие* [Аксаков 1886а: 247].

5. Слово *Voden* имело отвлеченные значения не только философского или общественно-политического порядка. В XIX в. оно используется в большом количестве терминологических (геологических, агротехнических и др.) значений, сближается с *Grund* в разнообразных употреблении с отвлеченной семантикой 'основа' [Sanders 1885: 88–89]. Кроме того, оно употребляется в составе устойчивого сочетания *Grund und Boden* с семантикой 'земля' [Grimm 1860: 211; Павловский 1895: 260]. Семантические связи между этими словами в немецком языке вполне могли оказать влияние на формирование структуры политической метафоры «земля-почва» у И. С. Аксакова. Объединение слова *почва* 'основа' и *земля* 'простой народ' с актуализацией элементов прямого значения, древнерусской семантики, обусловлено тем, что *Grund und Boden* могло иметь в том числе конкретное значение 'земля'. Семантика сочетания *Grund und Boden* могла оказывать влияние на взаимодействие идеологемы

почва с лексикой, выражающей растительную метафору в русском языке, в частности у И. С. Аксакова. Вместе с тем на взаимодействие могло влиять наличие у слова *Boden* специализированного ботанического значения [Sanders 1885: 88–89].

Выводы

Идеологема **почва** в публицистике И. С. Аксакова имеет семантику ‘самая глубокая точка, основа закономерного социально-политического и духовно-культурного развития’. В отличие от «почвенников», поздние славянофилы (в том числе И. С. Аксаков) рассматривали «почву» не в экзистенциальном или общечеловеческом смысле, а общественно-политически, видя в ней основу развития общества на определенной общественно-политической и духовно-нравственной национальной основе, сохранившейся в среде простого народа.

Семантическая специфика слова **почва** в публицистике И. С. Аксакова связана как с семантическими импульсами со стороны нем. *Boden*, его синонимических, словообразовательных связей, так и со смысловым взаимодействием лексики в контекстах, сформировавшихся под влиянием немецкой философской традиции. В публицистике И. С. Аксакова актуализируются духовно-религиозные и общественно-политические компоненты семантики слова **почва**, а также элементы прямого значения. В этом проявляется установка на «синтез» светского и религиозного, древнего и современного. Перечисленные семантические особенности идеологемы **почва** позволяют отметить у нее черты русского философского термина. Для него было характерно наличие отвлеченной семантики и сохранение образности, см. [Козловская 2018]. Слово **почва** характеризуется некоторым семантическим изоморфизмом немецкому слову *Boden*. Таким образом, осмысление слова **почва** Аксаковым является результатом творческой переработки немецкой мысли славянофилами, см. подробнее [Бердяев 2008: 62].

Описание семантической специфики рассматриваемой идеологемы в публицистике И. С. Аксакова, таким образом, позволяет дополнить семантическую историю слова **почва** в XIX в., описать историю его общественно-политического употребления.

Источники

Аксаков И. С. Собр. соч. в 7 т. Т. 1. Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 гг. М.: тип. М. Г. Волчанинова, 1886. 792 с.; Т. 3. Польский вопрос и Западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. 845 с.

Буренин В. П. Очерки и пародии. СПб.: Тип. П. П. Меркурьева, 1874. 378 с.

Грот Я. К. (ред.). Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской академии наук: в 9 т. Т. 1. СПб.: Тип. Импер. АН, 1895. 576 с.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1873 г. (Из журнала «Гражданин»). Политические статьи. Критические статьи. СПб., 1883. 279 с.

Лобанов М. Е., Березников Я. И., Поленов В. А. (ред.). Словарь церковнославянского и русского языка: в 4 т. Т. 3. СПб.: Тип. Импер. АН, 1847. 488 с.

Макаров Н. П. Полный немецко-русский словарь. СПб.: Тип. В. В. Шеерера, 1877. 822 с.

Михневич В. Наши знакомые: фельетонный словарь современников. Вып. 1. СПб., 1884. 318 с.

Павловский И. Я. Русско-немецкий словарь: в 8 вып. Вып. 1. Рига: Н. Киммель, 1895. 1344 с.

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch. 1854–1961. 2 Band. Leipzig, 1860. 1776 p.

Hegel G. F. W. Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Berlin, 1833. 418 p.

Larousse P. Augé C. Nouveau Larousse Illustré. Vol. 7. Paris, Librairie Larousse, 1898. 1440 p.

Sanders D. Wörterbuch der deutschen Sprache, mit Belegen von Luther bis auf die Gegenwart. Leipzig: Wigand, 1885. 691 p.

Schlegel F. K. W. Philosophische vorlesungen aus den Jahren 1804 bis 1806. Bonn: bei Eduard Weber, 1837. 547 p.

Schlegel A. W. Vorlesungen über dramatische Kunst und Litteratur. Zweiter Teil. Leipzig, 1846. 453 p.

Литература

Аванесов Р. И. (ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 12 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 512 с.

Бархударов С. Г. (ред.). Словарь древнерусского языка XI–XVII вв. В 30 т. Т. 5. М.: Наука, 1978. 393 с.

Баршт К. А. О концепте *почва* в трудах *старших славянофилов* и в творчестве Ф. М. Достоевского 1860–1870-х гг. // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2022. Т. 19. Вып. 1. С. 4–28.

- Бельчиков Ю. А. Русский литературный язык во второй половине XIX века. М.: Высшая школа, 1974. 192 с.
- Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 318 с.
- Будилов В. М. Савиньи и становление русского национального правоведения в первой половине XIX в. // Правоведение. 2014. № 3. С. 156–187.
- Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / Пер. с польск. К. Душенко. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 704 с.
- Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Высшая школа, 1982. 528 с.
- Виноградов В. В. Почва // Виноградов В. В. История слов / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.
- Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. М.: Русский язык; Полиграф-ресурсы, 1999. 752 с.
- Захаров В. Н. Почвенничество в русской литературе: метафора как идеологема // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2012. С. 14–24.
- Караулов Ю. Н. (гл. ред.). Словарь языка Достоевского. Идиоглоссарий. Н–По. М.: Азбуковник, 2017. 856 с.
- Козловская Н. В. Русский религиозно-философский текст: новые жанры и новые термины // Вестник Череповец. гос. ун-та. 2015. № 5. С. 88–92.
- Колесов В. В. Исторические основания многозначности слова и лингвистические способы ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск: Изд. Ижевского гос. ун-та, 1984. С. 18–28.
- Купина Н. А. Живые идеологические процессы и проблемы культуры речи // Язык. Система. Личность. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. С. 90–104.
- Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка: Слово в зеркале человеческой культуры. М.: Азбуковник, 2004. 632 с.
- Радбиль Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова. М., Н. Новгород: Изд. Нижегород. гос. пед. ун-та, 1998. 116 с.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90 годы XIX века. М., Л.: Наука, 1965. 565 с.
- Тесля А. А. Последний из «отцов»: Биография И. С. Аксакова. М.: Владимир Даль, 2015. 799 с.
- Тимофеев К. А., Меделец Н. М. (ред.). Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 5. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 1774 с.
- Цимбаев Н. И. Славянофильство: Из истории русской общественно-политической мысли. М.: Изд. Моск. гос. ун-та, 1986. 273 с.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта; Наука, 2007. 254 с.
- Pfeiffer W. Etymologisches Wörterbuch des Deutschen [Электронный ресурс]. <https://www.dwds.de/wb/etymwb/bodenständig> (дата обращения: 5.10.2024).

References

- Avanesov R. I. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11–14th centuries)]. In 12 vols. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1990. 512 p.
- Barkhudarov S. G. (ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Old Russian language of the 11–17th centuries]. In 30 vols. Vol. 5. Moscow, Nauka Publ., 1978. 393 p.
- Barsht K. A. [Concept *pochva* ('soil') in works of senior Slavophiles and F. M. Dostoevsky]. *Vestnik SPbGU. Jazyk i literatura*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 4–28. (In Russ.)
- Bel'chikov Ju. A. *Russkii literaturnyi jazyk vo vtoroi polovine XIX veka* [The Russian standard language in the 2nd half of 19th century]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974. 192 p.
- Berdyaev N. A. *Russkaya ideya* [The Russian concept]. St. Petersburg, Azbuka-Klassika Publ., 2008. 318 p.
- Budilov V. M. [Savigny and the Russian national law knowledge development in the 1st half of 19th century]. *Pravovedenie*, 2014, no. 3, pp. 156–187. (In Russ.)
- Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2007. 254 p.
- Cimbaev N. I. *Slavyanofil'stvo: iz istorii russkoi obshhestvenno-politicheskoi mysli* [Slavophilism: from the history of the Russian social-political thoughts]. Moscow, Moscow State University Publ., 1986. 273 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk; Polygraph Resources Publ., 1999. 752 p.
- Karaulov Yu. N. (ch. ed.). *Slovar' yazyka Dostoevskogo. Idioglossarii. N–Po* [Dostoevsky's Dictionary of Language. The Idioglossary. N–Po]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 856 p.
- Kolesov V. V. [Historical purposes of word's polysemy and linguistic ways of its elimination]. *Russkoe semanticheskoe slovoobrazovanie* [Russian semantic word formation]. Izhevsk, Izhevsk State University Publ., 1984, pp. 18–28. (In Russ.)
- Kozlovskaya N. V. [The Russian religious-philosophical text: new genres and new terms]. *Vestnik Cherepovec. gos. un-ta*, 2015, no. 5, pp. 88–92. (In Russ.)
- Kupina N. A. [Living ideological processes and culture of speech issues]. *Jazyk. Sistema. Lichnost'* [Language. System. Person]. Ekaterinburg, Ural State University Publ., 2005, pp. 90–104. (In Russ.)
- Makovskii M. M. *Ehtimologicheskii slovar' sovremennogo nemetskogo yazyka: Slovo v zerkale chelovecheskoi kul'tury* [Etymological dictionary of modern German: A Word in the mirror of human culture]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2004. 632 p.
- Pfeiffer W. *Etymologisches Wörterbuch des Deutschen* [Etymological Dictionary of German]. Available at: <https://www.dwds.de/wb/etymbw/bodenständig> (accessed 5.10.2024).
- Radbil' T. B. *Mifologiya jazyka Andreya Platonova* [Andrew Platonov's language mythology]. Moscow, Nizhniy Novgorod, Nizhny Novgorod State University Publ., 1998. 116 p.

- Sorokin Yu. S. *Razvitie slovarnogo sostava russkogo literaturnogo yazyka. 30–90 gody XIX veka* [The Russian language vocabulary development in 30–90s of 19th century]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965. 565 p.
- Teslya A. A. *Poslednii iz "otcov": Biografiya I. S. Aksakova* [The last of "fathers": Ivan S. Aksakov's biography]. Moscow, Vladimir Dal' Publ., 2015. 799 p.
- Timofeev K. A., Medelets N. M. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. In 17 vols. Vol. 5. Moscow, Leningrad, Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1960. 1774 p.
- Valickii A. *V krugu konservativnoi utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavjanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. Structure and metamorphoses of the Russian Slavophilism]. Transl. by K. Dushenko. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019. 704 p.
- Vinogradov V. V. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII–XIX vv.* [Essays on history of the Russian standard language of 17–19th centuries]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1982. 528 p.
- Vinogradov V. V. [Soil]. Vinogradov V. V. *Istorija slov* [History of words]. Moscow; IRL RAS Publ., 1999. 1138 p.
- Zaharov V. N. ["Pochvennichestvo" in the Russian literature: metaphor as ideologeme]. *Problemy istoricheskoi pojetiki* [Problems of historical poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2012, pp. 14–24. (In Russ.)

Три регтайма Андрея Вознесенского: сонет ли один из них?

Олег Иванович Федотов, Московский педагогический государственный университет
(Россия, Москва), o_fedotov@list.ru

DOI: 10.31857/S0131611725040099

АННОТАЦИЯ: Как поэт, позиционировавший себя певцом НТР, А. Вознесенский рано обнаружил в своем творчестве обостренную склонность к экфрасису. Будучи выпускником Архитектурного института, он много и охотно сотрудничал с коллегами по профессии, композиторами, живописцами, скульпторами, театральными и кинорежиссерами, создавая произведения синтетических, смешанных жанров: поэтические статуи, словесно-архитектурные сооружения, видеомы, инсталляции, оперы, романсы, оратории, популярнейшие лирические песни. В 1980–1990-х гг. им были написаны три оригинальных стихотворения с необычным жанровым обозначением — регтайм: «Сонет (регтайм)» («сна нет...») (1980), «Регтайм» («Полюбите пианиста!..») (1983) и «Лесной регтайм» («Ку-ку — / минуя времени реку...») (1998). Одно из них к тому же он загадочным образом назвал сонетом, хотя оно состояло не из 14, а из 43 укороченных стихов. В предлагаемой статье они анализируются как циклическое единство, а также предпринимается попытка прояснить логику появления столь экстравагантного жанрово-строфического определения. В финале автор мотивирует его тремя основными причинами: 1) каламбуром: «сонет = сна нет»; 2) после того, как поэт перевел для Д. Шостаковича несколько сонетов Микеланджело, сонет стал для него самым совершенным «способом общения с небесами»; 3) однако Вознесенский более чем свободно обращался с традиционными жанровыми формами поэзии, до неузнаваемости модифицируя их ради достижения максимального художественного эффекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: А. Вознесенский, Р. Паулс, экфрасис, регтайм, циклическое единство, жанровая специфика, поэтика, версификация

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Федотов О. И. Три регтайма Андрея Вознесенского: сонет ли один из них? // Русская речь. 2025. № 4. С. 115–126. DOI: 10.31857/S0131611725040099.

БЛАГОДАРНОСТИ: Статья написана при поддержке гранта РФФИ; проект № 23-28-00545 «Сонет и сонетные ассоциации в русской литературе XIX–XXI вв.».

The Language of Fiction

Three Ragtimes by Andrey Voznesensky: Is One of Them a Sonnet?

Oleg I. Fedotov, Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow), o_fedotov@list.ru

АБСТРАКТ: As a poet who positioned himself as a singer of the NTR, A. Voznesensky early discovered an acute tendency to ecphrasy in his work. As a graduate of the Architectural Institute, he collaborated a lot and willingly with colleagues in his profession: composers, painters, sculptors, theater and film directors, creating works of synthetic, mixed genres, such as poetic statues, verbal and architectural structures, videomes, installations, operas, romances, oratorios and the most popular lyrical songs. In the 80–90s. he wrote three original poems with an unusual genre designation ragtime: “Sonnet (ragtime)” (“there is no sleep...”) (1980), “Ragtime” (“Love the pianist!..”) (1983) and “Forest ragtime” (“Ku-ku — / past time river...”) (1998). One of them, moreover, he mysteriously called a sonnet, although it consisted not of 14, but of 43 shortened verses. In the proposed article, they are analyzed as a cyclic unity, and an attempt is made to clarify the logic of the appearance of such an extravagant genre-strophic definition. In the final, the author motivates it with three main reasons: 1) pun: “sonnet = no sleep”; 2) after the poet translated several sonnets by Michelangelo

for D. Shostakovich, the sonnet became the most perfect “way of communicating with heaven” for him; 3) however, Voznesensky handled traditional genre forms of poetry more than freely, modifying them beyond recognition in order to achieve maximum artistic effect.

KEYWORDS: A. Voznesensky, R. Pauls, ecphrasis, ragtime, cyclic unity, genre specificity, poetics, versification

FOR CITATION: Fedotov O. I. Three ragtimes by Voznesensky: is one of them a sonnet? *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2025. No. 4. Pp. 115–126. DOI: 10.31857/S0131611725040099.

ACKNOWLEDGMENTS: This work was carried out within the Grant of the Russian Academy of Sciences; project No. 23-28-00545 “Sonnet and sonnet associations in Russian literature of the 19th — 21th centuries”.

В 80-е годы А. Вознесенский много и охотно экспериментировал, в том числе и с самой консервативной жанрово-строфической формой сонета. В 1980 г. появился его первый безразмерный «Сонет» с подзаголовком «Рэгтайм», видимо, конкретизирующим его жанровую специфику. В строгом смысле так называли в начале XX в. музыкальные композиции, предшествовавшие джазу. Они отличались четким маршевым ритмом, двух- или четырехдольным размером (преимущественно 2/4 или 4/4). Их синкопированная мелодия располагала к танцевальным движениям. Наиболее популярен рэгтайм был, как принято считать, с 1900 по 1918 гг. Классиком рэгтайма слыл Скотт Джоплин, получивший признание лишь посмертно¹. Его творческие разработки активно использовали профессиональные композиторы (Дебюсси, Стравинский, Прокофьев), таперы, аккомпанируя на киносеансах, особенно в немых комедиях с участием Чарли Чаплина, а также — отраженным образом — привечали кинорежиссеры (Эйзенштейн в «Броненосце Потемкине» или в наше время Гайдай в «Бриллиантовой руке») [Попова, Казакова 2020]. Не остались в стороне и поэты. В частности, Вознесенский обращался к этой жанровой форме не однажды; кроме «Сонета» с подзаголовком «Рэгтайм» (1980), следует упомянуть еще два: хореический «Рэгтайм» («Полюбите пианиста!...», 1983), и ямбический «Лесной рэгтайм» («Ку-ку- / минуя Времени реку — ку-ку-ку-...», 1998).

¹ См. в качестве музыкальной иллюстрации его композицию «Артист эстрады» в исполнении Анны Мень: <https://dzen.ru/video/watch/6422b8d217fedc0d79ea179f?f=d2d>.

Стихотворение 1983 г. «Полюбите пианиста...», с его изысканным акаталектическим ритмом², со сплошными женскими окончаниями и преобладанием пеанообразных³ модификаций ПХ|ПХ (UU_U|UU_U) при доминантной тенденции к совпадению стопо- и словоразделов посередине, представляет собой ярчайший образец непрерывно льющегося звуко-ряда, свойственного регтайму, где характерные синкопы образуются благодаря регулярному чередованию 4- и 5-стопного хоря 445445:

Регтайм

Барабан был плох,
барабанщик — бог.

Полюбите пианиста!	ПХ ПХ
Хоть он с виду неказистый	ПХ ПХ
и умеет плавать, как топор.	ПХ X ПХ
Не спешите разрыдаться —	ПХ ПХ
жизнь полна импровизаций.	ХХПХ
Гениальным может быть тапер.	ПХ X XX

[Вознесенский 2015, т. 2: 249]

Автоэпиграф — зачин из другой песни Вознесенского, которым в «Малом собрании сочинений» сопровождала «Регтайм» вдова поэта Зоя Богуславская: «Барабан был плох, барабанщик — бог...» [Вознесенский 2013: 355–356], и близкое знакомство поэта с прототипом лирического персонажа — пианистом-виртуозом, Раймондом Паулсом, работавшим в это время тапером в ресторане и написавшим музыку к обеим песням⁴, создали в совокупности узнаваемый образ латышского композитора, ставшего в одночасье знаменитым, и заодно красноречиво подтвердили и ритмическое, и жанровое своеобразие исходного словесного текста. Определенное влияние на поэта оказали, конечно, и некоторые созвучные песни Владимира Высоцкого, бывшие у всех на слуху, с которым Вознесенский, как и с Паулсом, был в указанное время дружен (показательна в этом смысле в точности не совпадающая, но близкая по ритму «Утренняя гимнастика», 1968).

² Размерами акаталектического ритма называются стиховые формы, в которых членение на стиховые ряды не укорачивает (каталектика) и не удлиняет (гиперкаталектика) стопы, т. е. совпадает со стопоразделами.

³ Пеоны — четырехстопные стопы, состоящие из двусложной стопы хоря или ямба в сочетании с пиррихием; они различаются по номерам, в зависимости от места расположения ударного слога: пеон I (_UUU), пеон II (U_UU), пеон III (UU_U) и пеон IV (UUU_).

⁴ См.: «Барабан был плох...» («Танец на барабанах») в исполнении Николая Гнатюка в Сопоте (<https://yandex.ru/video/preview/15195919810612660023>) и «Полюбите пианиста!» в исполнении Андрея Миронова (<https://yandex.ru/video/preview/2201411515852352953>).

Совсем другой принцип организации синкопированного ритма лег в основу ямбического варианта в более позднем шуточном стихотворении 1998 г. «Лесной регтайм», посвященном ироническому соратнику на театральных подмостках — Сергею Юрскому. В данном случае непрерывный поток альтернирующего ритма⁵ с сильными слогами на четных позициях реализуется в основном за счет звукоподражательного междометия «ку-ку...», составляющего без малого треть текста: 7 цельных стихов из 25⁶:

Лесной регтайм

Ку-ку -	Я
миную Времени реку —	ЯЯПЯ
ку-ку-ку-ку-	ЯЯ
читаю ли Матфея и Луку,	ЯПЯПЯ
ку-ку-ку-ку-ку-ку-	ЯЯЯ
укушенный собаками бегу —	ЯПЯПЯ
тебе не прозвонюсь через Москву —	ЯПЯПЯ
ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку-	ЯЯЯЯ
лишь состраданье неба привлеку,	ПЯЯПЯ
что клен, приставив пятерней к виску,	ЯЯПЯЯ
помахивая мне, как дурачку,	ЯПЯПЯ
меня диагностирует:	ЯЯПП
«ку-ку!»	Я

[Вознесенский 2012: 615–615]

Наиболее активно неумолчная монотония повторов синкопируется в следующих стихах, содержащих слог «ку»⁷ в разрозненном виде, преимуще-

⁵ Стихами альтернирующего ритма (точнее альтернирующими метрами) принято называть двухсложники (хорей и ямб), в которых сильные и слабые слоги чередуются равномерно.

⁶ Это соотношение не может претендовать на абсолютную точность, так как текст «Лесного регтайма» в разных изданиях имеет разное количество стихов, в зависимости от расположения в строках междометия «ку-ку». Оно может обособляться в первой строке: «Ку-ку — / миную времени реку...» или объединяться со 2-й строкой: «Ку-ку миную времени реку...», образуя с ней одно целое. И, наоборот, в конце первой половины стихотворения, будучи логическим продолжением предыдущей строки «Меня диагностируют: “ку-ку”», оно неправомерно печатается обособленно: «Меня диагностируют: / “ку-ку”». Более того, на некоторых сайтах Интернета вообще встречаются варианты, где количество «ку-ку» составляет две или даже три строки подряд и добавляются какие-то дополнительные строки: «что на веку? / осекся вновь курок / я не хирург чтобы вскрывать кишку, / но в зеркале какой-то НИХЕРУК» (https://vk.com/wall-56753585_238?ysclid=ls0fbhmixh745305291 — 31 строка; <https://1benked.livejournal.com/32645.html> — 35 строк). «Какой-то НИХЕРУК» на проверку оказывается зеркально отраженным КУРЕХИН'ым.

⁷ Основной упор в повторяющемся междометии «ку-ку», разумеется, принимает на себя ударный звук «у», самый, кстати, раритетный в системе русских гласных (ок. 9 %), но его артикуляционная природа настолько характерна, что он достаточно ярко проявляет себя даже в безударном положении, т. е. почти не трансформируется в потоке речи. Поэтому в нашем случае следует учитывать его повторы не только в чистом виде, но и в сочетании с другими согласными: (г/х/ф/в/шу).

Исключительный интерес с точки зрения выявления не столько отмеченных исследовательницей «диссипативных процессов во всех зонах бифуркации», сколько наблюдений над взаимодействием музыкальной и поэтической образности, представляет собой первый опыт Вознесенского в стиле регтайм, получивший парадоксальное название «Сонет».

Поэтому рассмотрим его подробнее:

СОНЕТ

регтайм		«ТАСС»	—
		— мать спит	--
сна нет	--	25. тсс...	—
спать спать спать	----	спать спать	--
сон стек с пят	----	ты — мой сон	----
сон синь Спас	----	экстаз	U_
5. спит скит	--	спать спать...	U_
спит стыд	--	30. телефон	UU_
клоп куснул	U_	— общепит?	UU_
и уснул	UU_	— б....!	—
Бог спит	--	— б....?!!	—
10. спать спать спать	----	— так-с!..	—
телефон опять	UU_U_	35. три, два, ать,	----
— общепит?	UU_	кроссовки “SPEED”	U_U_
— б....!	—	— такси!	U_
б...?	—	«ТАСС»	—
15. телефон	UU_	«МИД»	—
137-18-25	--U_UU_U_U_	40. спать спать спать	----
— ты, мой сон?	----	Телефон	UU_
так-с...	—	общепит? сна нет	UU_--
три, два, ать!	----	ты — мой сон сна нет	-----
20. кроссовки “SPEED”	U_U_		
такси!	U_	1980	
«МИД»	—	[Вознесенский 2012: 413–414]	

Как видим, стихотворение состоит из 43 стихов чрезвычайно редкого в русской поэзии тактовика — разновидности тонического стиха с междуктовыми⁹ интервалами от 0 до 2 слабых слогов, соотношение которых весьма необычное: нулевых — 32, односложных — 7 и двусложных — всего 1. То же самое можно сказать и об анакрузах — ритмических зачинах,

⁹ Иктами в стиховедении принято называть сильные ударные слоги.

измеряемых количеством слабых слогов до первого сильного: нулевых — 30, односложных — 5 и двусложных — 8. Зато все эпикрузы — ритмические окончания в заударной части стихов — при абсолютно мужских клаузулах — нулевые. Весь текст представляет собой непрерывную последовательность 83 сильных слогов¹⁰, которые или смыкаются друг с другом, как 15 односложных слов подряд в первых семи стихах (плюс 16-е в следующем 8-м стихе), или чередуются с односложными либо двусложными междударными интервалами, как в 16-м стихе:

137 – 18 – 25 = сто тридцать семь восемнадцать двадцать пять =
_ _ U UU U U _

Такая диспозиция — самая что ни на есть подходящая для синкопированного ритма регтайма. Ее разрешающие свойства усиливаются, кроме того, слоговым контрастом укороченных и удлиненных стихов. Самых коротких — односложных — больше всего — 11, двусложных — 7, трехсложных — 8 и всего один, заключительный, — пятисложный. Самый длинный — упомянутый 16-й — насчитывает 11 слогов. Строки с примесью безударных слогов довольно сильно разнообразят и усложняют картину. Тем не менее средний показатель слогового состава одного стиха — 2, 63¹¹ слога не может не поразить своей уникальной краткостью, а следовательно, предрасположенностью к виртуозным фиоритурам фортепьянной отрывистой россыпи, какими славился Раймонд Паулс — по всей видимости, образцовый для Вознесенского исполнитель регтайма.

В жанровом и содержательном плане рассматриваемое нами стихотворение, состоящее из 43 стихов и получившее в качестве заголовка жанровое определение «Сонет», а в качестве подзаголовка музыкально-ритмический термин «регтайм», проще всего, наверное, сопоставить с пушкинскими «Стихами, написанными во время бессонницы». На дворе ночь, пора предаться покою, уснуть, но возбужденное вдохновением творческое сознание лирического субъекта, однозначно поэта, продолжает по инерции работать вхолостую, а потому пестрой вереницей мелькают разнородные образные цепочки, окказионально связанные лишь неупорядоченной звуко-смысловой игрой, то полноценной рифмой, то случайными звуковыми повторами. Из-за того, что почти каждое слово обособлено, окутано с обеих сторон непроницаемыми паузами, они упорно не складываются в синтаксически и логически упорядоченные предложения,

¹⁰ В это число входят и односложные стихи, например, 13-й, 14-й или 25-й, образованные не слогаобразующими согласными звуками «б...» и «тсс...», так как для их произнесения необходимо определенное время, потребное для односложного обценного слова («б...») или примерно равное редуцированному гласному («тсс...»).

¹¹ $83 + 12 + (9 \times 2) = 113 : 43 = 2,63$.

обнаруживая выраженную тенденцию к подчеркнуто дробному членению фразы. Не случайно фактически отсутствуют такие значимые для синтаксиса знаки препинания, как точка и запятая¹². Что касается россыпи вопросительных и восклицательных знаков, многоточий, дефисов и тире, они не столько служат правилам пунктуации, сколько выполняют многообразные эмоциональные, смысловозначительные и формальные функции, выражая удивление, возбуждение, негодование, призыв, растерянность, недосказанность или аномальные грамматические отношения.

Первые десять стихов представляют собой сюжетно-тематическую и ритмическую экспозицию, пунктирно определяя тему и невыносимую ситуацию бессонницы, а также формируя на первых порах совершенно нечетливый метрический профиль стихотворения. В сознании лирического Я чередуются созвучные слова приблизительно так, как они сочетаются в экспериментальном стихотворении Алексея Ржевского «Ода, собранная из односложных слов», которую с одинаковым успехом можно проскандировать в ритме любого из пяти классических метров силлаботоники:

Как я стал знать взор твой,
С тех пор мой дух рвет страсть:
С тех пор весь сгиб сон мой;
Стал знать с тех пор я власть. <1761>
[Ржевский 1972: 213]

Из-за того, что слоговая протяженность стихов в тексте Вознесенского значительно короче, чем в оде Ржевского, и сразу отчетливо определяется ударная доминанта на последнем слоге, выбор метрики применительно к нему не столь универсален. Некоторая ее стабилизация намечается начиная с 11-го стиха благодаря появлению трехсложных слов с ударением на третьем слоге, в результате чего текст может восприниматься амбивалентно — или как хореический, или как анапестический. Но 16-й стих — «Сто тридцать семь — восемнадцать — двадцать пять» 11-сложный номер телефона, о классической метрике альтернирующего типа заставляет забыть. В лучшем случае, если атонировать¹³ второй ударный слог, в нем просматриваются контуры 4-ударного дольника на дактилической основе: 0.2211.0.

После констатации «сна нет» (заметим, со строчной буквы) лирический герой многократно, как заклинание, повторяет: «спать спать спать», по три, по два слова в стихе, в общей сложности тринадцатикратно. К ним

¹² Исключения составляют ст. 17 («— ты, мой сон?»), а также идентичные 19 и 35: «три, два, ать?», где запятые обозначают обращение и перечисление.

¹³ Т. е. пренебречь полуударением.

присоединяются созвучные с ними четыре строки из аналогичных слов, начинающихся со звука «с»: «сон стёк с пят / сон синь Спас / спит скит / спит стыд». Все они выступают окказиональными синонимами отсутствующего сна. Далее нагнетается глагол «спит» по отношению ко всему, кроме, естественно, мучительно не засыпающего Я¹⁴. Помимо «скита» и «стыда» «Бог спит» и «мать спит»; им в поддержку явления, обозначаемые рифмующимися с ними словами: трижды «общепит» и дважды «кроссовки SPEED». Даже клоп, «куснув» лирического героя, тут же «уснул». Более же всего страдальцу мешает уснуть четырехкратный звонок телефона не по адресу. Приходится отвечать в грубых обценных выражениях.

Со структурой классического сонета и даже в некотором роде сонетного венка поэтический дискурс регтайма 1980 г. роднит не только круговерть одних и тех же или подобных эпизодов, образов и слов, напоминающих закономерное чередование двух катренов и двух терцетов, но и рамочная композиция, образованная почти полным совпадением первого и двух финальных стихов:

сна нет
.....
общепит? *сна нет*
ты — мой сон *сна нет*

Все это понятно и хорошо знакомо практически каждому человеку, но почему Вознесенский назвал «Сонетом» стихотворение, ничего общего, казалось бы, с классической жанрово-строфической формой не имеющее?

Во-первых, обратим внимание на то, что первый же его стих «сна нет» каламбурно рифмуется с... заголовком. Срабатывает эффект ложной или, в нашем случае, скорее, поэтической этимологии «Сонет — сна нет».

Кстати сказать, позднее подобную сюжетообразующую игру слов самостоятельно или по аналогии с Вознесенским применил Николай Ерёмин в своем ироническом сонете «Александровский сад», используя каламбур и в заголовке («Александровский сад»), и в подзаголовке («СОН? НЕТ! СОНЕТ»), и в жанрово-тематическом аспекте: «Новый год... Деревня... / Подмосковный сад... / Бродит меж деревьев — / Балтин Александр... / Двигается ко мне / В снежном полусне... / Меж стихов и проз, / Точно Дед-Мороз / В образе Левши... / Чтоб от всей души / На века опять / Музу подковать, / Как кузнец блоху: / — Знайте Ху из Ху! (30-12-21)» [Ерёмин 2021].

¹⁴ Типологически схожую картину мы наблюдаем у Бродского в «Большой элегии Джону Донну»: «Ключевая сема “сна” в разных грамматических формах существительного или, в основном, глагола в настоящем (“спит”, “спят”, “во сне сипит, / сливаясь вдалеке с уснувшим небом” и т. д.), и прошедшем времени совершенного вида (“уснул”, “уснули”, “уснуло все” и т. д.), а также причастия (“уснувшим”) суммарно повторяется в произведении 75 раз!» [Федотов 2022: 432 и сл.].

А инициатором использования этого каламбура как активного смыслопорождающего фактора, видимо, следует считать Иннокентия Анненского, автора сонета под заголовком «Сон и нет», состоящего из двух графически разъединенных полусонетов (aaBaBaB // aBaBВаa) [Анненский 1959: 186].

Во-вторых, после того, как Вознесенский накоротке познакомился с почтенной строфой, переложив, по просьбе Шостаковича восемь сонетов великого Микеланджело, сонет для него стал совершенным способом «общения с небесами», «четырнадцатистрочной структурой, с замковой концовкой и виртуозной рифмовкой, адресованной Вечности» [Вознесенский 1994: 264].

И, наконец, в-третьих, как уже не раз отмечалось, автор анализируемого текста менее всего был озабочен строгим соблюдением формальных канонов на всех версификационных уровнях, не исключая строфического. В тех же «Ментальных комментариях» к молитвенной поэме «Россия воскресе» он допускает увеличение протяженности сонета минимум в полтора раза, как это сделал в своих «хвостатых» сонетах ирландский поэт XIX в. Джеральд М. Хопкинс¹⁵, и даже для себя лично — довести его до совершенно безразмерного предела в 200 стихов в катренах.

Одним словом, Вознесенский ценил и превозносил сонет не за его формальные ограничения и даже не за кристаллическую плотность его содержания, а за его безграничные функциональные возможности транслировать диалог между землей и небом. То есть, иными словами, сонет привлекал его как высокая форма выражения высокого же экзистенциального содержания.

Источники

Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л.: Советский писатель, 1959. 669 с.

Вознесенский А. А. Гадание по книге: Вещи последних лет / рисунки автора. М.: Аргументы и факты, 1994. 288 с.

Вознесенский А. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: Альфа-книга, 2012. 1224 с.

Вознесенский А. А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. 608 с.

¹⁵ С творчеством которого его наверняка знакомил Б. Пастернак, зарабатывавший себе на жизнь переводами. От него же он мог услышать заявление Хопкинса о том, что он написал самые длинные сонеты, каких до него еще не писали. В письмах к Роберту Бриджесу он делился опытом увеличения количества строк в сонете за счет прибавления «хвоста» из двух дополнительных терцетов (4 + 4 + 3 + 3 + 3 + 3 или 4 + 4 + 4 + 2 + 3 + 3), а также увеличения длины строк за счет замены двусложных стоп четырехсложными. См.: [Wagner: 45–46].

Вознесенский А. А. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. Г. И. Трубникова. СПб.: Издательство Пушкинского Дома: Вита Нова, 2015. Т. 1. 536 с. Т. 2. 456 с. (Новая Библиотека поэта).

Ерёмин Н. Н. Книга декабря // Lib.ru: Журнал «Самиздат» [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/e/eremin_n_n/knigadekabrja.shtml (дата обращения: 15.11.2023).

Ржевский А. А. Ода 2, собранная из односложных слов («Как я стал знать взор твой...») // Поэты XVIII века. Т. 1. БСП. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1972. С. 213.

Литература

Муратова Е. Ю. Окказиональная лексикализация звуковых комплексов в русской поэтической речи XX в. // Веснік БГУ. Сер. 4. 2008. № 1. С. 32–35.

Попова Н. Е., Казакова С. В., Букминов А. А. Регтайм как самодостаточный музыкальный жанр // Pedagogical Journal. 2020. Vol. 10. Is. 4A. С. 352–358 [Электронный ресурс]. URL: <https://sowa-ru.com/wp-content/uploads/2021/01/regtaym-kak-samodostatochniy-zhanr.pdf?ysclid=lrqiw8y66j88077942> (дата обращения: 26.04.2025).

Федотов О. И. Стихопэтика Иосифа Бродского. Монография. М.: DirectMedia, 2022. 596 с. Wagner J. A. The Allegory of Form in Hopkins's Religious Sonnets. *Nineteenth-Century Literature*. 1992. Vol. 47. № 1. Pp. 44–45.

References

Fedotov O. I. *Stikhopoetika Iosifa Brodskogo. Monografiya* [The versification poetics of Joseph Brodsky. Monograph]. Moscow, DirectMedia Publ., 2022. 596 p.

Muratova E. Yu. [Occasional lexicalization of sound complexes in Russian poetic speech of the twentieth century]. *Vesnik BGU*, ser. 4, 2008, no. 1, pp. 32–35. (In Russ.)

Popova N. E., Kazakova S. V., Bukminov A. A. [Ragtime as a self-sufficient musical genre]. *Pedagogical Journal*, 2020, vol. 10, iss. 4A, pp. 352–358. (In Russ.)

Wagner J. A. The Allegory of Form in Hopkins's Religious Sonnets. *Nineteenth-Century Literature*, 1992, vol. 47, no. 1, pp. 44–45. (In Eng.)

Наука в лицах

Памяти Елены Яковлевны Шмелевой

Science and Persons

In Memory of Elena Yakovlevna Shmeleva

26 мая 2025 года ушла из жизни Елена Яковлевна Шмелева, замечательный человек, душевный и открытый добру, талантливый ученый, заместитель директора по научной работе Института русского языка им. В. В. Виноградова. Елена Яковлевна — автор более ста научных публикаций с очень высоким индексом цитирования, поскольку то, о чем она писала, никогда не было банальным и общеизвестным. Она умела найти неожиданные повороты в раскрытии любой научной темы и привлекала яркий и запоминающийся языковой материал.

Елена Яковлевна, будучи заместителем главного редактора нашего журнала «Русская речь», очень много сделала для его развития. Она вошла в редколлегию именно тогда, когда журнал начал меняться и по форме, и самое главное, содержательно, превращаясь в академическое издание, современное и обладающее собственным узнаваемым лицом.

Ей был дан особый талант популяризации научных знаний о русском языке. Она умела донести до слушателей и читателей сложнейшие теории и факты ярко, понятно и непринужденно. Многие помнят замечательную передачу «Грамотей» на радио «Маяк», которую Елена Яковлевна вела много лет. Ее неповторимый тембр голоса и особая стилистика общения со слушателями, теплая и дружелюбная, привлекали людей в разных частях мира. Вела она рубрику о русском языке и в журнале «Ъ-наука».

Елена Яковлевна всегда была окружена людьми, всегда была центром притяжения и для коллег, и для друзей, и для случайных знакомых. Самая главная ее черта — равнодушие. Нам будет очень ее не хватать.

От редакции

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*

Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*

Корректор *Н. Н. Занегина*

Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,

редакция журнала «Русская речь»,

тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .

Дата выхода в свет .

Формат 60×88 ¹/₁₆. Уч.-изд. л. . Тираж экз.

Зак. .

Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук

119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14

20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,

Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+